

А. И. Сергеев

**ЛИНИЯ ЖИЗНИ -
ЛИНИЯ ВОЙНЫ**

Котельнич 2005

**ББК 63.3(2Рос - 4Кир)62
С 32**

**Ответственный за выпуск
Александр Суворов**

**Фотографии из личного фонда
А. И. Сергеева и книги
«Великая Отечественная война в фотоснимках и кинохронике»**

Издание осуществлено на средства автора

**СЕРГЕЕВ А. И.
С 32 ЛИНИЯ ЖИЗНИ - ЛИНИЯ ВОЙНЫ. Автобиографическая повесть
Котельнич. 2007 г. 128 стр.**

**Автор выражает сердечную признательность
коллективу Котельничской типографии
и ее директору Сергею Коромыслову
за содействие в осуществлении
этого издания**

60 лет отделяет нас от дня окончания Великой Отечественной войны. В этот временной промежуток может вместиться целая человеческая жизнь.

Что знаем мы, молодое поколение, о прошедшей войне? Какой мерой измерить героизм и патриотизм всех и каждого, чем оправдать миллионные потери человеческих жизней? Как осознать и оценить значение Победы для нашей страны и мира в целом?

За прошедшие 60 лет изменилась и сама наша страна, а история войны перекраивалась и переписывалась «учёными мужами» неоднократно. И тем ценнее для нас, узнавших о той войне только со страниц книг и учебников, свидетельства очевидцев и непосредственных участников тех событий.

В основу данной книги положена рукопись моего деда Александра Ивановича Сергеева, прошедшего линией войны от её начала до завершения, познавшего и передовую, и плен, и лагерь.

С каждым годом всё меньше остаётся с нами их, настоящих героев, солдат той большой войны. Низкий поклон вам, дорогие ветераны, за совешённый вами подвиг. Вам посвящаем мы издание этой книги.

Александр Суворов.

Сегодня 15 февраля 2000 года. Нахожусь в госпитале инвалидов Отечественной войны, г. Киров. Выполняя настойчивую просьбу бывшего Котельничского военкома Таранова Ивана Константиновича, начинаю писать воспоминания о годах Великой Отечественной войны. Постараюсь успеть закончить...

Глава 1. НАЧАЛО ЖИЗНЕННОГО ПУТИ

Со слов покойной матери, она «нашла» меня в борозде, когда жала серпом рожь на другой день Ильина Дня. Ильин День – это второе августа, значит, я родился третьего августа 1920 года. Семья жила до 1931 года в дер. Сергеевская Мельница Шабалинского сельского совета Оричевского района. Отец после окончания гражданской войны, помимо занятия земледелием, служил лесником. Позднее родилась сестра Лида, но умерла от кори, в 1923 году родилась вторая сестра Апполинария, и в 1928 году родился брат Владимир. Жива была и мать отца – наша бабушка, которая умерла в 1937 году и похоронена в селе Нема.

По всем документам день моего рождения – 11 августа 1920 года. Дело в том, что я был крещен в с. Пустоши Оричевского района, и когда в 1936 году мне понадобилось получать паспорт, выяснилось, что церковные записи Пустошевской церкви утеряны. Я жил тогда в с. Нема, и там пришлось пройти медкомиссию, где на основании ее заключения мне выдали справку-восстановление о рождении и паспорт. Но так как комиссия была 11 августа, у меня и появилась дата рождения 11 августа 1920 года.

С 1928 года начались годы учебы.

С 1928 год по 1932 год закончил четыре класса Крысовской единой трудовой школы, пятый и шестой классы закончил в Старо-Мултанской школе колхозной молодежи (В-Полянского района, ныне Кизнерский район Удмуртии), седьмой класс учился первую четверть в Сосновской неполной средней школе, а со второй по четвертую четверти – в Кизнерской неполной средней школе. Восьмой класс пришлось учиться в Вятско-Полянской средней школе, а девятый- десятый – в Немской.

Это был первый выпуск десятиклассников. Всего выпускников было 16 человек, из них 8 мальчиков и 8 девушек. В выпуске 4 полных отличника: 3 мальчика и одна девушка. В числе отличников был и я. И как отличник без экзаменов был зачислен в студенты Свердловского Горного института на геолого-разведочный факультет по специальности «разведка полезных ископаемых», а попросту – геолог. В настоящее время из первого выпуска в живых остались только двое. Мой сосед по парте проживает в Нижнем Новгороде.

С сентября 1938 года начались трудные годы учебы в институте. Ощутимо сказывались недостатки сельской школы. Но шестой семестр в 1941 году я закончил вторым в группе, имея одну «четверку». Короче – догнал, хотя было адски трудно. Из дома получал мизерную помощь, а остальное зарабатывал самым простым грузчиком.

...Война уже была рядом. В 1940 году осенью взяли часть студентов в Армию. В их письмах, несмотря на цензуру, ясно читалось, что запах пороха уже рядом. Так писал один из-под Ровно, а другой из Халхин-Гола.

В начале мая 1941 года преподаватель кафедры минералогии пригласил меня в геолого-разведочную партию на должность старшего коллектора (это что-то вроде младшего геолога). Это мне давало зарплату около 700 руб. и 60% полевых и, конечно, опыт. Партия располагалась в 6 км от Уралмашзавода. Велась детальная разведка рудного поля для существующих четырех медных рудников. Работа просто радовала и устраивала еще и потому, что моя девушка – студентка 1 курса Свердловского педагогического института – будет в июне сдавать в Свердловске экзамены, а значит, будут и встречи.

Мой преподаватель, а теперь и начальник партии, отдал приказ о моем назначении на должность старшего коллектора с 1 мая. Но май – это еще и экзаменационная сессия. Он договорился, чтобы мне разрешили сдать экзамены досрочно. И я за десять дней умудрился сдать шесть экзаменов и зачеты и выехал в партию. Работа была сумасшедше интересная. Мы с напарником (тоже из нашей группы, только он первый Сергеев из Камышлова, а я уж второй – Кировский) жили на частной квартире.

С нетерпением ждал каждую субботу. После работы шестикилометровый кросс – и я на трамвайной остановке. Около часа езды – и встреча с девушкой. Ночевал в своем общежитии, спал прямо на газетах на сетке. Обычно ходили в кино, в Центральный парк культуры и отдыха. Юность есть юность.

21 июня 1941 года. День провел на шурфовке, налазилась по самым глубоким шурфам. Нагрузил образцами полный рюкзак и еле дотащился. Быстро разделся, переоделся и бегом на остановку. Сел в трамвай и вот примерно через час я уже на остановке “Улица Большакова”. Нырять в будку телефона-автомата и вызывать Веру к телефону. Вскоре она подошла, взяла трубку, – это я видел через улицу. Поздоровались, она спросила, как дела. Сказал – порядок, а затем она попросила, извинившись, чтобы я сегодня к ней не приходил, сказала, что завтра с утра сдает экзамены по “Основам марксизма-ленинизма”, так как преподаватель в понедельник уезжает на курорт. Сказала, чтобы я сходил в кино, отдохнул и чтоб завтра к двум часам подошел в общежитие. Я так и сделал: сходил в кино, выпил кружку пива и перекусил и – в общежитие поспать.

Что день грядущий мне готовит?..

Глава 2. КУРСАНТ

Итак, 22 июня 1941 года. Проснулся отдохнувшим, побрился и где-то в девятом часу дошел до маленькой аптеки, которая находилась почти рядом с нашим общежитием на ул. Фурманова. Хорошо помню, что купил туалетное мыло, зубной порошок, зубную щетку и флакон «Гройного» одеколona. Вернулся в общежитие. Лег на кровать и углубился в чтение книги «Иудейские войны» Леона Фейтфангера. Я и по сей день не могу ни от кого получить ответ на вопрос, почему так схожи еврейский и немецкий языки. И в дальнейшем я убеждался не раз, что схожесть этих языков просто поразительна. Она значительно больше, чем схожесть русского и украинского языков, хотя они географические соседи, тогда как евреи и немцы в национальной массе соседями не были.

...Время шло. Я ждал часа свидания. В комнату нет-нет да кто-нибудь заходил. Шел первый час. Вдруг по радио, а репродуктор стоял на шкафу, объявили: «Через пятнадцать минут слушайте выступление главы правительства и народного комиссара иностранных дел Вячеслава Михайловича Молотова». В комнате на тот момент нас оказалось четверо. Все подошли к шкафу и остановились в ожидании. Дверь из комнаты в коридор была открыта. Вдруг Семен Краснов (из группы маркшейдеров) проговорил: «Это насчет общесоюзного физкультурного кросса». Эту реплику услышал студент той же группы, единственный женатик (он жил с женой Марусей и дочкой в соседней комнате и только что вернулся с фронта из Финляндии) – командир запаса Литвак. Под его руководством мне, после окончания в 1952 году Кизельского горного техникума, пришлось работать в Коспаше на шахте № 41 главным маркшейдером, а Литвак был главным маркшейдером треста «Коспашуголь». Он из коридора шагнул к нам в комнату, на левой руке у него был кирзовый сапог, а в правой – сапожная щетка, он был в майке, армейских галифе и тапочках. Похоже, только что чистил сапоги. Подойдя к Краснову, сказал: «Да, пожалуй, ты на сей раз прав, а я вот, видимо, не успел доносить с гражданки свои кирзовые сапоги». И в это время мы услышали: «Граждане и гражданки, братья и сестры! Сегодня утром без объявления войны...»

...Полная тишина. Литвак подошел к Краснову, взял за козырек фуражки и с силой натянул ее на глаза Краснову со словами: «Ну вот тебе и общесоюзный физкультурный кросс. Теперь всем хватит». Потом он крикнул: «Маруся! Готовь вещмешок, пару белья, портянки, полотенце, кружку, ложку. Я через два часа ухожу на сборный пункт». Он был приписан к части и по тревоге должен был прибыть туда.

Прошло несколько страшных минут, и нас на площадке у наших двух зданий общежития набралось человек пятьдесят. Вопрос был решен четко и ясно: идем в горвоенкомат, будем требовать отправки на фронт добровольцами. Итак, всей этой группой топаем в сторону института, а там по Вайнера на Площадь 1905 года и в Ленинский горвоенкомат.

Не смог припомнить, как нам удалось пробиться в кабинет военкома. Вспоминаю, что это крупный мужчина с сильным голосом:

– Кто такие?

– Студенты горного института. Просим отправить на фронт добровольцами.

И вот тут я впервые услышал как «большие» военные могут материться. Он завернул такую матерщину, что, наверное, не каждый сапожник смог бы так изощренно выразиться, а к этому добавил:

– Ишь, испугались, что им войны не хватит! Обещаю, всем, всем хватит по самую маковку. Придет время – всех отправим. А теперь не мешайте работать. Кругом марш!

Вот так мы в первый день войны повоевали...

Не помню, по чьей инициативе зашли в гастроном на Вайнера и купили выпивки и закуски. Деньги, заработанные на практике, хотя и небольшие, но были.

Урывками память восстановила, что мы зашли в комнату №7 нашего общежития и там сидели довольно долго и изрядно выпили. Хотя многие, как и я, грешник, пили водку в первый раз. Пусть простят нас за такой проступок, но у многих уже на фронте были братья, близкие, а к этому времени кое-кого уже не было в живых.

Около 17.00 я проснулся в таком положении: сижу на скамеечке судьи на волейбольной площадке и обнимаю столб. Вскочил, осмотрелся – все в порядке. Забежал в общежитие: многие еще спали, два стола были заставлены выпивкой и закуской.

Наконец-то сознание вернуло меня в действительность: я опоздал на свидание и мне надо скоро быть на месте работы. Спешу на улицу Большакова, нырнул в будку телефона-автомата, набрал номер общежития пединститута. А сам смотрю и смотрю. Вижу, Вера бегом спускается по лестнице. Ее первый вопрос: «Откуда звонишь?» И сейчас мне стыдно, что я тогда ей солгал, что звоню с вокзала, еду на рудник. Спросил про экзамен. Сдала хорошо. Поздравил. О войне она в курсе. Я рассказал свои похождения за этот день. Она ко всему отнеслась со всей свойственной ей рассудительностью и не одобрила наш архипатриотизм. Поговорили... Было тяжело, как-то натянуто. Договорились о встрече в следующую субботу. Попрощались. Я видел, как она с опущенной головой шла по лестнице вверх. Меня душили слезы. Наконец-то подошел трамвай, я вскочил в него, добежав до остановки, и поехал. Какие-то обрывки мыслей кружились, захлестывали одна другую...

Доехал. Кросс в шесть километров несколько успокоил. Поделился виденным со своим напарником. Значит, война...

Теперь каждый день начинался со сводки информбюро. А головы все ниже и ниже. Привыкнуть к этому невозможно. Рабочая неделя прошла, как и раньше, с нагрузкой, но с еще большей. Вечерами было трудно добраться до кровати.

Владимира Ивановича Матвеева отозвали в институт. Начальником партии стала доцент кафедры геологии Елена Модестовна Клер – дочь нашего профессора общей геологии. Он, уроженец Франции, учился в Берне в Швейцарии, а в 1902 приехал в Россию и остался.

Прошла неделя войны. Вести с фронта все страшнее и страшнее.

Суббота 28 июня 1941 года. Направляюсь знакомым маршрутом – и я уже в Свердловске. Знакомое общежитие, второй этаж, сороковая комната. А сердце так и пытается выскочить... Стукнул в дверку... «Да!» Перешагнул через порог, девушка стоит у стола. Свет-то слабоват. Я и выпалил: «Вера, здравствуй!». И тут понял, что это была не она. У Веры косы чуть не до пят... Мысль работает, все мелькает. А незнакомка подходит ко мне ближе. «Вы ее сестра Нина?» И услышал такой ответ: «А ну-ка, молодой человек, подходите-ка ближе, я на вас посмотрю, раз вы знаете такие семейные подробности». Я подошел к столу. Да, это точно старшая сестра Веры. «А кто Вы?» «Студент третьего курса Горного, геолог, а сейчас с практики».

Пригласила за стол, сели, смотрим друг на друга. И тут я вспомнил, что у меня с собой фотографии, которые я отпечатал, а снимались 1 мая в районе Каменных палаток на берегу озера Шарташ. Вера была с двумя подругами, и я. Ну вот, Нина их рассматривает, и вдруг на пороге появляется Вера. Остановилась, посмотрела и говорит: «Значит, представлять вас друг другу не надо? Это мне легче». И сразу мне: «Саш, из Красноуфимска пришла автомашина из МТС, помощи нам все

собрать, упаковать, мы уезжаем. Учиться буду или перейду на заочное – я не знаю, не решила еще. Что жизнь подскажет».

Упаковал постель, остальное, увязал. Все. Посидели. Взяли багаж и вышли из общежития. Перешли улицу, а там, на поперечной, уже стояла знаменитая «полуторонка». Погрузили все. Нина села в кузов, а мы с Верой отошли в сторонку и стояли так, взявшись за руки, еще минут 20. Интересно то, что познакомились мы с нею 30 августа 1940 года метрах в 200 от места расставания... Она уселась, шофер обошел вокруг машины. Машина тронулась. Я стоял и плакал. Мы даже не поцеловались, так хотелось встретиться...

Иду на остановку, еду на рудник. Теперь мне в Свердловске делать больше пока нечего.

Работа, работа и работа. Пишем с товарищем отчеты по практике. А радио приносит все более неприятные сообщения. Если память не изменяет, то малой искоркой промелькнуло сообщение о победе под Ельней.

24 июля 1941 г. среда. Вечером вернулись с шурфововок. Елена Модестовна нас встретила и сказала, чтобы побыстрее переоделись, сложили всю робу и вышли на площадку для отдыха. Что мы и сделали. Она нам сообщила, что получено приказание нам завтра быть к 8.00 в Свердловске в Ленинском горвоенкомате. Вот и пришла она, наша очередь. Сфотографировались на память. Получили заработную плату. Раскланялись и отбыли в Свердловск.

Ночевали в общежитии. Утром 25 июля к 8.00 были на дворе школы недалеко от трибуны. Конвейер заработал. Заходишь голышом, меряют рост, взвешивают. Команда «Нагнись!», далее – врач: «Чем болел, на что жалобы?» «Ничем не болел, ни на что не жалуюсь». Проверяли слух и зрение. И вот тут-то я застопорился, потому что с первого курса подхватил близорукость и носил очки. По молодости на первом курсе влюбился в полячку – она училась на геофизика. И ей я выполнил восемь листов чертежей формата А-1, да еще для себя семь листов. А результат был таков: профессор Иванов ей поставил «пять», а мне – «четыре», и вдобавок я получил близорукость, так как чертил в общежитии в комнате при слабом свете. Вот и стал «очкариком». Поэтому я и попал в команду №5 – это Смоленское артиллерийское училище. В конце комиссии долго мы задерживались у странных для нас людей, отвечая на вопросы: откуда родом, кто родители, были ли репрессированы, есть ли родственники за границей, был ли осужден и т.д. Здесь у меня все ответы были одинаковы – нет.

Далее нам объявили, какая команда и откуда завтра отправляется. Наша команда отправлялась завтра со двора этой школы во второй половине дня.

Ночевал в общежитии. Мечта сбылась – повоюю.

Но какое-то непонятное чувство все больше охватывало меня. У таких же новобранцев есть тут или родители, или друзья, или девушки. Я же был один-одинешенек. Тоска начала охватывать меня, как говорится, с головы до пят. Прибыл на двор школы, а время еще было с запасом. Я больше не смог и проскочил в дыру в заборе и – до гастронома на Вайнера. Купил поллитра водки. Пролез обратно на двор школы. Как сейчас помню: бутылка была запечатана корковой пробкой и залита сургучом. Все мои попытки удалить пробку ударом дном бутылки о грунт не удались, и тогда я ударил о бетонную поверхность забора. Отшиб горлышко бутылки, потерял граммов около ста. Пил через острый край бутылки, закуски не было. Пил не сразу, а с перерывами, то есть «с отдыхом». Все, бутылка выпита и поставлена в угол забора на кучу. Но состояние было у меня такое, как будто я ничего не пил. А тоска начала выжимать слезы. Я снова ныряю в ту же дыру забора и до гастронома... Закрыт на обед. Топаю по площади в сторону вокзала до первого попавшегося гастронома. Там купил вторую пол-литру и кекс «поленом». Вернулся обратно тем же путем. Уже испытанным способом я открыл бутылку и ее выпил, видимо, всю, закусывая кексом. Здесь провалы памяти... Очнулся я в

колонне, двое соседей меня поддерживали под руки. Затем мы шли по улицам города на железнодорожную станцию. Дошел или довели – теперь трудно сказать.

Окончательно пришел в себя в вагоне. Сажу на нижней полке рядом с проходом под треугольником, на который опиралась вторая полка. Руками держался за этот треугольник... Мысли... мысли... а весь вагон пьяными голосами пел: «На диком берегу Иртыша сидел Ермак, объятый думой...» Я поднялся, осмотрелся – все в порядке. Вышел в тамбур, покурив, вернулся обратно, сел и вскоре уснул.

Утром прибыл в город Ирбит. Помню, что в первый же день в каком-то помещении нам дали по листочку бумаги из тетради, дали ручки и попросили написать заявление на имя начальника училища о зачислении в училище курсантами.

После этого мы сдавали экзамены по математике и русскому языку (диктант).

По математике в классе какой-то капитан продиктовал нам около семи задачек (примеров) фактически по арифметике за 7 класс. Пока капитан повторял содержание, я вполне успевал решать. Он закончил и спросил: «Кому что неясно?» Я поднял руку, встал и сказал: «Можно сдать работу?» А он, несколько опешив, спросил: «Что, отказываешься писать?» Я ответил ему, что я все решил. А он снова: «Когда это ты успел сделать?» Отвечаю: «Когда вы повторяли примеры». Подошел, вручил ему свой труд, он посмотрел и сказал: «Иди на плац, завтра этим же будешь заниматься».

На следующий день мы получили обмундирование, нас распределили по подразделениям.

Обмундирование, снаряжение и вооружение были привезены эшелонами из разбомбленного Смоленска.

Потом – строим на реку, купались, стирали и полоскали белье, сушили его. К нашему счастью, погода была чудесная. Затем занялись ремонтом обмундирования.

Вот так мы входили в роль курсантов.

Я попал в взвод управления 2-й курсантской батареи.

Командиром был ст. лейтенант Иванов. Это истинный военный, пожалуй, из всех тех, что я встретил за свою военную службу. Всегда подтянут, спокоен, выдержан, внимательно выслушает, четко и ясно даст решение. Никогда я от него не слышал ни одного бранного или оскорбительного слова. Место мату в его словесном багаже не было. Поэтому он для всех курсантов стал образцом командира.

За период обучения сменилось три командира взвода. Фамилию запомнил у одного – капитан Рак. Вспомнил фамилию и второго – Сухарев. Со всеми из них имел хорошие отношения. Я был «библиотекарем» взвода, а точнее, я по увольнительной имел право выхода из части до библиотеки и по доверенности командира взвода получал нужные для взвода книги, которые потом выдавал курсантам взвода. За время учебы не была потеряна ни одна книга.

Начались дни учебы. Подъем в 6.00, отбой в 22.00. Физически очень сильно уставали. Программы обучения курсантов были до предела сжаты. Я с первых дней занялся изучением материальной части орудий. Все сколько-нибудь свободное время отдавал изучению материальной части, а затем и огневой службы. Я часто уходил вперед по изучаемым дисциплинам. Огневую службу вел майор Демидов – участник гражданской войны и чуть ли не буденовец. С годами службы у него выработалась требовательность и громовой голос. На занятиях он поднимал курсанта, давал ему вводную и ставил задачу подать необходимые команды для ведения огня. Вот тут-то и началось... Курсант не подавал команды, а попросту «пищал». Гремел голос Демидова: «Что ты там пищишь? А на позиции батареи рвутся мины, ружейная стрельба, и тебя должны услышать четыре командира и четыре наводчика орудий, это же минимум 120 метров. Голос и еще раз голос...» Вот это было для многих самое трудное. Приходилось тренировать свой голос, а точнее «драть глотку» и ночью.

Учеба шла. Приняли присягу и стали ходить в караулы. Я обычно был разводящим. Начальником караула был всегда сержант Юган (по-моему, латыш). Очень требовательный, знающий дело и очень замкнутый человек. Однажды привел в караульное помещение 18 человек караульных. Курсант Самохвал отпросился в туалет. Туалет был в отдельном помещении во дворе. Прошло 10 минут – он не вернулся. Время-то военное. Разбудил караульного, вооружил, дал инструктаж и отправил. Томительно проходит минута, вторая, третья... Что же случилось? Наконец-то вернулся мой посланец. Смеется и говорит: «Самохвал сейчас придет и пусть сам расскажет...» Вот и Самохвал, красный, что рак вареный. Докладывай! А было все очень просто: постовой на посту стоит с открытыми

подсумками, в которых 60 патронов. Когда он из постового становится караульным (сходит с поста), он должен закрыть подсумки. Самохвал этого не сделал, а я прозевал – было же это ночью. Вот и наказал он себя. В туалете стоило только ему присесть, как обоймы выпали из подсумков в выгреб. Пришлось ему раздеться, лечь на сиденье и искать в выгребе обоймы. Вот за этим занятием и застал его мой посыльный.

Где-то осенью наш взвод пошел на боевые стрельбы из винтовки на полигон. Взвод сопровождал комбат и командир дивизиона майор Колтыгин. Я, как и всегда, шел левофланговым в колонну по четыре, так как был во взводе по росту четвертым. Пришли на полигон. Команда: «Взвод вольно!». Поставлена задача: цель – мишень 3, три патрона, дистанция 100 метров. «Стреляющие, на огневой рубеж – марш!» Я на ходу из грудного кармана гимнастерки достал очки и на нос. Вдруг слышу визгливый голос: «Это что у тебя на носу за бирюльки? Снять!» Это так окрестил меня командир дивизиона. Я остановился, не мог справиться с волнением и сказал: «Товарищ майор, я без очков не вижу мишени». Он выматерился и что-то сказал, но я понял, что мне можно на огневой рубеж. И когда я ложился, услышал реплику: «Мазила!»

Я лег на огневом рубеже, а трое-то уже отстрелялись. Меня всего била лихорадка... Делаю несколько глубоких вдохов, чувствую – лучше, вдохнул глубоко, прицелился, нажал на спуск. Выстрел. Так же и второй. А вот на третьем выстреле рука чуть дернула, и я понял, что выстрел испорчен. «Встать! Стреляющие бегом к мишеням!» А мне майор преподнес «милостыню»: «Сдать стреляные гильзы!» Повернулся лицом в тыл, сделал шагов пять, сдал гильзы, повернулся лицом к мишеням и, хотя меня била дрожь, услышал голос комбата: «Первый – 29». Это же мои очки. Я стоял и лил слезы, так было обидно. Я же еще в школе был «ворошиловский стрелок». У второго было 27, а у самого слабого – 18 очков. Вот так мы стреляли.

Снова полигон. Наш взвод пришел на метание боевых ручных гранат РГД. Граната эта для наступательного боя, убойная сила осколков при взрыве до 5 м.

По приказу командира взвода я беру из ящика гранату и вручаю курсанту. Он идет на огневой рубеж и по команде «огонь» бросает гранату. Уже прошло около половины взвода, когда я выдал очередную гранату и очередной курсант вышел на огневой рубеж. По команде «огонь» он рукой сделал отмах назад и в этой позе «окаменел». Командир взвода не своим голосом буквально рявкнул: «Ложись!» Все на земле, кроме виновника – он продолжал стоять. Взрыв. Виновник продолжал стоять, но с ладони правой руки струилась кровь. Он был невменяем. Отчислили его. Вот так произошло первое боевое крещение...

Од осень у проходной в батарее я увидел группу наших студентов. Их пригнали на уборку. Узнал студенческие новости: в институте пополнение за счет студентов Ленинградского и Днепропетровского институтов. В моей группе на учебе остался немец – сын рыбака из Евпатории Томас Тобиасович Мергенталлер. В 1952 г., когда я учился в Кизеловском Горном техникуме, от бывшего сокурсника геофизика узнал, что Мергенталлер работает начальником Рудоуправления в Пегенге (это рядом с Норвегией), Второй – Тюрин Андрей Петрович из нашей группы и комнаты. Призывались мы с ним в один день, но мандатная комиссия его не пропустила – он был сыном раскулаченного и высланного на 10 лет. И вот этот геофизик Тетюев мне принес газету «Правда», видимо, за 1951 или 1952 год и попросил меня отыскать в ней знакомого. Скоро я увидел фото Тюрина А.П. – лауреата Сталинской премии за открытие Волганского угольного месторождения на Урале.

Учеба и учеба. Искорками радости были письма от Веры и из дома. Вера будет работать и учиться заочно. Отец отличился: отсидел месяц под следствием в Котельничской тюрьме. Сняли все обвинения, а вот на старую работу он не пошел. С него сняли броню, и вскоре через Котельничский военкомат он был призван и отправлен в г. Горький, где в зенитном артполку отслужил все время до конца войны.

Положение на фронте все тяжелее и тяжелее. Враг уже под Москвой. Но...

...6 ноября в Ирбите вечером в Доме Красной Армии состоялось торжественное заседание, посвященное 24-й Годовщине Великой Октябрьской Революции. Я получил право присутствовать на этом заседании. Сидел в конце зала. Света было мало, полумрак. На сцене – стол под красным

сукном, графин с водой, стакан, один стул и трибунка. За трибункой комиссар училища старший батальонный комиссар Мостовский. Он открыл заседание, поздравил присутствующих с праздником и, не выбирая президиума, слово для доклада предоставил комиссару нашей батареи младшему политруку Драпкину. Он из-за кулис вышел на сцену: худенький, в шинели, в шапке, в сапогах. Остановился у стула, снял шапку и положил ее на стол. Стул поставил сиденьем к залу. Стал слева от стула, левую руку положил на спинку стула, правую – за борт шинели. Начал говорить. Голос громкий, произношение слов четкое, доходит до каждого. В зале полнейшая тишина.

Он без всяких шпаргалок чеканил, как молотом, слова. Он говорил о том, как Москва готовится к обороне. Настроение москвичей. Что он видел собственными глазами. Дал характеристику положения на фронте под Москвой.

Закончил он свое выступление, громко чеканя каждое слово: «Ни при каких обстоятельствах Москва не будет сдана врагу. Враг будет разбит!» Он говорил эти слова с такой верой, убежденностью, что все в зале в это поверили. Все стояли со слезами на глазах и вдруг запели «Интернационал». Это я и сейчас вижу, как на фотографии.

Уже поздней осенью в выходной после завтрака дивизион был построен, вооружен саперными лопатками и колонной с песнями топают на окраину города. Ровная луговина, покрытая легким снежком. Остановились. Командиры собрались, потолковали. Колонну повернули на 90 градусов, и я услышал команду: «Кто может работать с геофизическим инструментом, два шага вперед». Я сразу же шагнул и остановился. Ко мне быстро подошел капитан, но не артиллерист. Он присмотрелся и спросил, кто я. Я сказал, что закончил три курса Свердловского института, изучил полный курс геодезии и прошел практику. Он тогда и говорит: «Вот ты-то мне и нужен». Подошел к группе наших командиров, им меня представил. Вручив мне теодолит, штатив, мерную стальную ленту, отвес, шпильки, он указал мне две угловые точки и дал схему-чертеж главного цеха автозавода. Разрешил мне взять сколько надо курсантов – и за работу. По ходу разбивки я должен был поставить кольшки через три метра. Это задание каждому курсанту. Взял из своего взвода человек пять. Все делалось быстро, так как в нашем одеянии было прохладно, а питание было весьма и весьма посредственным. В памяти остался прямоугольник 250x54 м. Сделал все. Немного покопал – погрелся. По-моему, это цех мотоциклетного завода, но это не точно.

6 декабря. Иду в наряд – дежурный по батарее. Мы занимаем двухэтажное кирпичное здание старинной постройки. Наша батарея была на втором этаже. Полы деревянные, старые и хорошо их вымыть – адский труд. Со своими дневальными мы к четырем часам закончили всю приборку. Сам носовым платком протер пирамиду, протер и проверил оружие. Дневальный дал возможность вздремнуть. Около 5.00 утра открылась дверь, и в коридоре на пороге появился комиссар батареи мл. политрук Драпкин. Я дал команду «смирно» и, печатая шаг, пошел навстречу к нему с докладом. Он мне махнул рукой и сказал дважды: «Вольно, вольно.» Я продублировал команду дневальным и тут заметил, что лицо политрука, несмотря на худобу, просто сияло. Это было очень странно. Он очень просто мне сказал: «Объявите подъем в батарее – и всем в Красный уголок. Только людей не пугайте, потихоньку». Вот тут кое-что стало проясняться. Я понял: что-то случилось важное, экстренно хорошее, так как политрук «цветет». Через две минуты вся батарея была в Красном уголке. Тишина. Я стою на пересечении коридоров, пытаюсь встать так, чтобы слышать из Красного уголка и видеть входную дверь. Драпкин начал в обычной манере громко, четко, чеканя каждое слово: «После полуночи Совинформбюро передало экстренное сообщение. Наши войска вчера под Москвой перешли в решительное наступление. Освобождены города...» и т.д. Гремит ура!

В это время на пороге в коридор появляется командир батареи ст. лейтенант Иванов. Подаю команду «смирно» и строевым иду навстречу:

– Товарищ старший лейтенант, вторая курсантская батарея после подъема собрана в Красном уголке. Комиссар батареи младший политрук Драпкин сделал экстренное сообщение.

Комбат сказал: «Вольно». Я продублировал. Комбат улыбнулся и говорит: «Вот же, чертяка, опередил комбата, ну да ладно, на то он и комиссар!»

После первых сообщений о Победе под Москвой люди просто стали неузнаваемы. Появилась бодрость, улыбки на лицах.

Идет декабрь. Наши наступают. Во всем чувствуется, что скоро наш выпуск, сдаем экзамены. Участились ночные тревоги, марш-броски. 31-го состоялось дневное учение в составе всего училища. Утро было ясное, морозное, температура ниже -30. Топаем колонной почти в летнем обмундировании. Но главное - это сапоги. Многие поморозили пальцы ног. Отошли от города километров 10, разбиваем в лесу бивак, делаем шалаши. Подошли походные кухни. Ура! Обед. Как сейчас помню, длинные белые макароны на крышке котелка с мясом. Уплетаем за обе щеки. И тут мне помкомвзвода сержант Юган приказал взять винтовку у нашего правифлангового Куцебина – он поморозил пальцы ног, топает в училище. Я немного верхогляд, мельком глянул – штык опущен книзу. Я закинул винтовку за спину, и тут началась пальба. «Автоматчики противника» нас атакуют. Команда – «в цепь!» Перебежками к опушке, и там на фоне темнеющего леса мы увидели «противника», залегли и открыли огонь. Вот тут-то я и увидел, что у меня на винтовке нет штыка, что штык мною утерян. Я понял, что он был засунут под тренчик ремня. Доложил сержанту, затем комвзвода. Получил приказание взять двух курсантов и искать штык. Я так и сделал, хотя понимал, что это бесполезно, ибо снегу было уже см. 30-35. Затемно мы вернулись в расположение части, я доложил комвзвода. Тот дал мне распоряжение: «Доложить комбату». Иду в канцелярию батареи и, как положено по уставу, докладываю все как было. Старший сержант выслушал очень внимательно и, не повышая голоса, без всякой «морали» коротко сказал: «В вашем распоряжении для поисков сутки, увольнительную получите. О результатах доложите». Все ясно. Наверное, мне было бы легче, если бы он меня отmaterил, как у нас принято было. Вот после такого отношения к тебе наверное разобьешься «в лепешку», но выполнишь. Ужин уже в глотку не лез. Вдруг появился комвзвода и говорит, что был сейчас в штабе училища и дежурный по училищу сказал, что больше никто штыков не терял. Он слышал, что замполит 2-го дивизиона в районе бивака нашел штык. Ура было кричать рано. Надо мной висело шесть лет заключения за утерю боевого оружия. Бегу во 2-й дивизион, нашел канцелярию, и мне там ответили, что замполит старший сержант такой-то ушел на квартиру. Возвращаюсь в часть. Пытаюсь уснуть, но это бесполезно, меня всего бьет легкая дрожь. Ведь я, простофиля, не смог глянуть, а как же закреплен штык. Зато потом я часто вспоминал пословицу: «За битого двух небитых дают, и то не берут».

Утром 1-го бегу на квартиру замполита, а это далеко. Добежал и опять неудача – только-только он уехал с семьей на новую квартиру, а куда – хозяин не знает. Топаю снова во 2-й дивизион. И там дежурный по дивизиону не знает нового адреса замполита. Возвращаюсь в батарею, захожу в канцелярию и докладываю комбату. Он, выслушав мою «исповедь», сказал: «Продолжайте поиски!» Я повернулся, чтобы уходить. Он мне вдогонку: «Не опаздывайте на зачитку приказа». Я чуть не упал с ног. Это уже пахло концом моей военной карьеры. Вечером снова страдаю в артдивизионе. Наконец-то появился мл. сержант. Я представляюсь и докладываю все, как есть. Он сел за стол. Я встал по стойке «смирно», и эта сцена продолжалась около 1,5 часов. Я слушал назидание замполита на тему «Храните оружие как зеницу ока». Наконец, он остановился и достал из ящика штык. Я весь в холодном поту. «Номер винтовки?» Я назвал – номера не сходились. Я пояснил, что винтовка из 1-й батареи, а там почти все штыки вот так перемешаны, попросил его позвонить дежурному по училищу. Там подтвердили, что больше штыка ни у кого не было.

Наконец-то штык у меня в руках и я наверное быстрее лани добежал до своей батареи, вручил штык дежурному по батарее (кстати, уже винтовки-то унесли в 1-ю батарею) и – в канцелярию батареи. Доложил комбату: «Штык найден, сдан дежурному по батарее». Комбат улыбнулся, сказал: «Вольно! Можете идти».

А через полчаса (я успел подшить чистенький воротничок) я стоял в штабе училища и слушал приказ. И так я стал лейтенантом, отличником боевой и политической подготовки.

...Начался Новый 1942 Год. Дня два оформляли и получали документы. Наконец-то сформирована команда. До свидания, Ирбит! Спасибо тебе!

Едем до Свердловска, там пересадка, и вот мы уже в г. Ишим. Как нам стало известно, мы прибыли в штаб 229 стрелковой дивизии. В отделе кадров получаем назначения. Я шел в числе

последних и получил назначение на должность командира 2-го огневого взвода 76 мм полковых пушек в 811 стрелковый полк. Он формировался на ст. Новоназываевская, что в 131 км от Ишима в сторону Омска. Из нашего училища туда попали: Вадим Шергин из Перми – командир 1-го огневого взвода, Иван Сагдаков со ст. Проснуда – студент ветеринарного института, Николай (фамилию забыл) – студент Свердловского политехнического института, командир взвода боепитания, Чупин и Левин – командиры взводов 45 мм батареи.

Собрались и решили позвонить от дежурного на станцию на счет поезда. Около телефона сидели капитан и ст. лейтенант. Оказалось, что они тоже ехали в 811, капитан Стальников – начальник штаба полка, а ст. лейтенант – командир 1-го стрелкового батальона. Они оба из госпиталя после ранения. Капитан сказал, что поезд вечером, а сейчас направил нас в столовую, где мы отлично пообедали. Подошло время, и вся наша команда тронулась. Недалеко от вокзала у одного магазина очередь человек 20-25. Сагдаков попросил разрешение у капитана и «нырнул» через улицу. Около вокзала он нас догнал и сообщил, то отоварился семью четушками.

Сели в вагон с трудом, но нам уступали места, хотя люди и на полу спали. Освободили столик, нашелся у кого-то хлеб и даже килька. Вот так народ любил армию. Капитан спросил: «Кто не будет пить?» Я сказал, что я пить не буду. Он открыл четушку, налил грамм 50 водки, подал мне, чокнулся четушкой и сказал: «За фронтовую дружбу! За победу!» Я выпил. Он мне передает массивный пакет и говорит: «Здесь знамя полка, документы, беречь как зеницу ока!» Я ушел в соседнее отделение вагона, кое-как сел, положил пакет на колени и так ехал, не смыкая глаз. Где-то в полночь мы были уже в Новоназываевской. Идем по безлюдным улицам типичных украинских мазанок. Наконец-то мы получили направление в Дом колхозника. Зашли. Он был переполнен, топилась чугунная печка. Вот вокруг нее и разместились. Я спал плохо, пакет-то на моей ответственности. Где-то в седьмом часу утра нас будит мл. лейтенант Сагдаков и сказал, что рядом столовая и что он уже заказал завтрак. Обрадовал, что есть рагу из зайца и опохмелиться можно. Момент – и мы там, ну а водку подкрасили чаем. В это время в новом зимнем обмундировании подходит военный и представляется, что он начальник ОВС той части, куда мы направляемся. Он просит прямо после завтрака зайти на склад, получить новое зимнее обмундирование и помыться в бане, и там присоединиться. Вот уже совсем «баско», так говорили на Вятке раньше.

Все это было сделано с великим удовольствием. Мы потопали на окраину, где на большой территории МТС располагались землянки и штаб полка. Значит, мы здесь не первые. Через некоторое время мы получили землянку для рядового состава.

Началась для нас новая жизнь. Столовались временно в той же столовой. На другой день или через день начальник штаба вызвал меня и спросил:

– Химию в институте учил?

– Да, учил три химии: общую химию, качественный анализ и количественный анализ.

– Вот и принимай химвзвод полка в составе 20 человек и командуй до прибытия специалиста.

– Есть принять химвзвод.

Топая до землянки, где они разместились, представился, кое-какие замечания. На другой день начал занятия: строевая подготовка, стрелковая и т.д. По-моему, я исполнял эту должность около двух недель. Наконец-то прибыл лейтенант-химик. Я снова в батарее без людей. Очень скоро ночью прибыл эшелон из Печерлага – 1000 человек. Утром их построили перед зданием штаба полка. Любо-дорого смотреть: чистенькие полушубки, шапки, ватники, валенки. Одели их при освобождении лагеря.

Начальник штаба подозвал меня и сказал: «Отбери для батареи ровно 36 человек». Я вышел перед строем своих отцов (по возрасту) и тут я только понял, какую ответственность принял на себя. С ними я пойду в бой, я должен научить их бить врага, беречь их, не жалея себя.

Голос дрогнул, но я дал громкую команду: «Кто служил в Армии – два шага вперед!» Я вздрогнул, когда сделали два шага почти 800 человек. Сообразив, что я ошибся, дал новую команду: «Кто служил в артиллерии, связи, в разведке – два шага вперед, остальным встать на место!» Вот это то, что мне надо. Иду вдоль строя. Вопрос: «Род войск? Кем служил?» Иногда задавал поверяющие вопросы. Итак, начало есть. Построил отобранных в шеренгу по два, повернул направо и отвел в сторонку. Сразу получил вопрос, какое подразделение. Ответил. Сразу следует предложение всех в один взвод. Я ответил, что это даже не мое желание. И тут один из бойцов обратился:

– Товарищ лейтенант! Крайнего в шеренге низкого роста нам не надо.

– Почему?

– Возьмите второго из первой шеренги, фамилия его Попов. Что было делать? Решил согласиться. Из своих отобранных отправил назад в строй одного, а сам подошел к голове строя и дал команду: «Боец Попов два шага вперед!» О! Вот это артиллерист! Мужчина чуть выше среднего роста, косая сажень в плечах, с открытым приятным лицом, лет 52-х. «Становитесь в строй», – и показал на отобранных мною. Подошел к начальнику штаба и доложил, что 36 для батареи я отобрал.

Привел колонну к землянкам, вышли комвзвода, дал команду, чтобы они формировали свои взводы по специальностям. Комвзвода Шергину я дал приказание послать кого-нибудь дневальным в штабную землянку. В штабной землянке я занялся списком людей, вскоре пришел дневальный, представился, и я попросил затопить плиту. Когда стало тепло в землянке, я спросил дневального: «Кто Попов?» Он коротко ответил: «Наш лагерный батя». Вот уж этого я никак не ожидал. В голове сумбур мыслей. Наконец, я по-своему продумал все, сказал дневальному, чтобы он шел к себе в землянку, а сюда направил Попова и ожидал его прихода.

Быстро достал свой чемодан, нашел бутылку водки, полбулки хлеба, луковицу, головку чеснока, солонку и два стакана. Все положил на стол. На пороге уже Попов. Доложил все по форме. Все окинул взглядом, улыбнулся какой-то доброй улыбкой. Я предложил сесть за стол, распечатал бутылку, налил по стакану и сказал:

– Это не подхалимаж... Мы готовимся ни к теще на блины, а на фронт... Поэтому я хочу знать, кто ты, а я скажу, кто я...

– Лейтенант, я-то уже знаю, кто ты.

– Как это, я же ничего не говорил еще о себе.

– Ты ведь из студентов?

– Да.

– Из какого института?

– Из Свердловского горного, закончил три курса.

– Да, этот институт очень хороший.

На вопрос о нем самом он ответил просто, что он бывший первый секретарь райкома партии (не помню точно, какого района) Харьковской области. Осужден в 1937 году на 10 лет по 136 статье УК. Я сказал, что я не знаком со статьями УК. Он улыбнулся:

– Желаю тебе с ними не знакомиться.

А дальше сказал, что осужден за прямое убийство из своего личного браунинга своей жены и работника военкомата в своей спальне. Затем было сказано дословно так: «Буду помогать во всем. В случае чего посылайте дневального в любое время». Вот так я приобрел первую опору.

Людей распределили по взводам, обустроились с жильем. За мной оставался 2-й взвод. Вскоре прибыл лейтенант Калестров, выпускник Ростовского артучилища на базе семи классов. Учился полный курс. Я полностью занялся взводом. Затем появился комиссар батареи мл. политрук Соколов из Новосибирска. Умнейший мужик. Он во всем старался помочь.

Не помню, когда мне пришла в голову мысль, и я предложил в один из обедов проводить 15-20-минутный арттренаж. Предложение было одобрено, и на следующий день я провел первый арттренаж. Дело это стало строго обязательным. Ведь артист тренирует свой голос каждый день, а нам, артиллеристам, это тоже нужно, чтобы быть готовым в любую минуту. Занятия во взводах вошли в обычную колею согласно расписания. Прибывает пополнение из молодежи Омской области (запомнился Вогайский район). Беда была в том, и не наша – матчасть, даже учебная, отсутствовала полностью. И я многократно вспоминал Демьяна Бедного, который в одном своем произведении писал про русскую армию 1914-1916 гг. примерно так: «И три недели в Сувалках обучался на палках...» Даже на деревянных винтовках учились рукопашному бою.

Однажды утром (где-то в начале марта) я встретил помощника начальника штаба (это резервный артиллерист). Он мне рассказал новость: «Вечером мы с тобой едем в Новосибирск на курсы командиров бронепоездов». Я спросил, откуда эти данные. Он ответил, что это приказ из дивизии.

Когда все командиры сели на обед, я достал из заначки поллитра, разлил по кружкам и объявил содержание приказа о моем отбытии.

Дело подошло к вечеру, а приказа нет. Но в 18.00 посыльный из штаба вручил приказание начальника штаба прибыть немедленно в штаб мне и комбату Калестрову. Что-то случилось. Зашли к начальнику штаба, доложились и тут же получили приказ: «Лейтенанту Калестрову в течение двух часов батарею сдать, а лейтенанту Сергееву батарею принять». Все стало на свое место, но я долго ломал голову над тем, на каком уровне был переделан приказ. И только на фронте политрук Соколов разъяснил: «Ты же сильнее Калестрова, ты же практически тянешь батарею – вот прямо с обеда он и пошел к комиссару полка, доложил, тот согласился с его мнением и он по телефону вышел на командира дивизии, а командир дивизии передал приказ. Вот и все».

Но вскоре прибыл из резерва на должность комбата лейтенант Карналюк (из госпиталя, был ранен в пятку на Коневской переправе в 1941 г.). Он закончил училище и два года был командиром взвода. Я получил новую должность, которая в штатном расписании полка военного времени значилась так: «зам. ком. батареи» или «старший на батарее». Ознакомившись с состоянием дел на батарее, Карналюк сказал примерно так: «Слушай-ка, лейтенант, едва ли тебе придется доучиваться на геолога, скорее всего, останешься военным, если вообще живым останешься, так что веди все, что вел, пиши расписания, командуй по своему усмотрению. Это мне все осточертело, да бабками надо позаниматься...» Вот так. Меня удивило последнее.

Вскоре ждала еще одна перестановка. На должность командира 2-ог огневого взвода прибыл мл. лейтенант (пожилой, видимо, резервист) из госпиталя после ранения, ранен был под Смоленском. Комиссар батареи мл. политрук Соколов был переведен на должность комиссара роты автоматчиков, которая формировалась в составе 120 человек. К нам на батарею прибыл новый комиссар младший политрук Кобаладзе Георгий родом из г. Гори, и, по его словам, его мать в Гори тогда жила напротив дома матери Сталина. Само собой стало ясно, что нам крайне не повезло. Так оно и случилось: он, не понимая ничего в артиллерии, везде совал свой нос, который носил гордо и высоко. Обычные шутки, насмешки, чтобы «разрядиться», как-то сгладить наше бытие, исчезли. Даже когда я вел арттренаж, и то получал указания. Время шло, работал обычно до 12 часов, иногда до часу ночи. Редко писал письма, а полученное письмо – это вагон радости.

С фронта утешительных вестей не было, и мы уже стали сами понимать, что немцы готовят решающие летние операции. Это значит, что мы будем на передовой. В апреле было проверено несколько ночных тревог. По тревоге делали марш-бросок до 35 км, развёртывались в цепь для атаки. Походы были очень тяжёлыми. Мы полагали, что нас готовят для Ленинградского, Волховского или Калининского фронтов.

Наши предположения стали подтверждаться. Где-то в конце первой половины апреля я сидел за составлением расписания на вторую половину месяца. Командир взвода управления (это было в субботу) отправился в самоволку до вдовушки. Он обычно уходил до утра. А тут он вернулся как-то не в настроении, подошёл ко мне, посмотрел на лист расписания:

– Кончай, лейтенант... Двадцать восьмого едем на фронт.

– Откуда у тебя такие сведенья?

– Баба в слезах сказала...

– Не командир ты, а тряпка!

– Вот доживём и увидим, кто прав...

Я психанул, посмотрел – у меня расписание составлено до двадцать шестого. Закурил и лёг спать.

Идут дни без особых ЧП. 27-го обедаем в землянке:

– Эх, Николай, наврала твоя баба...

– Переживи 28-е, вот тогда и говори.

Время шло... И вот в 17.00 посыльный из штаба полка: «Всему командному составу в 18.00 быть на совещании в штабе полка». Что это значит? К назначенному времени были в зале. Слева от меня сидела начальник санчасти полка – военврач, а справа сидел мой командир взвода управления – Николай. Зашёл в зал начальник штаба полка, мы встали. Он поздоровался и прошёл к трибуне: « Ну

что, орлы, носы повесили?» Вошел командир полка майор Лелеков. Капитан Сольников отдал рапорт. Майор зашел на трибуну и сообщил следующее:

– Вчера я не имел права, а сейчас сообщаю, что наша дивизия начинает передислокацию: завтра уходит первый эшелон нашего полка в составе первого стрелкового батальона... Последний эшелон уходит вечером со спецподразделениями: 2 батареи артиллерии, минометные, саперы, сан рота, рота связи, автоматчики, химзавод.

Я стоял и глотал ртом, как рыба, воздух: а как же бабы на базаре почти за 2 недели знали, когда мы тронемся к фронту? Коля так мне сунул кулаком в бок, что я чуть не вскрикнул. Вот так у нас иногда хранили военную тайну.

Сборы прошли нормально, и наш эшелон последним оставил станцию Новоназываевскую. Придется ли побывать здесь потом? Эшелоны шли буквально один за одним и довольно быстро...

Глава 3. ИСПЫТАНИЕ ВОЙНОЙ

Итак, сегодня 27.10.2001 г. Я снова в госпитале с 27 октября. Уже вписался и начинаю привыкать. Вот и решил дописывать свои военные воспоминания. В час добрый!

...Эшелоны шли довольно быстро. Вот и Свердловск проехали с небольшой остановкой. Прощайте, студенческие годы!

Вот уже и Пермь. Вадим Ильич – лейтенант, командир 1-го огневого взвода – успел посетить мать. Она жила недалеко от вокзала.

После Перми я дежурил по эшелону. Принимаю результаты вечерней проверки и ЧП. В моей же батарее нет бойца из 1-го огневого взвода – Чиркова. Он горьковчанин, был в заключении, непревзойденный карманник. Пошел с докладом к комиссару полка. Доложил. Он спросил, не дезертирство ли это. Я ответил, что этого он не мог сделать. Что-то другое, а что? Спустя часа два на одной остановке рядом с нами стал эшелон – тоже на запад. Вдруг я услышал, что кто-то из прибывшего эшелона спрашивал батарею 76 мм. Я выскочил из вагона. Передо мной ст. лейтенант. Он спрашивает, нет ли потерянного бойца. Я ответил ему, что есть, он отстал в Перми, фамилия его Чирков. Иду с ним, подошли к вагону. Я окликнул и услышал голос Чиркова из-под нар. Итак, «дезертир» нашелся. А получилось очень просто: в Перми составы наши стояли рядом. Чирков увидел уходящий состав и сел, а там его и задержали...

Вот и Киров. Было 1 мая, солнечный день. Стояли недолго. Купил у старичка за 250 руб. маленький чубучок из капа-решка с крышкой. Он очень пригодился на передовой, когда батарея вела огонь. Сберегал свои уши от звуков выстрелов.

Сел и писал письма домой и Вере. Успел до Котельнича дописать оба письма. В Котельниче стояли недолго, и я отправил письма. Это были последние мои письма до конца войны.

Мог ли я тогда думать, что почти вся оставшаяся послевоенная моя жизнь пройдет в Котельниче, что городок этот будет моей второй малой родиной.

Скоро стало ясно: эшелон свернул на Горький, а не на Ленинград. Что это значило? Мы же готовились на Ленинградское направление.

Все ближе к фронту. Часто ходил в вагоны, где были размещены кони (батарейная наша была на конной тяге). Думал и думал о том, что нас ждет впереди.

Осталась позади Шахунья. Остановка на станции Семенов. Стоим и стоим. Простояли ночь. Ночью слышали глухие разрывы и видели зарево от прожекторов.

Утром состав тронулся, шел медленно. Но вот и матушка Волга (вижу впервые). Ползем по мосту. В правом берегу видна огромная воронка от бомбы. Потом наш эшелон толкали взад и вперед,

и к вечеру мы остановились на окраине поселка. Выгружаемся. Невдалеке сосновый бор. Вот туда и поставили лошадей. Строим шалаши. Командный состав разместили по домам в поселке Большое Козино. Мы жили вчетвером, спали на полу. Хозяин, уже пенсионер, работал на заводе. В батарее было к тому времени две маломощные радиостанции – РБС. Одна была развернута в бору на конебазе, а вторая – в доме, где мы жили. Вскоре мы убедились в слабости радиостанции. Однажды хозяйка мыла пол в комнате, пришлось передвинуть стол, на котором стояла РБС – связь порвалась. Долго не могли сообразить, что же случилось. Оказалось, все очень просто: в створ радиостанции попала круглая печь, обшитая железным листом. Передвинули радиостанцию – связь восстановилась.

Пищу готовили на походной кухне.

В Горьком пробыли около месяца, и за это время пережили три налета немецкой авиации. Город хорошо защищала зенитная артиллерия и аэростатное заграждение над центром города. В один из налетов я насчитал шесть сбитых самолетов. В основном, бомбили заводы и мост через Волгу. В один из налетов немцы сбросили в пойме Волги (в сторону Балахны) уйму листовок. Весь полк чуть не день собирал и сжигал их.

Как народ переносил налеты? Очень спокойно, выдержанно – никакой паники. На улицах поселка были вырыты щели, на которых лежало легкое деревянное укрытие, прикрытое дерном. Так вот, во время налетов осколки зенитных снарядов очень часто барабанили в крыши (в поселке почти все они металлические), а вот молодежь под гармошку в это время с частушками отплясывала, хотя это было довольно рискованно.

Тревога. Следуем на станцию на погрузку. Прощай, Горький! Едем ближе к фронту.

У меня была карта. Читаю название станций и ищу их на карте. И вот узел железных дорог – г. Владимир. Куда нас повернут? Стоим час, другой, третий... Шестой. Наконец-то тронулись. Мелькают рельсы, стрелки... Наконец-то выехали на магистраль. А куда едем? Все ясно – едем к югу. Коломна... Кашира... Запутался совсем с пересечением линий. И вот город Скопин Рязанской области. Это километрах в 140 от Москвы. Говорят, что это третья линия обороны формируется. Да, в 1941 году немцы брали город Скопин, но во время декабрьского наступления наших войск он был освобожден от немцев. На одной из улиц города стояло немецкое тяжелое орудие и рядом лежали снаряды. Местные жители сказали, что конники генерала Белова изрубили орудийный расчет.

Делаем небольшой марш, и вот наше пристанище – роща Репица. Это почти круглой формы лиственный лес, в основном – дубовый. Вот там и расположились. Строим шалаши, палатки, маскируемся. Ночью гудят в небе немецкие самолеты-разведчики. Постреливают в сторону рощи с земли ракетами. Роща охраняется дозорными и постами. Однажды ночью был обстрелян часовой. Дежурная рота прочесывала поле, но впустую. Здесь мы получили личное оружие – пистолеты «ТТ» и по две обоймы патронов. Приказ был таков: «Не расстреливать патроны». Но это абсурд: я получил личное оружие и должен доверить ему свою жизнь, а я не знаю, как оно будет работать. Вечером иду в овраг. На ветку вешаю носовой платок, отхожу на 20 шагов и делаю выстрелы: из семи пуль попал только двумя. Это же черт знает что! Успокоился и расстрелял вторую обойму. На сей раз было пять попаданий из семи. Иду туда, где получил пистолет, сдаю стреляные гильзы и получаю новые две обоймы и строгий выговор в придачу. Продолжаем учебу.

Еще в Новоназываевке я посылал на два месяца одного из бывших заключенных – он слесарь московского завода «Серп и молот» седьмого разряда. Умница он был. Его фамилия Потапович. Он стал орудийным мастером. Вот мы с ним и занялись проверкой накатанных приспособлений. И тут ЧП: Потапович без меня решил сделать самостоятельно, но допустил грубейшую ошибку – не закрепил «матку». Выбросило шток с сильным хлопком (как взрыв) и жидкость – стеол. Я был в шалаше, выскочил, как сумасшедший, к орудиям. Потапович стоял, что мертвец, качая головой. Я его не наказал. Стеол достал. Повреждений не было, и мы уже вдвоем проверили все четыре орудия.

Второе ЧП чуть не стоило жизни. После ночного дежурства я отдыхал в шалаше. Пришел командир взвода управления мл. лейтенант Николай (фамилию не могу вспомнить) и предложил почистить пистолеты. Я сел на дубовый пенек, который служил мне подушкой, расстелил плащ-накидку, выбросил обойму из рукоятки пистолета, затем выбросил обойму из кобуры и достал шомпол, а Николай выбросил только обойму из кобуры, поставил пистолет на взвод и нажал

спусковой крючок – раздался выстрел. Он сидел против меня так, что ствол был направлен в мою сторону. Я чуть передохнул и увидел, что Николай снова нажимает на крючок спуска. Рукой наотмашь вышиб я у него из руки пистолет. Он удивился, а потом стали разбираться: обойма была в его пистолете. Разбираемся, куда же ушла пуля. У него оказалось простреленным голенище, брюки и ссадина на кости ноги, ну а у меня пуля пробила брюки под мошонкой и ушла в пенек. Я его чуть-чуть не ударил по лицу. Сразу после ЧП с пистолетами последовала команда сдать пистолеты. Вместо них получили автоматы “ППШ” и два диска патронов.

Вечером, на поверке, начальник штаба полка объявил, что в результате неграмотного обращения с пистолетами один из командиров нечаянно выстрелил и ранил своего друга. Пуля разбила мочевой пузырь. Раненный умер, а его друга- «убийцу» разжаловали до рядового с отправкой на фронт...

Где-то уже в начале июля мы сделали передислокацию: оставили рощу Репица и перебазировались километров за пять-шесть. Обосновались в пологой части оврага, заросшего могучими дубами. Но вечером нас снова погнали в рощу. Я по сей день не знаю, чем это было вызвано. Важно то, что следующей ночью немцы ожесточенно бомбили дубовую рощу. После бомбежки я был в той роще – там практически от дубов ничего не осталось, страшно было смотреть.

Предчувствие подсказывало, что уже немного времени нам тут оставаться. Были проведены учения в составе дивизии. Мы оборонялись. Батарея получила 27 боевых снарядов (22 гранаты, причем выпуска 1916 г., и 5 шрапнелей). Провели боевые стрельбы. Стреляющим был командир батареи лейтенант Карналкж, а старшим на батарее был я. После неполной пристрелки комбат скоординировал стрельбу на поражение и очень удачно – щиты были все разбиты. По второй группе щитов практически без пристрелки ударили шрапнелью так удачно, что даже для нас самих это было непонятно. На ученьях был генерал-майор В.И.Чуйков. После стрельб батарея была построена на боевой позиции. В.И.Чуйков поблагодарил артиллеристов за отличную стрельбу, а комбату и мне вынес личные благодарности. Комбату он сказал примерно так: «Лейтенант, а ты оказывается художник. Молодец, когда нужно – художничай!» Дело-то в том, что по уставу по цели нужно было сделать полную пристрелку, а комбат ее сократил и перешел на поражение в виду того, что снарядов-то было мало. Ну а победителей не судят. А у меня Чуйков спросил: «Что же произошло с одним орудием?» Ответил, что наводчику попала в глаз соринка. Глаз слезился, и, когда он делал отметку по точке наводки, допустил неточность в одно деление угломера. Снаряды этого орудия взорвались несколько в стороне. Вот и такое было.

Я, как и в прошлый раз с пистолетом, а на сей раз с автоматом – в овраг. Опять по носовому платку одиночный выстрел. Удачно. Второй и третий тоже. Ставлю переключатель на «очередь» – только одиночный выстрел. Автоматы, как я узнал, получали прямо со сборочного конвейера. У них ложа из березы не зачищена, ничем не протерта. Вот и занялся доводить автомат до ума. У оружейников выпросил кусочек надфиля и шкурки, зачищал в затворной камере до блеска, затем стеклом обгладил ложу, промаслил. Вот теперь автомат стал походить на автомат. Снова иду в овраг, снова испытываю автомат. На сей раз все встало на свое место, и автомат дал мне возможность произвести очередь в 15 пуль. Оружие стало надежным.

Начались тяжелые бои под Воронежем, – это же почти рядом. И вот вечером тревога. Свертываем все и движемся на станцию. А там уже стоит состав. Грузимся быстро. Прощай, роща Репица. Мы где-то нужны. Вначале было не понятно, куда мы едем. Но вот мы попали в Пичуринск. Значит, едем на восток, а не в Воронеж.

Не помню название станции. Но она небольшая – три пути. Ее ночью немцы разбили. На станции было два людских состава, а в середине – состав с боеприпасами. Мы ехали через станцию черепашим шагом. Кладбище вагонов, платформ. Лоскутья обмундирования висели на обломанных деревьях. Ужас. Догадки и догадки: куда нас везут? Вот и Саратов на Волге. Едем по мосту через Волгу. Или снова в Сибирь?

Потом прошел слух, что едем в Астрахань, а там на пароход – и в Иран на смену кадровой дивизии. А мы же рвались на фронт.

Но вот станция Красный Кут. Повернули на юг, на Астрахань. Местность унылая, голые степи, шары перекати-поля. Глазу не за что зацепиться. Ехали почти без остановок. Но вот станция

Баскунчак. Со школьной скамьи мы знали соленые озера Эльтон и Баскунчак. Эшелон остановился. Стоим, стоим... Затем тронулись, и я по карте установил, что мы поехали на запад, а не на юг. Впереди по карте километров в 30-50 была станция Владимировка. Так оно и есть. Остановка, мы выгружаемся, солнечный день, жара. Движемся поперек Владимировки к Ахтубе. Кругом нас сад, огород. Невольно говорили: «Если есть на земле рай, то это Владимировка».

Ахтуба неширокая, но на ней стояло несколько «посудин», и в том числе двухпалубный белоснежный пассажирский пароход «Климентий Ворошилов». Материальную часть погрузили на одну баржу, а людей – на пароход. Гудок, и мы поплыли вверх по Ахтубе. Здесь мы узнали, что немцы прорвали фронт на Донце и развернули наступление на Кавказ и Сталинград.

Походная кухня была на барже, а поэтому для кормления людей пароход пришвартовывался к барже. Так вот во время такой стоянки решили искупаться. Мой комбат тоже плюхнулся в воду. Он совсем не подумал о последствиях ранения. Как только он оказался в воде, у него судорога скрутила ногу, он захлебнулся и начал тонуть. Санитарка, его любовница, разбежалась по палубе и нырнула, а мы еще сапоги снимали. Подплыла, выхватила его из воды и – к пароходу. Тут их подняли. Откачали мужика.

Дальше без особых приключений подошли к Сталинграду. Двигались вверх к повороту Волги. Уже вечером причалили к берегу. Началась выгрузка материальной части. И вдруг тревога, завывли сирены. Первый налет немецкой авиации на Сталинград. Захлопали зенитки. Шло три девятки «юнкеров». Огонь зениток был настолько сильным, что практически немцы на город почти не сбросили бомб, а потеряли шесть или семь самолетов.

В это время в верхней Волге подошли четыре больших буксира, которые привели по четыре баржи. Со стороны города спускалась бортовая машина, из которой на ходу прыгали автоматчики и становились вдоль дороги по обе стороны. С барж потянулись одна за одной военные машины «Студебекер» с какой-то рамой, закрытой брезентом. За ним шла бортовая машина («ЗИЛ» или «Студебекер») с кузовом, закрытым брезентом. Что это такое? Наконец-то я услышал слово «катюши». А они все шли и шли – ведь 16 барж. А у меня вышел казус. Походная кухня свернула с дороги в город в одну сторону, а орудия свернули в другую сторону. Комбат дал команду кормить людей ужином. Я сунулся перескочить улицу в город, по которой шли «катюши» – не вышло. Попросту меня повернули кругом патрульные. Вот так. Машины шли часа три. После этого патрулей сняли и занялись ужином.

Ночью шли по тревожно спящему Сталинграду. Город был защищен. К рассвету мы оказались на возвышенности на окраине города. Остановка. Наступал ясный солнечный день. Завтракаем. Я в бинокль рассмотрел аэродром, который был ниже. Насчитал 71 самолет. Каких только их не было: «Ньюпора» времен гражданской войны, У-2, ТБ-3, а вот боевых-то самолетов было около десятка. Это были тупоносые машины времен испанской войны.

Из города потянулась колонна «катюш». Они шли рядом с нами, так что мы их разглядывали. Можно было их сосчитать. Всего машин было больше 300.

Вот это сила! Они прошли, осталась полоса пыли. Команда: «Строиться!» и «Шагом марш!». Мы тронулись довольно бодро. Идем по следу «катюш». Унылая голая степь. Скоро солнце стало палить нещадно. Пить и пить... А что пить? Нет колодцев, ручьев и речушек... Развилка дорог: «катюши» ушли к северу, а мы повернули на запад.

Ночевали в степи. Спали как убитые. Часовые и те спали стоя, опираясь на винтовку. Снова топаем. В каком-то поселке осушили все колодцы.

Вечером подошли к городу Калач. Первым делом утолили жажду. На окраинах Калача была устроена оборона: окопы, траншеи, ходы сообщения. Но Калач-то на левом берегу Дона, а это низкий берег. С правого высокого берега он будет просматриваться и простреливаться. Какое-то замешательство, а потом снова команда «стройся». Движемся в сторону переправы. Уже темно. На юге темнеет очень быстро и ночи очень темные. Железнодорожный мост еще стоял, но был заминирован. Переправа состояла из небольших барж, на них были квадратные деревянные брусья. Днем баржи стояли в яриках, а вечером катерами их ставили в одну линию на якоря, укладывали брусья. Вот и переправа готова. Утром переправу разбирали и разводили по местам стоянки.

По переправе все перемещались бегом. Нужно было за короткую ночь переправить людей, материальную часть, боеприпасы, горючее и т.д. для целой армии.

Итак, переправа позади. Движемся вдоль берега Дона до широкого оврага и по нему выходим на крутой правый берег Дона. Рассветало. Куда не посмотришь, везде люди, машины, повозки...

И вот на небе появляется странный самолет с двумя стабилизаторами. Чей самолет, мы не знали. Он направляется в район переправы, и тут по нему ударяет зенитное орудие. Несколько неточных разрывов – и самолет уходит от переправы, делает большой круг и идет в нашу сторону. А незадолго до этого из колонны бойцов отделили двое, пробежали метров 15. И там был окоп для стрельбы из «Максима» по воздушным целям. Одно мгновение – и станок уже стоял на колесе, другой боец прикрепил ствол пулемета и крикнул: «Ставь бронебойно-зажигательные». Лента уже в затворе, и первый номер готов к стрельбе. Самолет в это время приближался к нам и снижался (он, видимо, захотел русского мяса), и пулеметчик уловил момент, когда самолет оказался в створе стрельбы. Прогремела короткая очередь (потом сосчитали гильзы, их было семь штук), самолет как-то «сел» метров на 50, начал крениться набок и воткнулся носом в землю под холмик. Только два хвоста торчат. Ой, что тут творилось, просто ужас! Народ бежал к самолету и кричал ура. Я туда не бегал, народу было слишком густо. Потом слышал, что в самолете было четыре человека, один из них – полковник генштаба.

Около нас развернулась другая картина. Кто-то кричал: «Кто стрелял? Кто стрелял?». Мы увидели мл. лейтенанта и указали на пулеметчиков. Он к ним подбежал, обоих за шиворот и вон из окопа. Потасил он их по склону книзу, там стояла легковая машина, в которой сидел генерал Лопатин – командир 147 дивизии (наша соседка на фронте справа. Она формировалась в Кукморе, так что там было порядочно вятичей). Так вот он снял свои два ордена «Красной звезды» и... наградил пулеметчиков.

Постепенно восстановился порядок, и колонны пошли на запад. Кое-где сворачивали некоторые подразделения. Не было танков. Прошла девятка «юнкерсов» в сторону переправы, и мы услышали разрывы бомб. Шли целый день. Жара, все потные. К вечеру пришли на разъезд Дмитровска. Он небольшой, рассредоточились по поселку. Первым делом по пояс обмылись. Фруктов в садах – горы. Слышны звуки канонады. Узнали, что 1-й батальон нашего полка побывал во встречном бою и понес существенные потери.

Стало ясно, что завтра мы вступим в бой. Свершиться то, к чему мы готовились. Спали в саду на земле мертвецким сном.

Итак, 25 июля 1942 года.

Утро. День будет ясный и жаркий. Провели завтрак. Запрягли коней. Строимся в колонну для марша. Комбат уехал в штаб полка. Скоро он вернулся, и я получил первый боевой приказ выдвинуться с батареей в район роши км в 2,5. Азимут основного направления стрельбы. Веер действительного поражения.

Просмотрел по карте маршрут движения, и батарея тронулась за мной. Часть людей взвода управления взял комбат и двинулся на НП, который наметил рядом с НП командира 2-го батальона. Движемся по пойме реки Чир к броду через реку. Переехали через Чир и берегом проехали вверх по течению в хутор. Там домов (мазанок) штук семь. Поперек улицы – овражек, а над ним – небольшой мостик. Проверил его надежность, и батарея переехала по нему. Сделали остановку. Рассредоточились под деревьями. Я ожидал второй приказ комбата, но его не было. Командир второго взвода мне доложил, что у третьего орудия престало крутиться колесо, и он орудие поставил под мостик и вызвал орудийного мастера. В это время со стороны фронта по проселочной дороге показалась колонна. Во главе колонны шло три танка, за ними немного пехоты и до десятка орудий. Когда они подошли к улице, я узнал, что это остатки 600-го полка после боя у станицы Чернышевская. Танки повернули по улице к мостику, а я удалился к деревьям справиться нужду в канаве. В этот момент девятка пикировщиков сделала над ними круг, и первый самолет пошел в пике на мост, по которому шел танк. Раздался взрыв. Кто был на броне – сшибло. Танк не пострадал. За первым самолетом пикирует второй, и началась «карусель». Всего они сбросили 22 бомбы.

Наконец пикировщики улетели. Я лежал в канаве на спине и видел смеющиеся лица летчиков. Они спускались чуть не до вершин деревьев. Со злости от своего бессилия я из автомата сделал несколько очередей, несмотря на то, что был приказ о запрещении стрельбы из стрелкового оружия по самолетам. Бегу к мосту. Бомба попала в край моста. У меня были убиты пять человек из расчета орудия, был ранен командир 2-го взвода в колено (разбило чашечку). Кто был на танке, их контузило. Отправил раненого с сопровождающим на коне в медсанбат. Поставил людей копать могилу.

С комиссаром батареи Кобаладзе пошли к походной кухне, а она была в конце хутора. По дороге шли рядом – я был слева от комиссара. Из куреня вышел старик в казацком одеянии, глянул на нас, и я отчетливо услышал, как казак сказал: «Скоро придут немцы и вас перебьют, большевиков». Комиссар повернулся ко мне и спросил:

– Граната есть?

– Есть.

– Дай мне!..

Я не понял и протянул ему гранату Ф-1. он выдернул предохранитель и бросил гранату внутрь куреня, куда ушел старик. Курень загорелся. Меня всего покорило. Комиссар воюет со стариками...

На кухне я дал приказ, когда готовить обед и куда ехать, и вернулся к мостику. Недалеко от моста была вырыта могила. Убитые лежали рядом. Попрощались, опустили убитых в могилу, завалили. Нашли како-то столбик. Поставили его. Дали салют прощальный. Все мы уже понесли первую потерю.

От комбата нет ничего. Вытягиваемся в колонну, и постепенно по той же дороге, по которой шли остатки 600-го полка, стали подниматься на взгорье. Затем развилка дороги. Идем по левой стороне. Справа прямо на поле стоит 152 мм гаубица-пушка, замаскированная плащ-палатками. Впереди нас примерно в километре в сторону Чира тянется увал. Там идут бои. Автоматная стрельба, рвутся мины. Я на коне был впереди. Командир 1-го взвода рядом. Вдруг вой над нами и чуть позади нас разорвались четыре мины. Кричу: «Стой!» Подтягиваю оставшихся. Я знал, что немцы заметили перелет и уменьшат прицел. Снова вой приближающихся мин – они разорвались, как я и ожидал впереди. Ору что есть силы: «Вперед! Быстро!» Гоним коней и снова уходим из вилки, и так четыре раза. А потом мы стали спускаться к оврагу, и немцы нас потеряли из вида. Спускаемся по пологой части оврага, придерживая орудия. Появились промоины, и вот в них-то и разместили свои орудия. А рощица, которую мне на карте показал комбат, видимо, давно приказала долго жить. Я глянул на карту, которая у меня была, и прочитал: «Год пополнения съемки 1937». Вот это да! Накинули на орудия маскировочные сетки. Выбрал точку наводки и подбросил веер действительного поражения. Бойцы роют щели. Бой впереди идет и идет. Иной раз пули проносятся и над нами. Вдруг я заметил бегущего по направлению к нам человека. Я вначале принял его за посыльного от комбата., но в бинокль разглядел в руке у него пистолет. Он все ближе и ближе. Остановился и закричал:

– Кто здесь старший?

– Старший на батарее лейтенант Сергеев Александр Иванович.

– Открывай немедленно огонь, там наши гибнут...

– Батарея на закрытых позициях, связи с НП не получил, ожидаю.

– Если не откроешь огонь, расстреляю! – закричал капитан. Дело совсем дрянь, так как автомат у меня за спиной, и он с выстрелом из пистолета меня опередит. Что делать? Я спрашиваю его:

– У вас карта есть?

Он достал планшетку, а я этим воспользовался, передернул автомат для стрельбы с живота. Он понял, что в случае чего я его опережу, да и командир взвода с пятью бойцами подошли. Капитан как будто протрезвел. Он развернул карту, а я продолжил:

– Рисуи, где край наступающих немцев, а где наши?

Он довольно быстро нарисовал. Я ему сказал, чтобы он подписал карту: кто он, чин, звание и время.

Даю команду «к бою». Сам готовлю данные для стрельбы. Наконец-то я высчитал поворот от точки наводки и прицел, и когда уже хотел дать команду к прицелу, добавил 200 метров. Все готово. Подаю команду по стрельбе очередью по четыре снаряда, взрыватель осколочный. Орудия заряжены, взмах руки: «Огонь!» Отстреляли быстро. Через пять минут я повторил очередь. Итого батарея

выпустила 24 снаряда. А куда они легли, наши снаряды? Этот вопрос меня мучил до вечера. Окапываемся...

Кухня не пришла. Наконец-то вечереет, а бой все идет. Особенно неистовствуют автоматы.

Вечереет. Наконец-то бой стихает, и с высоты потянулись группы солдат. Вели и несли раненных и убитых. Я тоже дал команду, и мы начали вытаскивать орудия к дороге. Следуем обратно в Дмитровку. Уже темнело, и тут я встретил своего комбата. Обнялись. Я ему доложил всю обстановку. Дошли до могилки, поклонились. От него узнал, что мои снаряды разорвались на нейтральной полосе, но прихватило и немцев, особенно второй очередью. Как ношу с плеч сбросил. Он не мог связаться, потому что не могли пройти полосу, которую немцы держали под непрерывным обстрелом. Комбату рассказал о храбрости нашего комиссара. Он матюгнулся и спросил, где потом был комиссар. Я сказал, что, видимо, на кухне. С батареей его не было. Покормили ужином и на марш. Вытянулись вдоль улицы и пошли к броду через Чир. Перешли, топаем в Суровикино, а там по мосту опять же на правый берег Чира. Шли берегом, а потом по оврагу, поднялись в гору, а там с километр шли с небольшим подъемом и вышли к вершине большого оврага, который примерно через 1,5 км выходил к Чиру между Суровикино и Дмитровкой.

От усталости валился на землю. Выставил охранение и спать. Хорошо, что было тепло. Итак, первый день боя прошел неважно, но кое-чему научил. Не зря говориться: «Солдатами не рождаются, а становятся!»

Походная кухня осталась на берегу Чира. Пищу на передовую доставляли в ранцевых термосах.

26 июля 1942 года.

Работаем, не разгибая спины: роются окопы для орудий, щели, убежища в овраге для отдыха, укрытия, ходы сообщений. Комбат на НП рядом с командным пунктом командира 2-го батальона. От батареи до НП около двух километров. На батарее построили веер действительного поражения, орудия отметились по точке наводки. Батарея была готова вести огонь. Связь осуществлялась по телефонной линии. Весь взвод управления был на НП, а у меня на батарее был только один связист-белорус Лёза. Мастер своего дела. Во второй половине дня получили команду «к бою». Расчеты на местах. Дублирую команды во всю глотку. Команда следует за командой. Первое орудие начало пристрелку почти на максимальной дальности. Комбат опять «художничает», укорачивает пристрелку. Затем следует команда «всем орудиям беглый огонь по три снаряда». Затем команда «отбой, записать цель №1». Я записал – и через бугор, куда мы стреляли. Увидел столб черного дыма. Все батарейцы смотрели и улыбались: была первая, маленькая пока, победа. Я спросил по телефону комбата:

– Что горит?

– По-видимому, машина.

– Поздравляю с успехом!..

До позднего вечера продолжаем земляные работы. Обед и ужин был доставлен почти вовремя.

Да, фронт батареи был сложный. Первое орудие стояло на поле, второе - в вершине аппендикса оврага и в 40 км от первого, а третье орудие стояло тоже у аппендикса оврага в 120 км от второго орудия.

За день противник не беспокоил, и пехота окопалась. А вот бомбардировщики по три эскадрильи проходили над Суровикиным в сторону Сталинграда. Обратно они возвращались другим маршрутом.

Я себе в склоне оврага (почти отвесная стенка) отрыл нишу на глубине четырех метров. Настелил сухой травы, и мое «убежище» было готово.

К ночи были выставлены дозоры, часовые сменялись через час. ночь прошла спокойно.

27 июля 1942 года.

День прошел спокойно. Была перестрелка на передовой. Связь с НП была нормальная. К вечеру был в штабе полка. Узнал новость, что в штатном расписании появилась новая должность –начальник

артиллерии полка. Ему в подчинение была передана наша батарея, батарея 45 мм пушек, батарея 120 мм минометов и рота 82 мм минометов. Познакомился с капитаном, начальником артиллерии полка и от него получил первый приказ: изготовить два макета орудий и установить их на левом фланге. Указал место на карте. Я спросил, а где расположены немцы? Он мне показал линию немцев. Я ответил, что самое трудное в задаче – найти четыре колеса. Повторил приказ и сказал, что завтра все будет выполнено.

Хотя мы стреляли мало, снаряды таяли, а подвозу не было. Командир взвода боепитания не покидал штаб дивизии. Но все было пустыми хлопотами, оставалось все меньше и меньше патронов. И тут приказ №270 Главкомандующего И.В. Сталина: «Ни шагу назад». Появились заградбатальоны.

28 июля 1942 года.

ЧП. Утром в заграждении выстрел. Бросил туда людей из первого взвода. Вскоре они вернулись и привели молодого бойца с простреленной рукой (в ладонь – видны ранки от пороха). Клянется, что кто-то в него стрелял, а у самого в обойме патрона не хватает. Доложил в штаб полка. Военно-полевой суд. Суд был на батарее. Приговор: «К расстрелу». Тут же у батареи расстреляли парня и тут же похоронили. Я написал письмо его семье, что их сын пал смертью храбрых, защищая Родину, и указал, где похоронен. Письмо отправил. Первый раз в жизни я солгал. Да, иначе я поступить не мог.

Утром передал приказ на кухню (там были и бойцы взвода боепитания) старшине об изготовлении двух макетов орудий. День прошел спокойно. После обеда, ближе к вечеру, вместе с командиром 1-го огневого взвода лейтенантом Шергиным разрабатываем план операций по устройству логиных огневых позиций. Было решено ехать на двух повозках, к которым подцепить по логиному орудью. В каждую повозку поставить по ящику гранат Ф-1, в каждой повозке по пять бойцов (один из них ездовой). На первой повозке (на задке) лейтенант Шергин с автоматом, а на задке второй повозки – я с автоматом. Просмотрели по карте маршрут движения. Шергин отобрал самых надежных бойцов. Ближе к вечеру мы с бойцами перебрались к походной кухне. Макеты были готовы. Привязываем к бричкам и, пока светло, отправились в путь-дорогу. Вначале ехали по берегу Чира, затем по склону пологого оврага. Темнеет. Вот мы наверху. Противника не видно, да и наших тоже. Ориентируемся, проезжаем метров 500. Делаем грубую трассировку орудийного окопа, траншей. Установили макеты, накинули куски сеток и накидали травы. Все. Затемнело полностью. В сторону наших позиций еще раньше присмотрели дорогу и вот мы по ней едем. Кони бегут трусцой. В каждой упряжке четыре коня. Проехали минут 15-20, уже стало уплывать куда-то чувство опасности, и вдруг слышим: «Хальт!» Где-то рядом с повозкой. Я кричу: «Огонь!» – и дал очередь из автомата. По-моему, я его расстрелял. Что началось! Ужас, огонь со всех сторон. Бойцы кидают гранаты из положения «сидя». Но вот стрельба где-то сзади продолжилась, но мы уже были не на линии огня. Вдруг один конь у первой повозки упал. Остановились, у него оказалось пробитым горло. Его выпрягли. И снова рысью едем. И так благополучно мы добрались до своей обороны. Оказалось, что среди нас нет ни убитых, ни раненных. Спать! Только спать!

Точно не помню дату, но где-то в эти дни в соседнюю 147 дивизию, что занимала оборону от нашего правого фланга, через Суравикино и по р. Дабренькая (все это я хорошо просматривал в артбуссоль) прибыло пополнение 1200 человек – бывшие курсанты из Орджоникидзе с уже присвоенными званиями младшего лейтенанта. Перед ними выступил командир дивизии и сказал, примерно, следующее: «У меня оружия для вас нет, но есть там, – он указал на запад. – Завтра пойдете и возьмете его, а я вам чем могу помогу». Они пришли на фронт, имея на взвод пять учебных винтовок. Командир дивизии за ночь стянул всю артиллерию дивизии на один участок и утром «сыграл вальс из всех орудий». За огненным валом курсанты двумя цепями ушли вперед. Для немцев это было неожиданно, они понесли значительные потери и отошли километров на шесть. Это я наблюдал со своей батареи через артбуссоль. К вечеру вернулась только половина курсантов, но все с оружием, даже минометы притащили. Ночью курсантов отвели в тыл, а на линии окопов осталось только боевое охранение. Утром три эскадрильи пикировщиков там все перепахали. На следующее утро 60 танков рвались через окопы курсантов. Горели, но шли и шли...

Танки продвинулись в тыл до трех километров, но и там их догоняли курсанты, забирались сзади на танк и били бутылки с зажигательной смесью над моторной группой. Танк горел. К вечеру я насчитал 39 сожженных танков. А курсантов осталось в строю чуть больше сотни. Вот такова судьба курсантов этого училища. После этого в районе больше не было боевых операций.

Где-то сразу после этих боев на окраине Суворикино (кстати, этот районный центр Сталинградской области имел большой элеватор, который был заполнен зерном, его наши саперы взорвали, и он горел) была установлена одна 37 мм полуавтоматическая зенитная пушка. Она заряжалась обоймой из пяти снарядов. Стреляла очередью. Расчет пушки быстро вокруг пушки сделал земляной вал. Ее поставили где-то к вечеру, а к утру у нее уже было укрытие.

Утром, как по расписанию, ползут по небу два клина бомбардировщиков с полной боевой нагрузкой. От звуков моторов матушка-земля мелко дрожала. Они шли прямо через Суворикино и как раз над этой пушкой. Она дала очередь – высоко, вторая очередь – низко, третья очередь – по второму клину. Есть! Один стервятник взорвался полностью, но самолеты шли близко друг от друга, как на параде (им некого было бояться – нашей авиации там не было), и при разрыве самолета оба его соседа взрывной волной поставило на бок. Это я сам лично наблюдал в бинокль. Примерно через час появился «фоккер-вульф» и начал облетать пушку на небольшой высоте. Пушке вал мешал вести огонь, но она все же сделала несколько залпов, но неудачно. Где-то через час в воздухе три «мессершмидта» сделали круг над пушкой где-то на высоте не менее двух километров, затем ведущий пошел в пике на пушку. Он ведет огонь – пушка бьет очередь за очередью в упор. «Мессер» перед землей ушел в пике и бухнулся на землю около огорода у усадьбы. Второй и третий «мессеры» вышли из пике на высоте и ушли не солоно хлебавши.

Вот это удача: почти за два часа сбито два самолета. Позднее, видимо, 1 августа, я был у сбитого «мессера». Он стоял «на пузе» около угла огорода из жердей. Пропеллер был погнут, одно крыло было обломано сантиметров на 50 об дубовый столбик изгороди. Щитка у летчика нет, он сбит снарядом, и у летчика нет головы. Часы на приборной доске шли.

Отдохнул. Проверил батарею. Как будто все в порядке. Погода стоит жаркая, на небе ни облачка. Где-то после обеда следует команда «к бою». Дублирую. Расчеты на местах, маскировочные сетки открыты. «По немецкой колонне гранатой, взрыватель осколочный... Первому орудью один снаряд. Огонь!» Следует выстрел, затем корректировка, и уже всем трем орудиям по два снаряда – беглый огонь. Отстрелялись. Следует небольшой поворот и еще по четыре снаряда – беглый огонь! Затем следует команда «отбой». Спросил комбата: «Кого угощали?» Он сказал, что, видимо, роту велосипедистов. Колес было в воздухе, что у хорошего жонглера в цирке.

Да, с утра немцы вели минометный огонь по нашим макетам довольно долго. Ближе к вечеру я заметил одинокого всадника, он ехал со стороны правого фланга. Вскоре в бинокль рассмотрел у него на голове кубанку, автомат, за поясом две гранаты РТД и клинок. Его остановила охрана. Шли переговоры. Пропустили, и он поехал в сторону батареи. Я вышел из-за 2-го орудия ему навстречу. По знакам отличия я вижу, что он капитан, но все же в обмундировании было что-то странным. Он спросил: «Кто здесь старший?» Я представился. Он в ответ назвал себя начальником штаба батальона соседней дивизии. Указав рукой на запад, сказал, что там движется немецкая колонна, которая прошла по стыку нашего и его батальона. Уже смеркалось, в бинокль я видел верх колонны, но не смог сразу определить, кто и что. Время на раздумья не было, и я сразу дал команду: «Орудия на открытую, зарядить осколочными снарядами и взять колонну под прицел». Веду наблюдение за колонной, до которой метров 200. Но что-то заставило меня остановиться и подумать. Рука поднята вверх, оставалось только крикнуть: «Огонь!» Но тутя вызвал командира 1-го орудия сержанта Гусева и приказал ему, взяв с собой еще бойца, приблизиться бегом по направлению к колонне на такое расстояние, чтобы безошибочно определить, что это за колонна. Если это немцы – три выстрела один за другим. Они ушли, я весь дрожу. Все внимание на правый фланг. Время тянется слишком медленно, но вот уже передо мной сержант Гусев: «Это батарея 45 мм орудий на телегах меняет позицию». Я чуть язык не проглотил! Дал команду «отбой». Приказал развернуть орудия в сторону фронта.

И тут я хватился, а где же конник-то? Мне сказали, что он оврагом уехал в штаб полка. Я чуть с ума не сошел. Кто ему указал дорогу? Рядовой Григорьев, ездовой. Я еле сдержал себя, крикнул мне коня. Кони были близко, я без седла забрался на коня, ударил его между ушей автоматом и поскакал в

штаб полка по верху – это ближе, чем по оврагу. Подъезжаю шагом, автомат на взводе. Хотя было уже темно, но ясно виден был людской муравейник – выносили все из землянок. Я тихонько сошел с коня и по склону в овраг. Там всадник на коне был виден почти в центре. Нос в нос столкнулся с помощником начальника штаба полка. Он на меня смотрит дикими глазами:

– Ты что один от батареи остался в живых?

– Все живы и целы.

– А он? – мотнув головой в сторону всадника, спросил пом.нач. штаба.

– А его надо немедленно вышибить из седла. Мне к нему подходить близко опасно, узнает. Он сможет бросить две гранаты, и на коне выскочит из оврага.

Помощник начальника штаба полка остановил одного бойца, растолковал ему задачу, а сам подошел к всаднику для разговора. Вот тут боец ударом приклада в спину вышиб его из седла. Мы скрутили ему руки, обезоружили и повели в штабную землянку. На пороге у входа встретили весь штаб. Я доложил все, а вот на вопрос командира полка, почему же не открыл огонь, я так и не смог ответить. Да и сейчас не знаю, что мне позволило в этой спешке смены декораций принять правильное решение. Всадник наш оказался немцем из Республики немцев Поволжья.

Вернулся на батарею пешком, так как конь мой ушел. Спать и только спать. Но надо было разрядить орудия. Спросил разрешение комбата, он дал мне цель, и я выпустил три снаряда. Орудия поставили на место, замаскировали.

30 июля 1942 года.

До обеда было тихо. После обеда на передовой усилилась перестрелка, «заквакали» мины. Теперь мы стреляем только с разрешения командира полка. Снаряды на исходе, а подвоза все нет и нет. От комбата команда: «Батарея к бою!» Продублировал, и тут телефон потерял «дар речи».

– Лезу ко мне. Восстановить связь!

– Есть восстановить связь! – отчеканил прибывший по приказанию Леза. А еще спросил разрешение оставить на батарее карабин. Я ему разрешил. Он взял две гранаты Ф-1 и на моих глазах из-за голенища сапога достал нож (типа финки) – и острием его в рот и конец ножа как-то умудрился зубами зажать. До этого случая ни у кого из бывших заключенных я ножа не видел. Леза вначале бежал в полный рост, затем пригнулся, преодолел перевал. Я его потерял из вида. До НП расстояние 2 км. Так оно и есть, минут через 20 слышу по телефону: «Пятый, даю связь!» («пятый» – это мой позывной). Только часть слова: «Бата...» – и опять связи нет. Что-то случилось. Минут 5-7 я орал в трубку телефона, но все бесполезно. Ага, снова Леза:

– Первый, даю связь, куда мне двигаться?

– Назад возвращайся, – скомандовал я и услышал в трубке голос комбата: «Отбой! Цель ушла, а хорошая была цель...»

Я направился в свое убежище немного вздремнуть. Командовать оставил Шергина. Я еще не спал, когда до меня донесся задорный мужской гогот. Что случилось? Выскакиваю из своего убежища, глянул в сторону смеющихся и опешил. На краю оврага, как изваяние, на крупном коне восседал Леза, весь в крови, с двумя «шмайсерами» на груди. Буквально протер глаза – не снится ли? Нет! Все наяву. Подошел к Лезе ближе. Да, картина для смеха была достаточная: малыш на спине слона (конь-тяжеловоз).

– Леза, ты ранен?

– Нет.

– А чья кровь на тебе?

– Да я там двух фрицев прикончил...

– Слазь с коня и докладывай все по порядку.

Пришлось чуть ли не щипцами вытягивать у него слово за словом. Вкратце с ним было следующее. Он полз вдоль кабеля. Оставалось метров 300 до КП, и тут он заметил разрыв. Ничего не заподозрив, Леза приступил к сращиванию кабеля. Нашел какой-то грубый стержень травы и его использовал в качестве колышка. Сделав все это, включился телефонной трубкой и передал мне, что дает связь, и... тут же был прижат к земле с заломленной правой рукой. Поняв, что попал в ловушку, что ему никто и ничем не поможет и рассчитывать он может только на себя, одним движением левой

руки Леза выхватил из зубов нож и нанес скользящий удар немцу по горлу. Второму Леза нанес удар в живот. Приподнялся, осмотрелся, больше никого не было, но немцы-то успели разрушить сращение кабеля. Он его с толком соединил вторично. Опять включился трубкой, передал мне, что дает связь, получил указание следовать обратно, перекинул через шею оба автомата и, пригнувшись, перебежками вышел из зоны обстрела. На местности была лощина и вот в ней-то Леза и увидел коня. Осторожно осмотрелся, подошел к коню. Никого нет. Взял за уздечку, конь фыркнул, но пошел. По словам Лезы, «конь не понимал ни тпру, ни ну». Это был немецкий тяжеловоз. Лезе удалось-таки сесть на коня, и вот он «приехал». Я ему приказал взять карабин, подсумок и идти на Чир к походной кухне, чтобы постираться, просушить обмундирование и вернуться засветло. Леза ушел, но еще долго все толковали только о случившемся.

На этом ЧП не кончилось. Когда уже было довольно темно, прибежал один боец из бокового дозора и доложил, что со стороны фланга движется группа пьяных фрицев. Я быстро собрал всех бойцов, около 30 человек, поставил задачу. Назревала рукопашная, но чем драться, – наши артиллерийские карабины были без штыков. Немцы навалились на нас, и началось что-то страшное. Мои бывшие заключенные стали друг к другу спинами и в темноте отбивались от пьяных фрицев. На одном фланге я был с автоматом, а на втором был Шергин. Как кто-нибудь из фрицев отделялся от этой мешанины, я нажимал на спуск автомата и давал очередь. Стрелял не «с плеча», а «с пуза». Разделились на отдельные группы. Мой напарник Попов, прикрывающий мою спину, отскочил выручить своего дружка, на которого напали двое, и пока он уложил одного фрица, я получил удар прикладом со спины по правой части таза. Раза три перевернулся на земле, затем поднялся, а Попов, когда увидел, что со мной случилось, в два прыжка оказался у фрица, ударившего меня, выхватил у него винтовку, схватил одной рукой около горла, другой за ширинку брюк, поднял на вытянутых руках вверх, сделал несколько шагов к «аппендиксу» оврага и бросил его со всей силы на землю. Все было кончено с фрицем. Немцы, оставив девять трупов, отходили, унося своих раненных. У нас было двое раненых: один был ранен в руку ножевым штыком, а второму таким же ножом срезали «краюшку» с мягкого места. Еле кровотечение остановили. Обоих отправил с бойцами в район кухни, а там – в медсанбат. Еле-еле пришли в себя. Что было бы с нами, если бы немцы не были пьяными? Дошел до штаба полка. Докладил обстановку и получил от командира полка приказ оформить наградной лист на Лезу на орден «Красной звезды».

31 июля 1942 года.

Немцы что-то затевают. Днем они совсем не беспокоили передовую. День прошел без стрельбы. Нужны снаряды, а их все нет. К вечеру комбат сообщил, что придет на огневую, и просил вызвать старшину батареи. Так он и сдержал свое слово. Старшина пробрался по оврагу. Комбат поблагодарил солдат за хорошую стрельбу. Меня поздравили с наступающим днем рождения. Мне сегодня исполнялось 22 года. Я немного спешил и отмечал день рождения 1 августа, а не 3-го, когда на самом деле я родился. Старшина получил от комбата приказ: по случаю торжества в честь моего дня рождения завтра к вечеру достать 5 бутылок коньяку, ведро водки или самогонки, кашу рисовую и жареного гуся с гречневой кашей (это было любимое блюдо комбата, родом он был из Ростова-на-Дону). И никто тогда не думал, что этого ничего не будет, что мы понесем невосполнимые потери. Проводил комбата, проверил боевое охранение и забрался в свое «логово» спать.

1 августа 1942 года.

Спал хорошо, спокойно. Проснулся рано. Выбрался из «логова», встряхнулся, поправил гимнастерку и ремень. Автомат на груди, надеваю каску и по ровику иду ко второму орудию. Встал около прицела и повернул голову на восток. Солнце багряное, большущее поднялось из-за горизонта. Я больше ничего не успел увидеть и почувствовать. Потерял сознание. Что случилось? По всей вероятности, я задел каской маскировочную сетку над орудием, и по ней полоснула автоматная очередь. Через несколько минут я начал приходить в себя. В глазах разноцветные круги плавают, сталкиваются. Лежу на земле. Голова гудит... Начал подниматься – не получилось, ноги ватные. В это время подбежали бойцы, лейтенант Шергин: «Что случилось? Кто стрелял?» Меня подняли,

поставили на ноги и поддерживали под руки. Под каской заметили кровь. Кто-то сказал: «Он же ранен». Кто-то вскрыл пакет, снял с моей головы каску и перебинтовал рану. Я услышал чьи-то слова: «Легко отделался, вскользь». В тыльном амортизаторе была обнаружена и пуля. Я начал приходить в себя, повертел каску в руках: два правых рикошета, два левых рикошета, одна пуля пробила верхний луч звезды. Меня спрашивают: «Откуда, кто стрелял?» Я сказал, что этот мой, и я с ним сейчас рассчитаюсь. Зрительная память сохранила следы автоматной очереди. Я надел каску и робкими шагами, пройдя метров 20 по оврагу, поднялся на склон. Трава высокая, но я знал направление, откуда в меня стреляли. Лежа на левом боку, дал очередь и сразу же получил ответную. Меняю позицию и снова даю очередь, и снова получаю ответную. И так раз пять. Наконец-то я додумался: снял каску, надел ее на сапог правой ноги и продемонстрировал противнику. Следующая очередь прошла пространство совсем близко. Понял: так шутить нельзя. Немец, видать, опытный. Кончился диск. Поставил новый диск и дал еще две очереди с тем же результатом. Задыхаюсь от злости и не могу принять верного решения.

Запросил гранату. Мне подали Ф-1. Лежа на левом боку, я выдернул чеку и гранату бросил. Увы, она почему-то не взорвалась. Прошу вторую гранату, бросаю. Взрыв. Отползаю немного по склону оврага, дал очередь. Ответа нет. Снова отползаю, снова очередь. Ответной очереди нет. Даю команду: «Двое справа, двое слева – ползком!» Движемся, я полз прямо в лоб. Леза полз справа, и я увидел, как он осторожно приподнялся, осмотрелся и пошел в полный рост. Все выпрямились и пошли. Каких-то 10-12 шагов. Вот он, фриц, лежит, уткнувшись лицом в бруствер. Он успел насыпать довольно солидный бугорок. Так вот этот бугорок я и изрешетил. Надо было дать очередь по вертикали. Граната разорвалась у него на каблуке сапога. Форма на нем была не лягушачьего цвета. Осколками были перебиты ребра. Я приказал перевернуть его на спину. Заметил на петлицах белые стрелы – да это же «S S»! На рукаве кителя шеврон дивизии «Викинг». Вот, оказывается, кто нас бьет. Боец снял с его руки часы:

– На, лейтенант, на память.

– Да нет, носи сам, у меня Кировские, ни на какие не променяю.

Из карманов убитого достали документы, письма, я все положил в планшетку.

На передовой началась сильная перестрелка. Непрерывные разрывы мин. Не отхожу от телефона. Никто не отвечает. Отправляю Лезу по линии. Он ушел и в этот раз с ножом в зубах. Я все ломал голову, откуда тут взялся эсесовец. Ничего не мог придумать. Заблудился? Нет. Он мог уйти к передовой. Так и не придумал ничего. Вдруг в небе два биплана (типа нашего кукурузника). Видимо, итальянцы. Сделали облет батареи примерно на высоте 100 м и начали бомбить мелкими бомбами, а затем они просто бросали ручные гранаты, спустившись до 20-метровой высоты. Наводчику 1-го орудия дал команду стрелять из ПТР (мы его попросту нашли на поле). Беда была в том, что после каждого выстрела затвор приходилось открывать ударами саперной лопатки.

Младший сержант Емельяненко был лучшим стрелком в батарее. Он сделал несколько выстрелов и, видимо, кое-кому досталось, а бросать гранаты с высоты было бесполезно. Самолеты улетели, и, по нашим наблюдениям, один из них терял высоту.

Начали осматривать 1-е и 2-е орудия. Батареи практически нет. У первого орудия пробит накатник и разбит прицел. У второго орудия искривлен стемпель прицела, прицел не работает. Бой на передовой не стихает, а усиливается. Лезы нет. Он мог и погибнуть. Больше некого посылать на линию.

Вдруг заметили, что к району батареи справа движется колонна танков. Но они шли «на солнце», и распознать их не удалось. Накануне вечером в штабе полка сообщили, что утром по правому флангу пройдут наши танки. Мы были все в восторге от этого. Смотрю в бинокль, танки идут тихо. На головной машине красный флажок и стоит танкист в черном. Танк остановился, и танкист развернул планшетку. И тут я увидел в стороне подводу. Танкисты пять человек вышли из танка, окружили подводу. Не понял, что там произошло, подвода едет к батарее.

Останавливаем ее. Вижу, что ездовой из азиатских республик. Спрашиваю его: «Чьи танки?». Он отвечает: «Моя не знает. Танкисты взяли мою винтовку и ломали». Стало ясно, что танки немецкие. Да еще ездовой нарисовал крест на башне. В это время раздалась пулеметная очередь у 3-го орудия, и

я увидел три танка, ползущие по направлению к нему. Остановились. Орудие молчит. От орудия посыльный: несколько пуль пулеметной очереди, выпущенной из танка, попало в ствол и заплывило затвор. Его открыть не удалось.

С лейтенантом Шергиным добираемся до 2-го орудия, открываем затвор и нижней производящей наводим под башню первого танка. Заряжаю гранатой с фугасным взрывателем. Шергин дернул шнур. Выстрел. Я заметил, что снаряд не долетел до танка метра 3-4 и ушел на рикошет. Быстро добавил подъем ствола, Шергин зарядил – снова выстрел. На сей раз танк сразу же загорелся. Снаряд разорвался внутри танка. Два оставшихся танка его закрыли, подобрали, видимо, экипаж горящего танка, взяли его на буксир и утащили. От правой группы танков выстрел по 2-му орудью – орудийный щиток разбит вдребезги. Я сам добежал до 3-го орудия, но открыть затвор мне не удалось. Все орудия выведены из строя. Вернулся ко 2-му орудью, взял с собой Емельяненко с ТПР и пошел по склону оврага «на охоту» за танкистами. Танки подошли почти к самому оврагу. Я даже до гусениц одного танка дотягивался рукой. Но что я мог сделать? Бутылок с зажигательной смесью не было, не было гранат РГД. Емельяненко я оставил в метрах 5-7 от себя, и когда очередной танкист оказался на башне танка, я дал знак Емельяненко. Прогремел выстрел, танкиста с танка сбросило. Оставшиеся четверо из танкового экипажа выскочили через нижний люк, кинулись к убитому, и тут я с колена этак метров с 12-15 дал очередь. Получилась «куча мала». Всем им досталось не по одной пуле. Танки зарывали, подошли к оврагу и начали лупить из пулеметов. Но мы-то были в «мертвой зоне», а в овраге никого не было. Таким способом мы «охотились» еще раза три. Немцы потеряли, как минимум, 20 человек. Немецкие танки едва успевали оттаскивать машины, потерявшие экипаж.

Бой на передовой все еще шел, но уже стал стихать. Вдруг со стороны передовой к батарее кто-то перемещается перебежками. Да это же Леза. Запыхался, но доложил: «Товарищ лейтенант, на НП не удалось пробраться. Батальон окружен немцами. Сейчас две цепи немцев идут сюда. Их человек 400, они метрах в 300». Даю команду взорвать оставшиеся снаряды, всем выйти в овраг.

Нарочный, посланный мной в штаб полка, вернувшись, доложил, что штаб полка разгромлен и там немцы. Принял решение выходить в реке Чир. Идем цепью, маскируемся, кое-где и перебежками. Начало смеркаться. Для нас ночная темнота была спасением. Вдруг появляется «старшина фронта», так мы называли их корректировщика «фокер-вульф». Сделал над нами круг и прямо вдоль оврага сбросил четыре дымовые ракеты с кирпично-красным дымом. Он расстилался по дну оврага. Дышать стало невозможно. Дал команду: «Надеть противогазы!» Хорошо, что бойцы не побросали противогазы как ненужные.

Подходим к концу оврага. Уже темновато. На правом берегу просматриваются тринадцать немецких танков, а на левом – семнадцать. Время от времени раздается пулеметная очередь из танка. Это значит, что еще одна русская душа поплыла вниз по Чиру. На выходе из оврага стояло три или четыре куреня. Командиру отделения разведки (его мне оставил комбат 31 июля) даю приказ взять с собой бойца и произвести разведку, кем занят поселок. Он довольно быстро вернулся и доложил, что в среднем курене в подвале находится больше 30 человек работников штаба полка во главе с комиссаром полка, который дал приказ следовать к ним. С большой осторожностью мы вошли в поселок. Малейшее подозрение у немцев, и они орудийным огнем из танков разнесут все до основания. Оставив людей за куренем на берегу Чира, сам вошел в подвал. Доложил комиссару полка, батальонному комиссару Левковичу о сегодняшнем бое, о потерях батарее.

От него узнал, что на штаб полка вышло до 30 танков. Санрота погибла почти вся. Командир полка майор Лелеков ранен и отправлен в медсанбат. Наша задача – переправиться на тот берег Чира. Немцы расстреливают из танков всех, кто переходит или переплывает. С высокого берега видно все, как на ладони.

Еще из оврага я заметил, что у этого дома есть двухэтажный сарай на берегу Чира. Он довольно высокий. Комиссару сказал, что у меня есть подозрение, что за этим сараем есть для немцев «мертвое пространство». Вышел наружу, на берег Чира, укрепился в своей правоте, вернулся в подвал. Мне чем-то (не помню) посветили на планшет, я сделал несколько измерений, посчитал – все верно. Сказал комиссару, что иду первым, и, как только выползу на том берегу, можно будет двигаться цепочкой по одному, только не создавать волны.

Я с детства рыбак, так что ходить по реке умел. Вышло за мной несколько человек, и я зашел с берега в воду без волны. Автомат на голову, пригнулся к самой воде, тихо переставляя ноги,

направился к противоположному берегу. Было страшно? Да. Я рисковал жизнью. Можно было дожидаться ночной темноты, но немцы так ночью освещают местность, что можно собирать иголки. Позади метров 20, и вот спасительный берег. Цепляясь за ивняк, я выполз на берег в кусты. За мной уже двигалась живая цепочка. На берегу рассредоточивались и двигались к окраине Суровикино. Немцы методично с интервалом в две минуты обстреливали участок дороги от Суровикино до Калача. Они стреляли брандкучеллями. Это снаряды дистанционного взрывания. Они представляют из себя два стальных шарика, сцепленных цепочкой. По правде сказать, немцы стреляли скверно: у них то «клевок» – снаряд рвется на земле, то разрывается высоко с воздуха.

На том берегу Чира, где была наша оборона, слышались редкие выстрелы. По песчаной дороге подходим к Суровикино, оставалось метров 200-250, и вдруг раздается гром, какой-то визг, сверканье «молний», и мы валимся на землю. Я упал неудачно, разбил себе нос о чей-то сапог. Наконец-то кто-то крикнул: «Это наши «катюши» бьют!» Все вскочили. Над нашими головами – две строчки светящихся пунктиров и страшный вой. На том берегу – огненное зарево. Оно все расширялось. Стрельба немецкой артиллерии прекратилась сразу же. Залп «катюш» стих. Мы услышали, как заводятся автомашины. Затем они уехали в сторону Калача. Мы бегом прибежали на дорогу к Суровикино, а «катюш» и след простыл. Мы, артиллеристы, остановились на окраине в саду. Я дал в группу комиссара связного – они ушли к центру поселка. И тут нашелся наш старшина. Привел нас в сад под яблони, принес в каске пшенной каши и самое главное – пол-литра водки. Вот мы (я да Шергин) и отметили день моего 22-летия, помянули погибших. Спали тут же под яблоней. Было тепло. Немцы почему-то не освещали передовую ракетами.

2, 3 и 4 августа 1942 года.

Утром во временном штабе полка получил приказ остаться с командиром 1-го взвода и пятью бойцами для комплектования подразделения из выходящих из окружения. Остальные бойцы из батареи и походная кухня передислоцируются в район севернее Дмитриевки по склонам оврага, выходящего к разъезду. Затишье. Шергин с тремя бойцами ушел по окраинам Суровикино, а я с двумя бойцами остался на окраине поселка в районе дороги на Калач. Вот тут мы и рассмотрели сбитый немецкий «мессершмидт». Видели и нашу зенитку, которая его сбила, и с артиллеристами разговаривали. Зенитка оказалась «безработной», ее немцы облетали стороной.

Эти дни прошли как-то незаметно. Насобирали около взвода выходцев из окружения. Наши артиллеристы поймали бесхозного теленка (многие жители уехали из Суровикино), зарезали, так что мы питались довольно хорошо. Интересно, что немцы практически на нашем участке не вели никаких боевых операций.

Где-то вечером пришел посыльный из штаба полка и передал приказание следовать за связным в штаб. Связной сказал, что надо ждать темноты, а то немцы пристреляли дорогу минометами и бьют на поражение. У Шергина были кони, мы дождались темноты и в путь. Темень, хоть глаз выколи. Шли довольно долго, затем связной остановился, сказал обождать, куда-то ушел – и с концами. По обе стороны тропки, по которой он ушел связной, были противопехотные мины. Простояли, наверное, с час, приняли решение с Шергиным проскочить на конях по тропке, дав свободу коням. Не знаю, что помогло, но мы проскочили. Там, в верховье оврага, в кустах, были кони с батареей и, видимо, почувствовав своих коней, заржали. Мы остановили и вдруг... услышали девичий смех, а я узнал голос мл. лейтенанта Сагдакова (мой земляк их Просницы) – командира взвода боепитания. Я его окликнул, он моментально подскочил. Я ему объяснил положение с теми, кто остался на дороге. Он послал двух бойцов за ними, а мы, оставив тут коней, пошли в штаб полка, который располагался в балке. Еще не закопались в землю, да и осталось-то всего несколько человек. В батальонах оставалось по неполной роте. Проспали тут до утра.

5 августа 1942 года.

Занял со своими артиллеристами оборону по левому склону оврага, используя для этого аппендиксы оврага. Углублялись в землю для стрельбы стоя и укрытия.

На нашем участке тихо. Бои идут на обоих флангах, но далеко. Ночью видны вспышки, следы трассирующих снарядов. Днем посыльный из штаба полка пришел с приказом явиться мне к 20.00 в район дуба, это на выходе из оврага. Красавец дуб. Богатейшая крона. Там должно быть партсобрание, а я до этого подал заявление о вступлении в ВКП(б).

Итак, я был вечером у дуба. Всего собралось около 600 человек. Расположились амфитеатром, как на добром стадионе, по склону оврага. Собрание открыл секретарь партбюро полка комиссар 2-го батальона. Он предоставил слово комиссару полка Левковичу. Тот встал и сказал, что зачитает Указы Президиума Верховного Совета СССР о награждении отличившихся в боях за Родину. Начал читать 1-й указ: « За проявление мужества и отвагу, проявленную в боях 27 июля, 1 августа наградить лейтенанта Сергеева Александра Ивановича, – я вскочил и встал по стойке смирно, – орденом Красной Звезды. Заплодировали. Затем комиссар продолжил. Было больше 20 награжденных. Среди них и мною представленный к награде связист Леза – тоже орден Красной Звезды. Ордена не вручались, и я свою награду так и не получил. После войны я писал два раза в наградной отдел, но там не нашли меня в списках награжденных. Как мне удалось узнать позднее, на фронте награждали штабы армий, а штаб нашей 62-й армии стоял в хуторе Володинский, куда 6 августа с обоих флангов подошли немецкие танки. На охране штаба армии была только одна рота автоматчиков. Командующий армией В. И. Чуйков и высшие чины сели в «КВ» и успели выехать из окружения. Бумаги же штаба армии было приказано начальнику связи армии сжечь, что он и выполнил, а сам попал в плен...

...Секретарь партбюро полка сказал, что зачитает заявления о вступлении в партию. Голос у него, помню, был с акцентом (видимо, он чуваш), читал он внятно, и первым был мое заявление. Я встал. Он зачитал до конца и обратился к собравшимся: «Есть ли у кого вопросы к лейтенанту Сергееву?» Я стоял, не смея шелохнуться. Вдруг слышу громкий голос: «Знаем артиллериста. Принять кандидатом!» Секретарь успел сказать: «Ставлю на голосование. Прошу поднять руки, кто за!» – и в этот самый момент вой приближающихся мин заставил всех уткнуться носом в землю. Гремящий взрыв, всех засыпало землей и листвой, да и у дуба крона сильно пострадала.

Мины разорвались метрах в 30 выше по склону. Да, могла быть настоящая мясорубка. Вот так за меня проголосовали, и я стал кандидатом ВКП(б) и по сей день им остаюсь, меня никто не исключал, хотя кандидатской карточки так и не получил...

7 августа 1942 года.

День прошел тихо, сидел в своей ячейке и наблюдал за противником. Немцы сделали какую-то перегруппировку, отвели с берега Чира танки. Не обстреливали дорогу Суровикино – Калач. Вечером был в штабе полка. Нового тоже ничего не знают. А новое было и страшное. Немцы замкнули окружение, и оба их танковых клина соединились возле переправы у Калача. Этого мы не знали. В «мешке» оказалось более шести дивизий.

8 августа 1942 года.

День, как и вчера, тихий. После обеда я пошел к походной кухне. Старшина куда-то ушел, и там был только ездовой Егоров. Так вот он мне наложил чуть не полный котелок пшенной каши с лярдом (это какое-то искусственное масло). Я взял котелок и поднялся по склону оврага. В верхней части, голой от кустарников, я увидел вырытую кем-то щель. Сел на верхний берег щели, а ногами уперся в нижний. Достал ложку из-за голенища и приступил к трапезе. Вдруг заметил, что с низу оврага в верхней части идет мл. лейтенант – командир взвода из 7-й роты. Я его немного знал. Он подошел, поздоровались, спросил, где я взял кашу. Я указал ему на кухню. Он мне говорит: «Не найдется ли

еще котелок каши, а то уже три дня ничего не ел. Все время в боях, осталось от взвода три человека». Я крикнул на кухню, и старшина принес котелок каши. Мл. лейтенант сел рядом со мной. Как говорят, только ложка свистит. Я спросил старшину, где у нас комиссар, и от него услышал, что он исчез куда-то первого днем. Интересно, совсем интересно...

8 это время «фокер-вульф» прошел над нами в тыл. Я спросил мл. лейтенанта, полезем ли в щель. Он матюгнулся и сказал, что надоело каждой пуле кланяться, что наверняка самолет в тылу сбросит четыре мины, а потом развернется. Но случилось по-другому. Самолет мин не сбросил, взрывов мы не слышали, а почти планирующим полетом на высоте примерно 150 м проплыл над нашими головами, затем пошел «в горку», и дал из хвостового пулемета очередь. Мл. лейтенант подносил в это время ложку с кашей, открыл рот, и пуля попала ему прямо в раскрытый рот. Пуля разрывная, вся шея была разворочена. Я его опустил на дно траншеи, взял его медальон. Со старшиной и бойцом тут же его похоронили. Я же (не знаю, по чьей воле) отделался легко – оба уха (мочки) были опалены. Я направился обратно, но навстречу мне попался командир взвода полковой разведки и шесть бойцов. У него был ручной пулемет Дегтерева. Он был легко ранен, гимнастерка порезана в нескольких местах. Двое бойцов были перевязаны. Взвод в Дмитровке навязал немцам рукопашный бой, и ему пришлось отходить. Он выглянул из оврага и там лег. «Так и знал, – сказал он. – Полюбуйся, как в кино : Чапаев, капеллевы...»

Я поднялся, всмотрелся – да, страшно: две цепи по десять человек, автоматы на груди, пилотки за поясами, рукава засучены, чеканят шаг. Бойцы заняли удобные позиции. Командир взвода мне указал левый фланг – перекрыть часть оврага. С пулеметом он лег среди своих бойцов. Я услышал, что он сказал бойцам: «Огонь открываем со 100 м, стрелять только наверняка, патронов мало». Ждем подхода немцев, прозвучала команда «огонь», и командир взвода дал длиннейшую очередь по грудям. Бойцы стреляли редко, на выбор. Цепь немцев поредела почти на половину. Командир взвода уже сменил диск (51 патрон) и ударил по второй цепи. Немцы падали, как подкошенные. Вдруг они залегли и открыли из автоматов такой огонь, что поднять головы стало невозможно. И все же я заметил фрица за небольшим кустиком. Моя очередь по нему была смертельной. Хотя изредка, но бойцы ухитрялись стрелять, ведь немцы были в каких-то 50 м. Неожиданно немцы прекратили огонь и, забирая своих убитых, стали уходить. Я добрался до штаба полка, доложил. Пока еще никто не понимал, что мы уже обречены, так окружены в голой степи...

Устал, сплю сидя в ячейке. Ожидаем немецких провокаций.

9 августа 1942 года.

С утра немцы начали перемещение вдоль фронта, а затем редкими цепями пошли на нашу слабую сторону. Пришлось и мне пострелять, но далековато еще. Начинаем потихоньку отход. Цепляемся за что только можно. Произведя несколько выстрелов, отходим. Время бежит, и вот уже вечерет. Мы выходим из оврага и по краю поля занимаем оборону. Там кем-то были отрыты ячейки для стрельбы с колена. Впереди на ровном поле немцы установили четыре миномета (это всего метрах в 200). Мины полетели к нам. Я первый раз наблюдал мину в апогее или зените, когда она теряла линейную скорость и шла к земле. Но значительное количество мин почему-то не разрывалось. Мы с лейтенантом Шергиным были в одном окопчике для стрельбы с колена, сидели бок о бок спиной к фонту. Вдруг слышу голос Лезы, находящегося слева от меня: «Товарищ лейтенант, я ранен». Я высунулся из окопа и увидел, как Леза, за стабилизатор раскачивая мину, вырвал ее из земли и откинул в сторону. Она стабилизатором разрезала ему кончик носа.

Мы же видели, как немцы из ящиков вынимают мины, как опускают в ствол, но что было делать: у бойцов осталось по 2-5 патронов. У меня был начатый диск в автомате и еще один запасной, граната Ф-1 в одном грудном кармане гимнастерки, а в другом – запал к гранате. Вдруг слышу вой приближающейся мины, голова сама втягивается в шею. Удар, и у бока, где был Шергин, посыпался грунт. Оба мы отслонились от стенки окопа, а там «красавица» торчит из земли и «разглядывает» нас. Не говоря ни слова, мы выскакиваем из окопчика, но тут же бухаемся на землю – впереди два

разрыва мин. Подползаем к своему убежищу, ныряем в окопчик. Я достал из земли мину, у взрывателя опалина, значит, он сработал. Достал из-за голенища немецкий ножевой штык, срезал им керненив у взрывателя, с великим трудом открутил его, перевернул мину стабилизатором вверх и... из мины посыпался чистый песок. Спасибо какой-то русской душе, которая вместо взрывчатки насыпала песку, припасенного, по всей вероятности, для пожаротушения. Я считал: немцы выпустили по нам 122 мины, а взорвалось чуть больше 30. Из моих бойцов, кроме Лезы, никто не пострадал. Темнает. Все стихло... Но... Но следует приказ выходить на дорогу, идем на прорыв. Вот тут только мы поняли, что окружены.

Подходим к дороге, она вся запружена, все перемешалось. В голове колонны три танка «КВ», в них – командиры дивизий. Где эти танки были во время боев, неизвестно. Мои бойцы заселили, а точнее облепили, весь третий танк, а я каким-то чудом оказался где-то и на чем-то около крюка. Вот так и движемся по большаку. В воздухе над большаком время от времени вспыхивают осветительные ракеты. Вдруг метров со 150 начали стрелять термитными снарядами немецкие орудия. Загорелся первый танк, затем второй, и тут снаряд ударил под башню нашего танка. Большинство бойцов погибло, их попросту разорвало. Меня сбросило с крюка, на гимнастерке и брюках что-то горит. Пытаюсь затушить, катаюсь по земле. При очередной вспышке заметил лужу с жидкой грязью. Дополз, удалось затушить горящие точки. Откуда эта лужа взялась в степи, когда месяц дождей не было? И сейчас не знаю. Видимо, ее оставил Всевышний для моего спасения. Из лужи я кубарем скатился вниз, куда-то вроде низинки. Вот там-то я и встретил Шергина и одиннадцать бойцов. По низине уходим от этого побоища. Немецкие минометы беспрерывно бьют по дороге. Отошли больше километра в сторону хутора Митяевского. Сделали привал. Ждем рассвета и принимаем решение отсидеться в камышах, благо есть, хотя и болотная, вода.

10 августа 1942 года.

С рассветом спускаемся еще ближе, там более густой кустарник. Вдруг навстречу из кустов выходит оружейный мастер Потапович. Лицо у него распухшее, пепельное. С великим трудом выговаривает: «Дайте хлеба, я пять дней ничего не ел». Не помню, у кого нашелся хлеб, но ему дали полбуханки хлеба. На него было страшно смотреть, как он рвал зубами хлеб. Он походил на зверя. Я не мог даже предположить, что скоро и я, и те, кто останется в живых, станем такими же зверями.

Я заметил на Потаповиче ремень комиссара, спросил его, что это значит. И он мне поведал страшную историю. 1 августа Кобаладзе приказал ему следовать за ним. Они ушли с походной кухни, в одном мелком месте перешли р. Чир, зашли в какой-то хутор, где Кобаладзе достал гражданскую одежду, переоделся. И вот Потапович прихватил из выброшенного обмундирования ремень. Не верить Потаповичу нельзя. В каком-то хуторе они прожили несколько дней, перешли в другой хутор, где жили тайно, а числа 7 Кобаладзе куда-то исчез. Он его прихода ожидал, но не дождался. Вышел из хутора и шел по оврагу, где мы его и встретили.

Ближе к вечеру недалеко от нас завязался неравный бой. Семь немецких танков двигались по степи полудугой, непрерывно стреляя. В кого? Непонятно, но вдруг один танк загорелся, следом горит уже другой, третий. Мы и рты от удивления пораскрывали. Поняли, что бьет «сорокопятка». Горит уже четвертый танк. Оставшиеся три танка обходят пушку с противоположной стороны, развернулись и пошли на нее. Я понял одно: у орудия прислуги только один или двое. Пушка стреляла редко. Пониманию решение перебежать к пушке. Поставил задачу бойцам, и мы перескочили на край оврага. Поднялись поверх оврага. Пушка имела хорошее укрытие в виде вала. Она была в метрах 70, а танки были справа от нас метрах в 200. Приготовились к броску. Шергин был первым, я вторым, а сзади нас бойцы. Только сделали шага три, как левый танк, самый близкий от нас, произвел выстрел. Я думал, что он ударил по пушке. Нет, он заметил нас и ударил по нам противотанковой болванкой. Стрелял он с места, выстрел был метким. Снаряд, не долетев до нас метра три, разорвал полусухую глину, пропахал метров шесть и ушел рикошетом. Так вот этими комьями глины Шергин получил сильный удар в спину и полетел кубарем, а мне удар пришелся

вскользь по животу. Была разорвана понизу гимнастерка, опушка брюк, где-то лежал медальон, но он был тут утерян, разорвало и низ майки, а на животе остались следы, как будто кто поцарапал. Меня сбросило обратно в овраг, кое-как поднялся, осмотрелся. Бойцы притащили Шергина. Мы не успели что-либо принять, как танки развернулись и ушли.

Вскоре донесся звук работы двигателей, но чьих? Я достал карту, сориентировался, где мы находимся, и предложил подумать, куда идти. У меня было два предложения: первое – идти на запад только днем редкой цепочкой, стараться идти между дорог, а затем свернуть на север в Клетские леса. Там по Дону фронт стабильный. Второе – двигаться на восток с выходом выше переправы на Дон. Здесь будет тяжелее, так как вся местность забита войсками. Посовещались, и мое первое предложение было отклонено.

Итак, идем на восток. Я наметил балку, по которой мы пойдем до перевала, а там перейдем в балку, которая идет к Дону. Это километров 20. Темнеет, и мы цепочкой идем по низу балки. Вскоре мы подошли к брошенной нашими повозке. Там были консервы в маленьких банках, в пачках «Любительский» табак. Я взял одну банку консервов и одну пачку табаку. Тут курящие закурили самокрутки, а я свой чубучок. Идем. Но меня не покидает мысль, кто же движется параллельно балке. Прихожу к выводу, что это наши, так как немцы ночью не перемещаются. Тогда кто движется? Куда движется?

Высылаю боковой дозор из трех человек на разведку. Ждем, томительно тянется время. Наконец-то дозор вернулся, и мне доложили: движется большая колонна орудий, там есть и 152 мм гаубицы-пушки, 122 мм орудия. Идут на тягачах. Есть автомашины и пехота. Значит, это выходят части с нашего правого фланга. Ускорили движение и вскоре достигли развилки. Дорогу, по которой проходит колонна, пересекает овраг. Спуск в овраг пологий, и голова колонны втянулась в овраг. И тут-то начался «сабантуй»! Немцы открыли зверский огонь из танковых орудий, танковых пулеметов, простых пулеметов трассирующими пулями. Загорелись сразу же тягачи. Били они с возвышенности к низу. Где-то через несколько минут кто-то крикнул что было мочи: «За Родину! За Сталина! За мной!». Заревело «ура», и вся масса людей, более двух тысяч человек, бросилась на этот огонь.

Это было что-то невероятное, ни на что не похожее. Люди бежали на смерть. Я бежал по правому флангу атакующих. Я ничего не видел, кроме бегущих и падающих людей. Вдруг я увидел, что впереди меня метрах в 15-20 два фрица устанавливают тяжелый пулемет. Я упал, затем поднялся на колено и, только фрицы установили пулемет, прицельно нажал на спуск и дал очередь не менее 30 пуль. Один фриц поднялся, шатнулся и упал на пулемет, а за ним повалился и второй. «Ура» стихает, и я заметил, что впереди нет никого. Огонь немцев стал реже.

Я начал отползать в сторону оврага, прячась за убитых и раненых. Везде слышалось: «Братцы, помогите! Братцы, не оставляйте!». Сплошной кошмар. Наконец, я у станины орудия, перевалюсь через станину и как-то неудачно. За что-то зацепился и оказался на спине, а автомат у меня на животе, и тут пулеметная очередь прошла по станине. Я почувствовал удар по животу. Удар сильный. Очухался. Попытался встать и тут понял, что у меня разбит автомат: пули попали в диск и им развернуло цапфы, в которых крепился диск. Все, я безоружен... Значит, скоро смерть. Перевалился через вторую станину, поднялся и пошел по оврагу на противоположную сторону, и тут я встретил Шергина у тягача. Он стоял, прислонившись к гусенице. Я сказал: «Что довоевались?» Пошли вдвоем, он шел медленно, делал небольшие шаги. К нам присоединился третий, какой-то интендант. На той стороне зашли в довольно узкий овраг и стали по нему подниматься вверх. Идти было трудно, часто были осыпи, ноги скользили. Я думал укрыться где-нибудь в промоине. Начало светать. Надо было перебежать открытое место до оврага в обратном направлении, мы были у водораздела. Посовещались, и втроем, согнувшись, пошагали по открытой степи. И вдруг – с обеих сторон пять автоматчиков: «Хальт! Хенде хох!». Все! Мы больше не существуем. Встали, подняли руки вверх...

Все кончено?.

Глава 4. ПО ТУ СТОРОНУ ОГНЯ

Немцы подошли. Какие они были веселые. Обыскали. Сорвали с петлиц «кубари» и эмблему – скрещенные орудийные стволы. Выбросили гранату из грудного кармана, документы и деньги

оставили, а взрыватель я, видимо, потерял, так как пуговица у кармана была оторвана. Ап, марш! Нам показали направление, и мы пошли. Недалеко была уже группа нашего брата, человек 50. Вот туда нас и привели. Мы сели. Метрах в 10 около пулемета стоял высокий фриц. В той стороне, откуда нас привели, стояла группа немцев, и мы слышали громкую речь : «Коммунисты не сдаются». Почти одновременно со словами раздался взрыв гранаты около этой группы немцев. Группа в них заметно поредела, наш пулеметчик бухнулся за пулемет. Еще разорвалась одна граната. Немцы постреляли из автоматов, но без толку. Подтащили миномет. Несколько выстрелов, и в овраге все было мертво.

Позднее я узнал, что так кончил жизнь свою командир полка. Сидим с Вадимом Шергиным, решили закопать документы. Втихаря под собой вырыли по ямке. Я положил комсомольский билет и удостоверение, еще какие-то бумажки, оставил только деньги. Затем мы с Шергиным побратались и поклялись до смерти помогать друг другу. Обменялись адресами, короче говоря, запомнили. Глядим на поле, где мы ночью шли в атаку. Ужас! Все поле усеяно трупами, как снопами. Группы немцев ходят по полю и время от времени постреливают. Так немцы добивали раненых и мародерствовали. По моим грубым подсчетам, на поле было около 1800 человек, точнее, не человек, а трупов.

Решили с Шергиным покурить. Я достал из левого кармана брюк пачку «Любительского», а она оказалась пробита пулей. Посмотрел на правую лею – тоже дырка. Достал консервную банку. Она пробита наискосок. Я ее выложил из кармана, мы достали тридцатирублевую ассигнацию, оторвали по кусочку, размяли, свернули по сигаретине. У кого-то нашлись спички. Я дал табаку, а он дал прикурить. Сделали с жадностью по затяжке, и голова сразу закружилась. Из нашей группы раздался резкий голос: «А комиссары там курили табак, а не махорку, и здесь тоже...» Я не понял, что эта реплика в нас. А пулеметчик соскочил и подбежал почти к нам: «Во ист комиссар?» И тут только я увидел, как один где-то из середины группы поднялся и показал пальцем в нашу сторону. Я успел заметить, что он из среднеазиатских. Немец схватил меня за грудки и вытащил из группы, поставил под пулемет, а сам направился к пулеметчику не спеша.

Я стоял и думал, как умереть, чтобы фриц не видел моих слез. Я сказал громко Шергину: «Будешь жив, скажи родным, что я умер человеком». Прощаюсь мысленно со всеми... Пулеметчик не спеша опустился к пулемету и вдруг быстро вскочил, одернул китель, вытянулся в струнку. Я с трудом повернул голову от горизонта и увидел справа легковую машину черного цвета. Она остановилась возле нас. Из машины вышел немецкий офицер в щегольской форме, на нем все блестело. На руках были перчатки. К нему подскочил пулеметчик и доложил, что задержал комиссара. Офицер (это был обер-полковник) не спеша подошел ко мне, я стоял, как говорят, по стойке «смирно». Он с презрением посмотрел на меня из-под лобья, потом взял меня за локоть гимнастерки берзгливо своими пальчиками в перчатке, повернул рукав, посмотрел и сказал: «Каине комиссар». Потом обратился ко мне: «Ду бис лейтенант артиллерист?». Я ответил: «Я». Он неспеша стянул с левой руки перчатку и неожиданно для меня нанес мне наотмашь удар по лицу. Я упал и перевернулся три раза. Лицо от боли онемело. С трудом поднялся на ноги, пулеметчик меня толкнул в спину, я упал, но дополз до своих. Подполз Шергин. Меня душили слезы из-за своего бессилия. Он растирал мое лицо.

Вскоре нас построили по пятеро, и мы пошли по направлению хутора, правее ночного побоища. У хутора на окраине я насчитал 37 танков, броневиков и прочей техники, которую ночью хотели взять голыми руками.

Идем по степной дороге, жара, в глотке дерет. Кто упадет – раздастся выстрел. К вечеру подошли к станции Нижне-Чирская. Здесь на окраине было какое-то хранилище, в котором лежали мешки с хлопковым семенем. Вот из мешков в несколько рядов было выложено ограждение, и нас загнали туда. Здесь уже нас охраняли украинские legionеры-добровольцы.

Итак, первый пересыльный пункт – станция Нижне-Чирская.

Здесь мы пробыли три или четыре дня. Голод. Кое-как доставали воду от жителей, не все же сволочи. А что сволочей полно, узнали на следующий день. В первую ночь ушло шесть человек. Они зашли в хату. Их накормили, даже горилки подали, одежду принесли гражданскую, а сами послали пацана за legionерами. Там наших взяли, а утром расстреляли.

И еще одна памятная сцена. В первый день боев санитарка (вдова, жена погибшего капитана) по фамилии Перекупка вынесла из боя 27 раненых. Этого не сделают и многие мужики-санитары. Она была награждена орденом «Красной звезды». Так вот ее мы увидели на другой день «под крендель» с немецким фельдфебелем в хромовых сапожках, в новенькой форме с командирским ремнем. Что это? Как это все понять?..

Снова строимся колонной и с утра трогаемся в путь. Идем и идем. Люди падают, их пристреливают, а в некоторых случаях конвоир выбирает себе жертву и гонит его, чтобы тот скорее бежал, а затем его, как зайца, пристреливает. Если жертва только ранена, подойдет и добьет. К вечеру мы пришли в станицу Боковская. Второй пересылочный пункт. Здесь я встретил мл. лейтенанта Сагдакова – командира взвода боепитания. И так, нас стало трое и несколько бойцов. И уже когда смеркалось, я нос в нос встретился с бывшим комиссаром своей батареи младшим политруком Кабаладзе Шалвой Георгиевичем. Он был в гражданском. Я еле сдерживал себя, чтобы не наговорить ему того, что он заслужил. Он мне задал вопрос, который его, видимо, больше всего интересовал: «Выдадут ли его бойцы, что он комиссар?» Я не знаю, как я сдержался, чтобы его не ударить. Но все-таки сдержался и сказал очень резко: «Какой же ты к черту комиссар, когда спрашиваешь, как поступят наши бойцы? Они поступят так, как мы их воспитали. Так что спроси с себя». Я повернулся и пошел к своим.

На этой пересылке были поставлены столбы и натянута неполностью проволока.

На другой день идем дальше... По пути нам попадались двигающиеся на фронт румынские, итальянские части. Румынские мародеры буквально на ходу срывали с рук часы, шарили по карманам, стаскивали сапоги. Мы их прозвали нищими. Итальянские солдаты форсировали: у шляпы было воткнуто перо страуса. Они весело и дружно хохотали над нами. Интересно было бы на них поглядеть, как они смеялись бы после окружения их под Сталинградом.

Третий пересылочный пункт Евдаково.

Это поселок, и на его окраине верх оврага. Так вот поверху была натянута в несколько рядов колючая проволока, а через овраг – проволочный забор, довольно высокий. Вдоль этого забора на берегах стояли два пулемета. По дну оврага шел небольшой ручеек, и он нас напоил. Спали по склону оврага. На другой день я заметил группу командиров из нашего полка, в том числе комбата, комиссара батальона, начальника штаба полка и еще других, всех уже не помню. Подошел к ним, поздоровался, отошли в сторону и мне вопрос: «Сколько у тебя артиллеристов?». Ответил: «Со мной трое». Доверяешь им? Я сказал, что доверяю, как себе. Это уже хорошо! От них узнал, что знамя полка находится с ними – оно намотано на тело. Они мне приказали ночью не спать. Где-то около часу ночи по одному ползут к забору, углубят дно ручья, и под проволокой будет проход. Ползти следует тихо и осторожно, чтобы не задеть проволоки. Мы пойдем последними. В случае, если их обнаружат, нужно постараться принять огонь на себя. Все ясно. Пожелали друг другу удачи и разошлись. Пришел к своим, рассказал все. По одному сходили, рассмотрели, наметили, куда пойдем, когда выйдем из-под охраны. Время казалось вечностью. Наконец-то вечереет. Команды здесь совсем не слышно. Ночь темная, вверху звезды мерцают. Вот и 12 часов ночи. Наконец-то час ночи. Заметил первую группу ползущих. Все тихо, они ушли. Подползла вторая группа – и эти ушли. Обождал несколько минут, пополз, за мной Шергин и Сагдаков. Проползли. Начали подниматься, и вдруг ударил луч прожектора по земле, а затем ушел в небо. Мы не успели хлопнуться – пулеметная очередь, но высоко. Разворачиваемся – и под проволоку, назад. Вперед бежать было бесполезно. Все равно скосили бы. Нарынули под проволоку и проползли подальше от ручья. А прожектор заработал: наши ночные «бабочки» пара штук пролетели очень низко, видимо, на узловую станцию Миллерово. Первые две группы ушли незамеченными. Их побег обнаружили утром при проверке – отсутствовало 11 человек. Долго стояли в строю, все искали тех, кто вернулся.

Да, нам не повезло. Утешало одно, что наши спасут полковое знамя. Уже находясь в Норвегии, в газете «Зорька» украинских националистов прочел упоминание нашего 811 полка. Значит, наши беглецы дошли до своих.

Снова марш. Идем и идем. Теряем людей также. Наконец-то дошли.

Четвертый пересылочный пункт – Острогорск.

Здесь мы ночевали одну ночь в сараях для сушки кирпича-сырца. Утром снова на марш.

Пятый пересылочный пункт – станция Миллерово.

Лагерь был расположен в овраге. По верху и поперек оврага – проволочное ограждение. До нас здесь уже находилось больше тысячи человек. В лагере был обоз из 20 повозок. Возили их люди по 10 человек каждую. Они работали целый день. Трупы вывозили за лагерь в противотанковый ров и там их сваливали с повозок. Часть рва была завалена трупами и засыпана хлорной известью. По территории лагеря пробегал ручей, но туалета как такового не было, а был кусок земли, где все было загажено. Да, здесь нас начали кормить баландой. Короче говоря, в баланде была обгорелая пшеница и вода. Проблемой было раздобыть себе пустую консервную банку грамм на 800 и вычистить ее. Кормили один раз в день. Ночи уже стали прохладными, и мы занялись земляными работами. Каждый копал в склоне оврага нору, вот там и спасались от ночных холодов. Бичом всех военнопленных были вши. Каждое утро, выбравшись из норы, снимали с себя одежду и уничтожали паразитов. Вшей было столько, что в норах после сна песок шевелился.

Интересно то, что здесь немцы отпускали из лагеря военнопленного, если какая-нибудь женщина предъявит фото и скажет, что это ее муж, а староста деревни подтвердит это. Мы не смогли воспользоваться этим способом, так как у нас не было фото. И еще событие: как-то ближе к вечеру у ворот лагеря я заметил большую группу штатских, одетых шаблонно: шляпа, пальто, шарф. Я подошел поближе и вскоре в этой толпе я увидел своего бывшего комиссара-грузина Кобаладзе. Наконец-то предательство стало явным.

В Миллерово мы пробыли что-то около двух недель. Затем нас в вагоны и повезли.

Шестой пересылочный пункт – г. Харьков.

Бывшая тюрьма НКВД на Холодной Горе.

Разместились в бывших камерах на полу. Здесь раз в день кормили баландой из магара (это мелкое просо) и добавляли, видимо, с бойни кровь. Мы держались троичей вместе. Пробыли здесь немного, и как-то вечером построение, пересчитали и пошли. Шли по улице к низу. Стояло зловоние от трупов, которые висели на столбах неубранными. Город был сильно разрушен.

Запомнил такую сценку. По левой стороне улицы стоял деревянный домик с балконом от чердачного этажа. На балкон вышла наша русская баба, но она была голая, на ней был накинут только халат. Рядом с ней оказался немецкий офицер. Она смеялась и показывала рукой на нашу колонну. Вдруг она распахнула свой халат и, похлопывая себя по ..., заорала: «Что, коммунисты, навоевались? Теперь долго не увидите этого места». Со всех сторон послышался ответный мат, и я заметил, что многие, сознавая свое бессилие, скрежетали, как и я, зубами.

Пригнали на железнодорожную станцию и начали загонять плетками в вагоны. В вагон набилось столько, что спать можно было только на боку. Вот по команде и поворачивались с боку на бок. Мы попали во французский вагон, у которого тормозная площадка была поднята в будочке вверх и имела окно для просмотра крыш вагонов. Вот в этой будочке и разместился украинский легионер – откормленный парень. У вагона вдоль дверного проема было две ступеньки по всей длине вагона. Быстро стемнело, и состав тронулся.

Куда нас везут? По названиям станций мы установили, что едем к Днепру. Не помню, где мы переехали через Днепр. Но, по-моему, мы на третий день проезжали станцию Шепетовка. Сразу же боль подступила к горлу. Пришли на память слова Николая Островского из романа «Как закалялась сталь»: «Хороши вечера на Украине, а особенно в таких местечках, как Шепетовка...» Я узнал и пруд, и каменоломню. Сердце сжалось от боли.

И тут произошла невероятная история. Поднявшись с пола, один из братвы повернул кольцо запора, и дверь открылась. В щель шел воздух. Внизу подножки скорость небольшая, можно падать кубарем под откос. Было еще довольно светло, и мы видели через 300-350 м деревянно-земляные сооружения в виде бункеров. В них была охрана. Значит, партизаны тут есть. Когда стемнело, открыли часть двери, и по одному – под откос. Ушло шесть человек, очередь подходила к нам, и тут случилось то, чего никто не предполагал. Один предатель и тут нашелся. Он заорал во все горло:

«Побег! Бегут через дверь!» Раздалась длинная очередь из автомата из будки легионера. Состав остановился. Ворвались в вагон легионеры и избили до полусмерти тех, кто был живой. Раненых добили. Всего убили 17 человек. Все, едем дальше. На утро остановились на станции. Выгружаемся.

Седьмой пересыльный пункт. Город Владимир-Волынский.

Здесь подошла как подкрепление рота легионеров, и мы потопали. Вот и лагерь. Он состоял из нескольких казарм. Одна часть называлась «казармы Сталина», а вторая – «казармы Пилсудского». Я побывал в обоих казармах. Здесь орудовали украинские националисты. Они всех проверяли, выискивая украинцев. Находились и русские, которые выдавали себя за украинцев. Не помню фамилию батьки, который принимал «экзамен». Он заставлял по-украински сказать: «Не могу исты белого хлеба» и «паляница». Как кто скажет не совсем по-украински, он врежет плеткой и скажет: «На, жри мой х...» Вот такие экзамены. Отобрав группу, составляли взвод и начинали заниматься строевой подготовкой. Их переводили в отдельную казарму.

Однажды ночью прошелся, видимо, наш самолет-разведчик. Завыли сирены. И тут охрана снаружи заметила, что кто-то, зажигая спички, подает сигнал. Они быстро ворвались, схватили «виновника» и утащили. Утром на поверке объявили, что ему (это был наш летчик) приказано дать 50 розог. Вынесли скамейку, стянули с него штаны и рубаху, привязали веревками к скамейке. И вот два молодца берут по пруту в руки и начинают с улыбкой истязать живого человека. Каждый из них пытался перещегоолять другого. После 25 розог они сменились, и истязание продолжалось. Его полуживого после такой экзекуции куда-то уволокли.

Расскажу, как Люди с большой буквы бегали из этого лагеря. Охрана сбилась с ног, каждый день один побег. Именно побегу днем, а не ночью. Поверки было за сутки две, так что это им что-то подсказало. Из лагеря выгребную туалетную яму чистил говновоз с бочкой на лошадке. Так вот, он в последний рейс брал в бочку Человека с большой буквы, заливал бочку доверху, давая Человеку пустотелый стебель, закрывал отверстие бочки мешковиной и ехал. Так и проезжал через ворота. Его взяли, а точнее, обоих – и спасителя, и спасенного. Обоих повесили. Это был русский старичок.

Все чаще ходили слухи, что нас увезут в Германию на работы.

Так оно и случилось. Построились, обыск, отсчитали сколько надо и шагом арш на вокзал. Опять в вагоны и поехали. Стояли там, где менялся паровоз. Проехали и разрушенную Польшу, вот и почти целая Германия. Остановились. Кое-как выходили на платформу, строились и попадали в окружение солдатами с немецкими овчарками.

Город Нюрнберг, провинция Бавария. Шталаг II В, Лангвассер.

От станции километра 1,5. лагерь капитальной постройки. Всюду немецкий порядок и чистота. Большинство строений деревянные, одноэтажные. Все дорожки заасфальтированы. Вдоль меньшей стороны идет асфальтовая дорога, а от нее вправо отходят более узкие дороги через весь лагерь. Образуются так называемые блоки. Они отделяются друг от друга проволочными заборами. По наружным сторонам – сложный проволочный забор со спиралью Бруно, большим козырьком. На углах – сторожевые вышки с пулеметами.

При входе в зону – обыск очень тщательный, заходят только пять человек. У немцев все по пять. Нас, прибывших с эшеленом, разместили в карантинном бараке. Начались медосмотры, рентгеноскопия. Всех больных и туберкулезных – в отдельный барак. Утром и вечером проверки. Кормили два раза: в обед и вечером. Утром 800 г кофе, хлеба давали 150 г. Лагерь оказался интернациональным, в нем находились люди со всех концов света. Много было солдат югославской армии и югославских партизан. Время тянулось медленно, но вот месяц карантина прошел. Нас построили по пять, и мы вошли в жилую зону лагеря, больные шли отдельной колонной.

Шли по главной дороге несколько вверх, затем свернули вправо в сторону белого здания с дымящейся трубой. Когда стали подходить к зданию, раздалась звуки бравурной музыки, играл духовой оркестр. Что это значило? Мы в недоумении. Наша колонна подошла к этому зданию,

остановилась, а колонну больных направили к этому зданию. Ворота металлические, высокие, во всю ширину торца стены. Колонну загнали в это помещение, ворота закрылись. Как мы узнали потом, там открывался пол и люди попадали прямо в топку крематория... Раздался душераздирающий крик, а вскоре все стихло. Мы стояли в каком-то оцепенении. Одно дело читать, слышать рассказы, и совсем другое – быть очевидцем вандализма. Ужас...

Нашу колонну развернули, и мы пошли к бане. Там пропускали по 10 человек. Раздевались, все бросали в кучу и голышом заходили в помещение, где сербы машинками сняли волосы из-под мышек, с члена, и бегом под душ. Вода горячая, только успели помыть голову, а вода уже холодная. Замешкался – тебя обогреют плеткой и ты вылетишь, легче пуха. И вот мы голышом в каком-то складском помещении, где нам выкинули трикотажное нательное белье, брюки, китель, пилотку догитлеровской армии. У немцев ничего не пропадает даром. Обули. Получили модную европейскую обувь – деревянные колодки. Все, советского ничего, кроме души, не осталось. И еще, на пилотке с обеих сторон, на брюках на коленях, на кителе со спины и на груди белой краской две крупные буквы «S U» – Советский Союз. Ну а наши юмористы расшифровали значение этих букв по-своему: «Sig unsege» – «победа наша». Вот так.

Не узнаем сами себя. Идем до самого конца магистрали в самый крайний блок. Вот тут начинается переключка. Списки на нас были составлены во Владимиро-Волынке, и здесь нас разделили на рядовых и офицеров. Рядовые занимали от дороги первые три барака, а мы, офицеры, следующие три барака 114, 115, 116, 117 (кухня). В 118 бараке, отделенном от нас узким коридором, где постоянно ходил постовой, было 22 наших генерала, в том числе генерал-лейтенант Карбышев – начальник саперной службы войск Красной Армии, генерал-майор Понеделин и генерал-майор Музыченко – оба военным судом были заочно приговорены к расстрелу за поражение их дивизий при первых боях на границе.

Вот мы и в бараке. Двухъярусные нары, матрац из какой-то грубой рогожи, набитый како-то бумажной полоской или стружкой, такая же подушка и одеяло, видимо, солдатское. В бараке две печи типа буржук. Еще выдали трехлитровые котелки в виде тазика с двумя ручками, – видимо, трофей прошлой войны от французской армии. Рядом с нами в соседнем блоке были сербы. Они приветствовали наш приход.

Мы понимали, что даром немцы нас кормить не будут, а заставят работать. Так и получилось. Утром подъем, часовые врываются с немецкими овчарками. Слышится: «Шнеля! Шнеля!» (Быстрее! Быстрее!). Вылетаем мигом, строимся по пятеро. Идет пересчет. Наконец-то начинаем выходить колонной из блока на асфальт, а затем по дороге к воротам. Нас около тысячи человек. От колонны отрезали и по 100 человек, и меньше, и больше. Я помню, что в первый день я оказался в колонне из 120 человек, а по-немецки – 120 штук. Значит, я уже не человек, а всего-навсего ШТУКА. Учимся ходить в колодках, многие запинаятся и падают. До трамвайной остановки километра три. Подходит трамвай с двумя вагонами-коробками. Вот туда и начали вколачивать 120 человек. Особенно старался какой-то невысокого роста в плаще, шляпе, на рукавах черная свастика на белом круге на черной повязке. Он непрерывно бил специальной плеткой. Наконец, все посажены, конвоиры – в трамвай, и мы поехали. Видели всего несколько разрушений от разрывов бомб.

Остановились, следует команда: «Ап! Шнеля!». Разгрузились, построились и пошли. Шли недалеко. Вот тут бомба упала большая. Все разрушено до среза земли. Сколько-то людей мелкими командами увели, я остался на общих работах. Заставили чистить кирпич и складывать в штабеля. Немного позднее старичок-работяга привел мне одноколесную тачку и лопату совковую. Я должен был возить мусор через тротуар и улицу и сваливать в сквер... Через тротуар старичок положил доску. Ну вот я и лошадка. День был теплый, солнечный. Да, нас страшно баловала погода, почти нигде не мочили дожди.

Иду я с первой тачкой от развалин, подхожу к тротуару, решил постоять. И стал свидетелем такой сценки: выше меня с такой же тачкой мусора шел наш «пленяка». Но что удивительно, так это то, что шел он в нашей артиллерийской фуражке. Среднего роста, белобрысый, очень красивый именно мужской красотой. Он подходил не спеша к доске через тротуар, и тут немка-старушка с кошелкой и в траурном одеянии спускалась по тротуару. Вдруг она остановилась, подозвала нашего пальчиком руки и громко спросила: «Ду бис коммунист?». Он ответил: «Я-я». Она ощупала его лоб под фуражкой и спросила: «Во ист дайне роген?» (Где ваши рога?) Я, когда перевел это слово, был в

недоумении. Он ответил, что он человек и рогов у него нет, как и у всех людей. Старушка сказала: «Одбер ду коммунист» (Но ты коммунист). Я стоял и думал, как же можно в короткий срок оболванить целую культурную нацию? Это же уму не постижимо. Я тогда и не думал, что меня в Норвегии судьба сведет с этим человеком.

На обед привезли по 0,7 л баланды без хлеба. Работали до 17.00 вечера. Затем построение в колонну по пятеро и топаем на остановку трамвая. Очень трудно ходить в колодках. Подошел трамвай. Садимся кое-как, втискиваясь в эти две коробки. Наконец поехали. Выехали за город. Выгрузились, снова в колонну по пятеро. Нас пересчитали и шагом марш. Недалеко в стороне немцы строили что-то грандиозное. Размеры строительства поражали наше воображение. Дошли до зоны, заходим по пять человек, тщательный обыск. Отбирали гвозди, перочинные ножики иголки.

Наконец топаем по лагерю, зашли в свой блок и вот мы «дома». Вторая баланда и кусочек эрзац-хлеба 150 г. До вечерней поверки свободное время. Лежи на нарах и мечтай. Мучило то, что мы ничего не знаем о положении на фронте. Сербы к нам прикатили две бочки их баланды. Это было очень большое подспорье. От сербов мы узнали, что немцы с ходу Сталинград не взяли, что он обороняется, а на юге немцы вышли к кавказскому хребту. Узнали, что Нюрнберг перенес одну бомбежку в 1942 году в ночь на 8 марта.

Вечерняя поверка. Стоять приходилось подолгу, мерзли. Швейцария километрах в 150, а там зима от Альп бывает и морозной. В лагере появилось и «наше» начальство. Организация размещалась в бараке в отдельной комнате. Состояла администрация из полицейских и коменданта. Они следили за чистотой и порядком, шпионили в пользу немцев. Вскоре все они отъелись и стали похожи на откормленных боровов. Вот так постепенно мы втягивались в лагерную жизнь. Организовывались землячества. Собирались в свободное время и делились воспоминаниями. Наша троица оказалась разбросанной по трем баракам. В субботу работали до обеда. Обед не привозили, в воскресенье был выходной день. И еще вспомнил, что в первый день работы в городе от старичка, который меня вооружил тачкой, я получил первый «калым», то есть милостыню – несколько корочек настоящего хлеба. Он мне их передал тайно, оставив завернутыми в бумагу, у того места, где я грузил тачку. И я их съел тут же. Они были вкуснее любого шоколада, это же настоящий хлеб, а не эрзац-хлеб с древесными опилками.

Помню, вечером в барак зашел серб, очень подвижный, и сказал, что его зовут Георгий. Он интересовался судьбой Героя Советского Союза С... (фамилия на букву «С», но остальное не помню). Они с ним вместе воевали с мятежниками. Он поздравил нас с праздником и пожелал всего наилучшего. Угостил всех в бараке сербскими сигаретами. Очень крепкие.

Где-то в конце ноября начала курсировать новость, что немцы окружены в Сталинграде нашими войсками. Вначале большинство думало, что это всего-навсего доброе пожелание, но однажды мы работали на улице Stamobilestrasse, а рядом были австрийцы, солдаты верхмата, их очень неохотно отправляли на фронт. Так вот один из них, который довольно сносно говорил по-русски, сказал, что шестая армия немцев под Сталинградом окружена. Как можно было в это поверить нам, окруженцам. Мы не имели патронов, снарядов, не видели ни своего танка, ни самолета. Откуда взялось все это, взялись люди, которые оказались сильнее немцев.

Хорошо помню этот день – 3 февраля 1943 года. Когда мы шли к улице Stamobilestrasse, я заметил, что немцы в своем большинстве стали другими: исчезли насмешки над нами, шли понуро, у очень многих на руках были траурные повязки. Входим в огромный проем в сторону внутреннего двора, и шедший навстречу солдат-австриец Карл, толкнув меня как бы от себя, передал газету, а я ее спрятал в штаны. Как только остановились, я сразу же юркнул в туалет. Развернул газету, в ней были корочки хлеба и горбушка, я их сунул в карман шинели. И тут я увидел, что вся первая страница газеты была окаймлена широкой траурной каймой, а по диагонали перечеркнута черной краской. Значит, что-то случилось непоправимое. Удалось с моим слабым знанием немецкого языка прочесть часть сводки Верховного немецкого командования. Я прочел примерно следующее: «Сопrotивление нашей героической армии в районе города Сталинград сломлено». Потом оказалось, что последнее слово переводилось однозначно «преодолено». Значит, все эти молодчики, которые потешались над нами, получили возмездие. Газету я спрятал, намотав на себя, и принес в зону. Там перевели все. В

газете было сообщение, что Гитлер посмертно наградил бриллиантовыми подвесками к ордену Железного Креста фельдмаршала Паулюса. Вот так мы получили новость. Траур в Германии был объявлен на месяц. Где-то в марте одиночный самолет пролетел над Нюрнбергом и сбросил тучу листовок. Я видел одну. На ней была изображена бесконечная колонна немецких военнопленных, цифра 330 тысяч, а по диагонали – красный крест. Вот таковы потери немцев под Сталинградом. Растет у нас вера в будущую победу.

Как-то летом 1943 года мы ехали в трамвае в лагерь. В городе на остановке я заметил стоявших очень близко к вагону пожилую женщину и, видимо, ее дочь – писанную красавицу. Конвоир, который охранял эту сторону, решил за красавицей «поухаживать». Она ловко вывертывалась и отходила к концу вагона и за торец вагона. Когда там оказался часовой, пожилая немка приблизилась к вагону и сунула газету. Мы поняли, что это неспроста. Вся эта сценка была разыграна идеально. А красавица-молодая, ускользнув от ухажера, присоединилась к пожилой женщине, и они обе помахали руками. Тут оказался наш человек, который довольно хорошо знал немецкий язык и прочитал сообщение Верховного главнокомандования о том, что войска фельдмаршала Раммеля вытеснены с африканского побережья. Вот так военная техника их Африки с африканским камуфляжем и оказалась на нашем фронте. Некогда было ее перекраивать.

В лагере, на стене для вахштубы, появилась доска для объявлений. На этой же доске вывешивали власовскую газетенку. Вот она и перепечатывала сводку о ходе боевых действий. Когда началась Курско-Орловская битва, эти сводки были примерно такого характера: «Под Курском и Орлом идет битва людей и материалов. За такое-то число сбито 750 самолетов, уничтожено 1400 танков...» и т. д. Читали это вранье и думали, а что-то есть и тут такое, что мы своим рассудком не можем принять. Откуда столько самолетов и танков взялось? Где же бывшие победные немецкие реликвии? Постепенно эти тысячные потери исчезли, появилось выражение «позиционные бои». И вдруг в сводке немецкого командования появилось сообщение: «Немецкие войска по приказу командования ведут выпрямление(!!!) линии фронта...» Во, как баско! Выпрямили аж по Днепру!

Где-то в это время был совершен побег ст. лейтенантом Женькой, как звали его знакомые, – командиром разведроты точно не помню, какой дивизии. Я был очевидцем побега. Люди сильные, храбрые, смелые использовали любую возможность побега. Итак, как-то я оказался в десятке наших. Два конвоира, две немки пожилые и мы потопали. Шли километра 1,5. Отдельно стоящий четырехэтажный дом, крыша пробита «зажигалками», жильцов нет. К дому была подвезена фигурная черепица и разгружена в штабель. Нам предстояло поднять ее на чердак. Один конвоир остался с этой стороны здания, а второй – с противоположной стороны. Начали работать: по три черепицы на плечо и по лестничной клетке марш на чердак, и там черепицу укладываем ближе к пробоинам. Я знал Женьку, но плохо, лично знаком с ним не был. Вот так мы проработали целый день без всяких происшествий. На следующий день те же конвоиры отобрали нас, и мы сразу пришли. Конвоиры остановились покурить, а мы отдохали от марша. Я заметил, что Женька взял три черепицы и потопал. Остальные еще стояли, как говорят, примерялись. И вдруг из-за дома с сигареткой в зубах выходит французский военнопленный. На нем французский берет, гражданский костюм с буквами «KQ» – военнопленный, – написанными суриком. Через плечо на ремне французская сумочка солдатская, на ногах ботинки. Он уверенно прошел рядом с конвоирами, поприветствовал рукой по-французски – и был таков. Вот тут-то я и узнал Женьку. А остальные и не поняли ничего. Правда к обеду заметили, что нас осталось только 9 человек. Сколько же было у него смекалки, чтобы накануне в доме найти костюм, краску, кисть, написать, спрятать, найти обувь. А вечером в зоне надо было на что-то выменять берет и сумку. Торговля шла в лагере. Вместо денег была пайка хлеба или сигареты.

Вот так мы доработали до обеда. Значит, Женька имел в своем распоряжении четыре часа. К счастью, Женька оказался вне подозрения до вечера. Только когда конвоиры начали строить нас на обед, увидели, что нас всего 9. Где он? Пожимаем плечами, и тут один из конвоиров, – видимо, более сообразительный, – говорит второму: «Это же француз-военнопленный!» Но для конвоиров этого было мало: им за допущенный побег военнопленного грозил восточный фронт. В это время русский фронт стал для большинства солдат не полем славы, а полем смерти. Они пошептались и выработали план действия. С их помощью наша колонна по два выглядела так: 2, 2, 1, 2 и 2. Вот так мы и дошли

до сборного места. Нас конвоиры остановили, поорали и, когда подошли еще две маленькие команды, втокнули нас. Все перемешалось, а мы оказались на дворе. Конвоиры о беглеце промолчали. Зато после обеда они десятого взяли с общих работ. Тут уж они старались с нас глаз не спускать. После окончания работы мы подошли к сборному месту, и наши конвоиры чуть не по одному сдали нас унтер-офицеру. Начали строить колонну по пять. Путались то там, то в другом месте, но время поджало, и мы пошли на посадку в трамвай. Сели, доехали, дошли до лагеря. И вот тут-то на обыске по пятеркамт все стало ясно: одного нет. Побег.

Завели в зону, переключка. И вот тут только установили, кто бежал. А наши полицейские хватились и завывли: кто-то побывал в вахт-штубе и забрал списки лагеря. Ай да Женька, молодец!

Так мы в лагере о судьбе Женьки ничего и не узнали. То, что его немцы не поймали, – это было точно, так как пойманных избивали до смерти, доставляли в лагерь, откуда был беглец, и бросали труп к воротам.

...В 1946 году я ехал из Советска через Вятские Поляны из отпуска в Тайшет. В Новосибирске мне пришлось делать пересадку. И вот тут-то я с ним столкнулся в зале ожидания, как говорят, нос в нос. Успели обменяться несколькими фразами. Сейчас не помню, но кто-то из нас спешил на посадку. Я запомнил из его рассказа, что он пробрался на станцию, вечером забрался в вагон, залег и так до Белоруссии и к партизанам. Он был в форме и сказал, что едет в новую часть.

Где-то в субботу я оказался опять в десятке. Подошли к четырехэтажному дому. Дом с жильцами, но крыша пострадала от мелких «зажигалок», и около дома лежала в штабеле простая черепица. Ремонтировать будут французы, а нам только носить черепицу на чердак. Идем с черепицей по первому разу. На всех дверях эмалированные кружочки со свастикой. Значит, все жильцы фашисты и ждать «калыма» не от кого. Когда мы сделали по три ходки, по лестнице поднялась немка лет 30-35, очень симпатичная, одетая изысканно, но ничего кричащего. Она вежливо очень поздоровалась и спросила, кто говорит по-немецки. Вышел я и еще один. Она спросила, указав на группу французов:

– Это французы?

– Да.

– А вы русские?

– Да.

Тут она из сумочки достала письмо в конверте и, тщательно выговаривая и даже повторяя некоторые слова, стала говорить нам что-то бархатистым голосом. Мы поняли следующее: ее муж – военный врач, был на фронте под Сталинградом, и вот она получила от друга мужа письмо, где он сообщает ей, что он видел, как ее муж русскими был взят в плен. Вот она и спрашивает нас, что с ним будет? Его расстреляют? Начинаем ей отвечать: «Кайне шиссен» (не расстреляют). Мы пытаемся перевести ей такое предание: «Молись Богу, что он в плен попал. Кончится война, и он вернется нах хаузе». Кое-как подобрали нужные слова. Она была очень обрадована. Поблагодарила, спустилась вниз и вскоре принесла 10 комплектов шелкового нательного белья. Мы замахали руками – если при обыске у нас его обнаружат, нас расстреляют. Она все твердит, что она его дарит. Мы доказываем, как можем, что это невозможно. Наконец-то она, видимо, поняла, забрала белье и ушла вниз. Вскоре она принесла три кофейника с горячим кофе и три белых батона со сливочным маслом. Вот это был у нас праздник! Она смотрела на нас, не отрывая глаз. Мы сказали ей, что ее муж в плену будет получать 400 г хлеба, а нам дают 150 г. Еще она спросила, а что будет с ее мужем, если его увезут в Сибирь? Ох уж как они, немцы, боялись Сибири. Среди нас как раз был сибиряк из Новосибирска. Вот мы его и выставили напоказ. Он широкоплечий, высокий, с широким лицом. Не мужик – загляденье. Она посмотрела, мило улыбнулась и пошла вниз, и мы за ней, а то уже наши часовые забеспокоились.

Еще один случай из нашей однообразной жизни. Опять же попал в десятку. Топаем куда-то на окраину Нюрнберга. Небольшое двухэтажное здание, нежилое. От фосфорной «зажигалки» оно выгорело. Под зданием подвал. От лестничного спуска оба подвала отделены решеткой из штакетника, дверки заперты на замок. Везде вывешены объявления: «За взлом замком в разбомбленном здании – расстрел на месте». Я однажды, – правда, далековато, – видел такую сцену.

Народу стояла солидная куча, нам было дано вооружение – лопаты совковые, и мы начали выкидывать мусор из лестничного отделения подвала. На первый раз в мусоре набрали чуть не ведро картошки. Ведро нашли, показали конвоирам и сварили картошку. Съели. Понравилось. И вот на третий день, была суббота, снова на этом объекте, только конвоиры какие-то другие. Мы их прозвали иронически «не все дома». Начали работать. Хотя и тихо работали, мусору убавилось. А картошки горячей ой как хочется. И вопрос решили остроумно: нашли штaketину, которая проходит через щели решетки. Забили гвоздь и начали «удить» картошку. «Наудили» два ведра, маленькое с трудом сварили, конвоиры не разрешали, а второе ведро распределили между собой и пронесли в зону в карманах, пришитых к подолу шинели.

В субботу работаем до обеда. Мы закруглились, то есть составили в кучу лопаты и ведра. И вдруг в подвал приходит хозяин, открывает замок, входит в подвал, и мы услышали как он сказал: «Картофель аллес раус» (картошка вся исчезла). Вот где мы струхнули. Обнаружат у нас картошку – расстреляют на месте. Подошли конвоиры, повертели замок, он целый и был закрыт. Хозяин выругался и вышел на улицу. Мы построились в колонну и пошли. Вышли на улицу, топаем. Вдруг впереди идущий конвоир заорал на нас: «Зинген! Зинген!..» Мы молчали, петь нам было не с чего. Тогда он начал угощать нас ударами приклада. Это ведь не картошка. Один из наших и говорит: «Поем, братцы!» И он запел «Интернационал». Все громче и громче. Конвоир доволен и топает впереди колонны. Пожилые немцы, которые шли по тротуару, останавливались и принимали стойку «смирно». Нас это воодушевило, и мы старались петь дружнее. По другой стороне навстречу нам шел немецкий офицер с кортиком и в шинели. Он услышал наше пение, остановился, и, когда мы подошли, пальчиком подозвал конвоира. Тот, чеканя шаг, подошел, поприветствовал офицера. Что он спросил, мы не поняли, и что ответил конвоир, об этом можно было только догадываться. Офицер не спеша врезал наотмашь рукой по лицу конвоира, тот упал на мостовую, быстро вскочил и снова к офицеру, тот что-то рявкнул и снова угостил конвоира. Тот снова на мостовой. На сей раз конвоир бегом к нам, орет: «Руих!» Мы сразу не прекратили петь, и нам почти всем досталось прикладом, а кое-кому по два-три раза.

В один из выходных дней нас построили у бараков, где мы обычно строимся, пересчитали, и тут мы увидели непрошенных гостей. Шла группа власовцев, одетых в немецкую форму. На рукавах нашивка «РОА», то есть русская освободительная армия. Когда они вошли в наш блок, их встретили свистом, криком, матюгами. Шум стоял такой, что они не смогли ничего сказать. Ушли не солоно хлебавши. В следующий раз молодчики пришли с немцами. Вот тут-то эти агитаторы поболтали. «Улов» у них был не богатый, ушли репрессированные и оппозиционеры, вроде зиновьевцев.

Однажды я попал на стройку объекта рядом с остановкой трамвая. Там работали и пожилые немцы. С трудом, я понял, что это Гитлер строил себе памятник – Здание конгресса и площадь для победной немецкой армии. Так вот площадь-то для парадов была готова, дело оставалось за небольшим – нет победоносных войск. Что это было за сооружение? Оно походило на очень большой стадион, только без смотровых трибун по периметру. Площадь была идеально выровнена и чем-то покрыта. По периметру – столбы узорчатые, юпитеры и на каждом столбе наверху лавровый венок, а в середине свастика. Все это позолочено. В одном из торцов – полукругом галерея на столбах, а по бокам ложи. В центре галереи огромный лавровый венок, а по центру свастика. Все покрыто позолотой. Слышал потом от очевидцев, заставших окончание войны в Нюренберге, что в мае 1945 года наши артиллеристы хорошо «поохотились» из 45 мм пушки на этих орлов.

Где-то в начале 1943 года из нашей зоны была переведена группа старших командиров (от майора и выше) в другой лагерь в городе. Называли его «Шварцбляйштивт». О нем я ничего не знаю. К нам обратно из того лагеря никто не поступал...

Вот и подошел август. Стало всем ясно, что на русском фронте у вермахта дела швах. В августе союзники начали планомерно бомбить Нюренберг. Всего за месяц было четыре бомбежки, которые мы пережили. Это очень жутко, когда в темном небе идет волна за волной тяжелых самолетов. В буквальном смысле слова, земля-матушка стонала, а точнее, мелко-мелко вибрировала. По

сообщениям газет, в налетах участвовало по две тысячи самолетов. Они где-то вблизи нашей зоны делали боевой разворот и снова ложились на боевой курс. Обычно самолеты сопровождения над вышками сбрасывали на парашютах светящиеся ракеты, и в зоне было так светло, что можно было иголки собирать.

Четвертая бомбежка Нюрнберга была в ночь на 30 августа. Все было так же, как и в первые три налета, только вдруг сверху спустился американский гигант и примерно на высоте 250 м проплыл над зоной по диагонали и выбросил серию мелких «зажигалок». Они представляли собой латунный шестигранный корпус с черной головкой в виде гайки и были начинены шерминтом. Я во время этой бомбежки сидел и дрожал около туалета, рядом со мной был земляк Зайцев. Ему «зажигалка» ударила около плеча и ушла сквозь тело до таза. Почему-то не взорвалась. Утром его там и похоронили. Это была единственная жертва.

Деревянные здания горели, что спички. Лагерь был морем огня. Сгорело от «зажигалок» и от поджогов около 80% зданий. Утром было видно сплошное пепелище да толпы бродящих по пепелищу людей. В нашем блоке осталась кухня, генеральский барак и туалет. Что было в городе, трудно представить. Бомба-торпеда весом 1 т срезала сразу в старом городе четыре квартала до уровня земли. После бомбежки нас неделю не возили, расчищали завалы и убирали убитых.

Ночуем две ночи на пепелище, а 2 сентября в вагоны и куда-то везут. Вечером 1 сентября удалось с помощью сербских сигарет подкупить часового немца, который ходил по коридору между генеральским и нашими бараками. Генерал-лейтенант Карбышев ненадолго побывал у нас в зоне. Его мы окружили и разговаривали по-простецки. Я стоял метрах в 1,5 от него. Несмотря на все испытания, которые он перенес, он выглядел бодрым, подтянутым. Говорил не спеша, четко и ясно, сказал, что войну Германия уже проиграла, началась ее агония. Также он сказал следующее: «Товарищи командиры, вы ничем здесь себя не запятали и были настоящими сынами своей Родины. Держите так себя везде, куда бы вас не забросило». Он пожелал всем здоровья и скорой победы над Германией.

Итак, 2 сентября. Построение, подсчет, обыск, и мы, команда 500 человек, топаем на железнодорожную станцию. Здесь уже стоит состав, формируют из нас вагоны. Погрузка закончилась, и состав тронулся. Едем целый день почти без остановок. К вечеру добрались до Берлина. Едем по окружной дороге. Еще было довольно светло, а Берлин уже бомбят союзники. Огонь зениток, разрывы бомб, особенно тяжелых. Так это же кошмар. От тяжелых взрывов вагоны наши подпрыгивали, и довольно высоко. Наконец-то мы выехали из этого ада.

Едем на восток. А куда? На другой день – по странной местности: островками рощицы из низкорослых сосен, а рельеф очень похож на песчаные дюны. Наконец-то остановка. Команда «фраус!» Выходим, станция небольшая. Пытаемся узнать, куда нас завезли. Удалось это с трудом. Один конвоир сказал: «Хаммерштайн!». Это километров 70 южнее Данцинга в бывшем польском коридоре. Топаем довольно долго. Дорога грунтовая, песчаная. Теперь понятно, что эти пески – бывшее дно Балтики. Идем и идем, и вдруг по правой стороне дороги кладбище. Длинной оно больше километра. Ограждение кладбища металлическое, со вкусом, фундамент каменный на цементном растворе. Гадаем, кто же здесь захоронен? Почти на середине кладбища мы увидели памятник: на гранитной глыбе сидит, поджав крылья, царский двуглавый орел. Вот тогда стало ясно, что тут лежат наши деды и отцы (кстати, мой отец в первую мировую войну воевал под Ригой). Как удалось установить, это военнопленные из бывшей Самсоновской армии, которая застряла в августовских болотах.

А вот перед нами и наше пристанище. По низкой песчаной долине стоят бараки из силикатного кирпича. У лагеря две зоны: одна жилая с бараками, вторая резервная, без барачков. Вышки только по углам жилой зоны. Служебные помещения и казарма – у входа в лагерь. Пересчитали, обыскали и в зону. В бараках двойные нары. Вечером пересчитали – и отбой. Ночью проснулся от выстрелов, беготни солдат. Стреляют по баракам, пришлось лечь на пол. Что случилось, узнали, когда рассвело и нас выгнали на проверку, – ушли (убежало) 9 человек. Ушло бы еще больше, но девятый оказался растяпой и зацепился шинелью за колючую проволоку, снять ее не смог и оставил. Где-то в это же время солдафон возвращался, видимо, с гулянки по нерабочей зоне и обнаружил шинель. Выстрелил, и начался переполох.

Как выяснилось, смекалистые, как только прибыли в лагерь, обошли его и нашли уязвимое место: там была промоина в виде сухого ручейка. Обрезками досок они ее подняли – пошло дело. Прибыли полицейские и с овчарками, началась «охота». К вечеру мы узнали, что никто из беглецов не пойман. Вот так. Нас заперли в бараках, поставили параша. Для стрельбы по окнам бараков на дороге между бараками установили на столах пулеметы. И они стреляли, если ты в окно высунешь только один пальчик. Кормили один раз в сутки: 125 г хлеба и черпак баланды. Узнали, что в районе лагеря захоронено наших военнопленных в 1941–1942 гг. около 120 тысяч. Рыли рвы, заполняли трупами, посыпали хлорной известью и зарывали бульдозерами.

Наконец-то, примерно, после нашего месячного пребывания в этом лагере, обыск и топаем снова на вокзал. Поклонились кладбищу, и на станцию. Состав готов, загнали в вагоны. Поехали. А куда везут? Ломаем голову.

Мелькают почти все время готические строения. Видны разрушения от бомбежек, простого ландшафта почти нет. Везут на запад. Где-то к вечеру мы остановились недалеко от порта Штеттин. Здесь мы выгрузились, прошли совсем немного и оказались у причальной стенки в порту. Там стоял сухогруз, и нас загнали в трюм. Все, пароход отходит. С трудом выбрались на чистую воду и пошли быстрее. Началась болтанка. Нас укачало, начало тошнить. Выползали на борт, перегибались через поручни. Меня рвало чуть не до потери сознания. В желудке-то ничего не было, отходила какая-то слизь. Ночью шли через район боя. Рвались тяжелые снаряды. Работали прожектора. Кто и с кем сражался, мы не поняли, однако знали точно, что одно единственное попадание снаряда – и пойдем «кормить рыбу». Но, видимо, Всевышний был за нас, – прошли. Постепенно мы вышли из полосы огня. Светает. Нам удалось заметить по правому борту полосу зеленого берега. Вскоре мы вошли в какой-то довольно узкий проход и пошли по нему. Шли довольно долго. Но вот швартуемся. Началась высадка обеих команд. По отрывочным разговорам мы узнали, что их собирали в основном с предприятий Мессершмидта, а это южнее Нюрнберга.

Когда построились, пошли на железнодорожную станцию, а там в вагоны. Только тут мы узнали, что находимся в Осло, столице Норвегии. На станции конвоиры оцепили туалет, и мы его почти все посетили. Меня (да и не только меня) поразила идеальная чистота. Вспоминаю эту чистоту в общественном туалете, и меня просто коробит, когда у кого-нибудь из приятелей вижу бардак на кухне, не смотря на богатую обстановку. По вагонам, и мы тронулись на север. Ехать чуть больше двух суток. Пейзажи, которые мы видели через щелку, были просто чудесными. Остановились. По указателям на автодороге после выгрузки из состава узнали, что мы находимся где-то в районе города Тонхайм на севере Норвегии. Построились в колонну, топаем километра 2–2,5. Темновато и сыро, прошел дождь. Вот мы сворачиваем с автодороги под прямым углом. Метрах в 120 – зона. Там двухэтажная казарма, одноэтажное здание кухни и второе здание – хоз. блок. Отдельное здание – туалет, вот и все. Обыск, и мы в зоне. Дележка комнат. Я в комнате 6 на втором этаже нар. Соседом оказался хохол из Западной Украины Сарана. На койках – солдатские матрацы, подушки и одеяла. Это было вполне терпимо. Вспомнил на дорожном указателе надпись «Бувик» – он просматривался вдалеке на берегу фиорда.

Первый день в лагере начался, как обычно, с построения на поверку. Затем завтрак: 100 г хлеба и 5 г масла, 0,5 л кофе. Вот этого в Германии нигде не было. Далее – кто гуляет, кто спит, кто занимается политическими дебатами. Мы оторваны от мира и не знаем совершенно, что делается на фронтах. Обед: 150 г хлеба и черпак довольно сносной баланды. На ужин – 0,5 л кофе. Вот так нас «откармливали», ибо какие мы работники, если еле-еле передвигаем свои ноги.

Прошло около месяца «курорта», и нас стали возить на работы командами до 30 человек, чаще 10-20 человек. Из отдельных воинских частей, расположенных здесь, приезжали грузовые машины с их конвоирами и увозили в часть. А работы там хватало: из Германии в бумажных мешках была привезена картошка на весь сезон. Она начала гнить. Мы ее перебирали, иногда удавалось там сварить ведерко картошки или принести с собой в зону. Другие заготавливали щебень для мощения дорог, камень, бурили вручную шпур. Оказываясь за пределами зоны, наши подбирали, где можно, обрывки газет, а вечерами старались прочесть. Так вот, нам стало известно, что наши войска уже на

правобережье Украины и что Киев уже наш. Это уже совсем здорово. Немцы стали (конечно, не все, более степенные) меньше пускать в ход приклады, ограничиваясь криками: «Рус, вайда, ап, шнеля!»

Где-то в начале 1944 года я попал в команду «Бувик». Там была каменоломня. И вот нас цванциг штик в каменоломне. Там взрывами были наворочены огромные глыбы. Так вот, чтобы их раздробить, нужно пробурить шпур, зарядить и взорвать. Каждой паре показали глыбу и где бурить шпур. Я оказался компаньоном того военнопленного в артиллерийской фуражке, у которого в Нюренберге немка искала на лбу рога. Вот тут я с ним основательно познакомился. Время для разговоров было порядочно – целый день. Ну начали с того, где в плен попали, кем были в армии, потом перешли к образованию и составу семьи. Его звали Валерий Опенько. Украинец с Полтавщины. Я заметил, что он очень дотошно меня выспрашивает. А под конец работы спросил, кого я знаю в четвертой комнате. Я ответил, что в четвертой комнате живет наш начфинполка Токмаков. На другой день мы с ним снова долбим шпуры и разговариваем. Он еще меня спросил: «Комсомолец?» Я ответил: «Да, а с 6 августа 1942 года кандидат ВКП(б)» Вечером, уже под конец работы, он мне сказал, чтобы я после проверки, сразу же зашел в комнату № 4.

Я так и сделал. У входа в четвертую комнату такой же как я оказался рядом со мной и спросил: «Из шестой?» Я ответил утвердительно. Он открыл дверь в комнату. Я понял, что это охрана. Зашел в комнату, Валерий стоял в углу у столика. Он сказал: «Подходи» Я подошел, он нагнулся и снизу столешницы достал листок. Положил его на стол. Закрыв часть листа пальцами рук, и я увидел, что это список. Против цифры 28 стояла моя фамилия, имя и отчество. Он сказал, чтобы я расписался. Я повертел головой и не увидел ручки. Он сказал, что здесь расписываются только своей кровью, и подал мне что-то, похожее на перо. Я проткнул палец, получил кровь и расписался. И так, я стал подпольщиком. Затем он снова нагнулся и достал снова из-под столешницы листок бумаги только меньшего размера и подал мне. Я взял его, начал читать и чуть не упал в обморок – он меня успел поддержать. Это же была сводка Совинформбюро! Когда я это понял, я не спеша прочитал и подал ему. Он опять спрятал ее под стол и меня спросил, запомнил ли я. Я ему повторил наизусть всю сводку с названием городов и поселков, количество трофеев без единой ошибки. Он посмотрел на меня с удивлением:

– Вот это память!

– В институте я на спор читал из учебника по начертательной геометрии по пять страничек и без ошибки их повторял.

– Всем ли доверяешь в комнате?

– Нет.

– А кому не доверяешь?

– Соседу своему по нарам хохлу Саране (западник) да еще одному старичку, очень уж он религиозен.

– Подскажи приятелям, чтоб они отправили тех двоих к своим знакомым, что их искали...

Я так и сделал, а потом встал рядом с проходом, чтобы удобно было все видеть, и сообщил товарищам, что наши войска освободили город Сарны и еще много населенных пунктов. Немцы отходят на территорию Польши. Один сверху бросил мне реплику: «Откуда ты это узнал? Из пальца высосал?» А ему с нижних нар в ответ: «Слезь с нар-то, выйди на улицу, наостри свое ухо и слушай, может быть, и ты что-то услышишь». Вот так я начал работать пропагандистом. Когда лег спать, все пытался понять, откуда у нас в зоне радио? Кто и как пронес в зону? Что он, невидимка что ли?

Все наши конвоиры были постоянными, мы привыкли к ним, а они к нам. Фельдфебель Баумгаргнер из Гамбурга не имел клички, он знал Клару Цеткин, Розу Люксембург, Тельмана и, видимо, был участником восстания в Гамбурге в 1918 г. Это был спокойный, уравновешенный военный. Втоой унтер был смуглым и у него была кличка «Черный». Он тоже был настоящим военным. Третий унтер невысокого роста Мориц, имел кличку «Армяшка» – он очень походил на армянина. Эти тоже гамбургжцы. «Утка» – это полный степенный бюргер из Померании. У него на ферме работали хохлушки с Украины, и его жена была очень довольна их работой. «Козел» – по

национальности поляк. Этот тоже относится к нам по-человечески. «Мамалыга» – это румын, довольно замкнутый служака. «Христосик» – это тщедушный немец, очень верующий. Прежде чем огреть тебя прикладом, он ставил винтовку к ноге, затем перекрестится и встанет, как статуя. Он жутко боялся вшей, – какая-то необъяснимая боязнь. «Бодри» или «Ептвоюмать» – это был крикливый, но не особенно жестокий конвоир. Вот такая была наша охрана.

Бывая в четвертой комнате и приглядываясь внимательно, я убедился, что радиоприемник здесь под полом. Я заметил перепилы двух досок. Чуть позднее узнал о том, как радиоприемник оказался в зоне. Валерий Опенько однажды попал в комнату NSDP (энэсдап). Это военизированное транспортное подразделение из пожилых немцев, чем-то напоминающее наши автобаты или строительные части. У них была отличающаяся от армии форма – черная повязка на кителе с фашистской черной свастики на белом фоне. Когда на их базу привезли наших перебирать в подвале картошку, к колонне подошел пожилой NSDPовец и на ломаном русском языке спросил: «Кто есть электромонтер?» Опенько вышел из строя, и новый его «хозяин» повел по территории базы. Зашли в здание барачного типа – щитовое. Его он завел в свою комнату, включил радиоприемник, приглушил звук, и Валерий услышал голос Левитана. Он читал сводку Верховного Главного Командования. Кончилась сводка, и тот сразу же выключил радиоприемник. Он вооружил Валерия инструментами для электромонтажных работ. Затем Валерий обошел с ними почти всю базу, устраняя мелкие неисправности. Он побывал на чердаке этого барака и узнал, что потолочная панель попросту ни к чему не прибита. На чердаке пылился «Телефункен». Он его тщательно просмотрел – в хорошем состоянии. Переговорив со своим шефом, Валерий узнал, что сосед его недавно уехал в Германию в урлап (отпуск). План созрел быстро. На другой день он снова пошел со своим шефом. При отлучке шефа – моментально на чердак, мгновенно поднял потолочную панель, осторожно спустился на стол, опробовал радиоприемник и произвел замену: с чердака поставил на стол, а со стола – в бумажный мешок. Замел свой след на пыли, поднялся на чердак, оглядел еще радиоприемник и поставил его на место, где стоял предшественник. Одна часть дела сделана. А как же занести в зону? Это было сделано на другой день с чисто русской смекалкой и удачью. Мешок с приемником привезли в кузове автомашины. Подъехали к зоне. Василий Кузнецов, студент 3 курса Ленинградского судостроительного института, окинул взглядом конвоиров, которые встали на линии обыска. Было уже темновато, горели на столбах простые лампочки. Он поставил приемник к спине на таз, шинель накинул на плечи и застегнул верхнюю пуговицу и, поддерживая пальцами радиоприемник на спине, не спеша направился на левый фланг колонны. Там ему уступили место, и пятерка пошла на обыск. Василий шел прямо на Христосика, остановился и начал почесываться, передергивая плечами. Христосик ему: «Бо ист лосс?» (что случилось?). Он отвечает: «Филе лейзе» (много вшей), – и продолжает передергиваться. Конвоир, а точнее, Христосик, сказал: «Сакраменто руце фиксе». Бегло для вида пощупал полы шинели, сказал «ап», шлепнул рукой по спине выше радиоприемника. Василий не спеша как ни в чем не бывало пошел в барак. Радиоприемник был доставлен в четвертую комнату. Вот и вся история, а точнее не вся, а только начало. Сколько раз я возвращался к этой истории и всегда приходил к выводу, что если бы на месте Василия оказался бы Аркадий Райкин, он наверняка бы прогорел, а Василий сделал все блестяще.

Время движется. Теперь я в курсе всех событий. У меня появились телохранители, которые делали все, чтобы обезопасить меня. Где-то в конце года Опенько при очередной встрече вдруг спросил меня, учил ли я геодезию и топографию. Я ответил, что одно учил в институте, а другое в военном училище. Он сказал, что это как раз то, что сейчас надо, и из тайника достал топографическую карту района г. Трондхайм. Протянул мне. Я разложил на столе и стал всматриваться. Кое-какое отличие от наших карт есть, особенно по условным обозначениям. Опенько мне и говорит: «К лету мы готовим побег, и тебе надо изучить карту досконально и наметить пять маршрутов движения. Всем двигаться по одному маршруту – верный провал. Работать с картой в комнате тебе нельзя. Так что прорабатывается вариант помещения тебя в ревьер, то есть в санчасть».

Я был очень озадачен. И где бы я ни был, что бы я ни делал, все пытался нарисованное на карте представить зримо в голове...

Однажды комендант лагеря обер-лейтенант из Восточной Пруссии отлучился из лагеря, фельдфебель Баумгартнер сам проводил 20 человек наших до сербов. Расстояние близкое, прошли быстро, и вот в гостях у «братков». Они очень отличались от тех сербов, которых мы знали по Нюрнбергу. Эти были подавленные, угнетенные, и «полуживые». От них мы узнали их историю. Их в Норвегию привезли в 1942 году 2000 человек. Они сербские партизаны и сочувствующие им. Их загнали в районе Бувика в фиорд купаться, а затем открыли огонь. В живых их осталось после этой экзекуции 270 человек. Вот так!

Пришли зимние холода. Конечно, нательное белье, китель и брюки, шинель (на рыбьем меху) нас бы от мороза не защитили. Выход был весьма оригинальный. Утром, перед выходом на поверку, начинается переодевание: снимаем кителя и нательную рубашку, одеваем одеяло. Для этого его по длине складываем пополам. Вот этим накрывали шею и спину, потом концы через плечо на грудь и под мышки крест на крест. Концы закрепляли, кто чем мог. С этим нашим новшеством немцы были вынуждены согласиться.

Стали готовиться к встрече Нового 1944 года. Вели переговоры с фельдфебелем Баумгартнером, чтобы он разрешил нам после вечерней поверки в помещении мастерской, где ремонтируют обувь, провести встречу Нового года. Да, обувная мастерская была и работала, так как колодки деревянные не вечные и быстро выходили из строя. Итак, встреча Нового года состоялась. Было по пять человек из комнаты, были все унтера и несколько солдат. Младший политрук Яценко выступил с небольшим, я назову, докладом. Он попросил встать и запел «Интернационал». Все подхватили и пропели до конца. Но самое интересное, что все унтера встали по стойке «смирно», а затем и солдаты. Далее и читали, и пели, и танцевали. Все закончилось нормально.

Совершенно неожиданно из нашей команды отобрали и увезли на остров Сторфозен тоже в лагерь. Из нашей троицы я остался в Бувике один, а Шергин и Сагдаков уехали.

Мне только раз удалось побывать в ривьере. Работал неделю с картой. С трудом я вчерне наметил два маршрута до шведской границы. Вот так незаметно мы дожили и до 22 апреля. Ничто не предвещало грозы, а она разразилась для нас неожиданно. Построение на поверку с вещами, то есть с багажом. Постепенно выходим и строимся в колонну. Я глянул в сторону крыльца, где должен быть Опенько. Точно, я его увидел сразу. Он что-то мне показывает на пальцах. В голове уйма мыслей. Но вот я понял, что я должен сделать. Выхожу из строя, вынимаю письку и пошел брызгать, иду, брызгая за торец барака, конвоир орал, орал (это был Бодри), а потом и прикладом угостил. Я закончил, исправил шинель и в строй. Опенько дал сигнал, что все в порядке. А дело было в том, что он вышел на построение с радиоприемником (он был в чемодане), когда понял, что будет шмон великий, надо было немедленно спрятать чемодан. Убежище для чемодана было рядом – это крылечко, но часовой стоял сзади нашей колонны и просматривал данное пространство. Вот когда я писал и шел по торцу здания, а конвоир пошел за мной, Опенько оторвал доску крыльца и положил туда чемодан, а доску закрыл. Все. Маленькая, но победа. Боремся, раз живые. Шмон кончился, дверки бараков немцы закрыли, и мы разбрелись по плацу. Чемоданчик с радиоприемником был перенесен на кухню, упакован в бумажный мешок с эрзац-чаем и положен в походную кухню, которая едет с нами.

Наконец-то подошли автомашины, погрузились, и в порт Тонхайма, там на баржу, и катер нас потащил. Скорость невысокая. Ехали около суток. Зашли в фиорд, проехали с километр и причалили к острову Ходдоен.

Выходим на сушу, и метров через 100 мы у новой зоны. Она выстроена специально для нас. В зоне шесть бараков оригинальной конструкции. Цоколя были выполнены из деревянных стоек, обшитых с обеих сторон досками. Одна дощатая стенка (наружная) обложена специальной бумагой. Крыша – полуцилиндр из древесно-волоконистых плит. На одном торце окно, а на другом дверка и маленькое окошко. Дверь была высоко, на уровне цоколя, поэтому в бараке от двери была лестница. С

наружной стороны у двери – площадка, и от нее лестница. По лагерю были деревянные решетчатые тротуары и отдельно стояла уборная.

Вот тут нам предстояло жить. Один из главных вопросов, который необходимо было решить, – на острове нет электроэнергии. Радиоприемник будет молчать. Нужно достать аккумулятор и сухую батарею. Нашелся командир роты связи, тоже Женька, только Курский, умудрился из сетевого радиоприемника сделать аккумуляторный. Было решено подпольным советом хранить радиоприемник в нашем бараке. У меня под койкой сделали прорез в полу. Вот туда его и спустили. Наш барак стоял на более высоком месте, и под него не подходила вода. Грунта было совсем мало, голые гранитные скалы. Росли в основном ели. Остров был в длину около километра, а шириной с полкилометра. На самом мысу был домик норвежца.

На острове размещалась батарея тяжелых орудий, привезенных из Франции с линии Мажино. Соответственно была и казарма, где жили артиллеристы. Связь с берегом осуществлялась катером, который приходил и уходил по необходимости. День-два мы устраивались, убирались в бараках, на территории лагеря. Затем нас стали гонять на работу за зону.

За зоной мы в основном занимались заготовкой гравия на морском пляже. Стояла лебедка с дизельным двигателем, она и таскала в гору вагонетки с гравием. Занимались земляными работами и разными хозработами. Хлеб и продукты питания откуда-то с материка привозили катером.

Неожиданно главный вопрос решился довольно быстро. Как-то подошел катер, 20 человек посадили на него. Едем в сторону выхода из фиорда. Пристали к левому берегу, сходим на берег. Присмотрелись. Эге, тут целый железобетонный бункер – сооружение внушительное. На нем уже была проволочная сетка, надо было бункер замаскировать. Сделали попытку отказаться от работы на военном объекте, но нас сильно поколотили прикладами, и пришлось работать. Вечером, под конец работы, кое-кто насобирает сучьев на дрова. В бараках было по одной печке-буржуйке. Сели на катер, холодно, полезли все в кубрик. Я тоже туда. Вдруг я заметил сигнал Кузнецова, с трудом понял – надо отвлечь конвоира. Вынимаю пистолет и потопал по трапу на палубу. Конвоир заругался, вышли на палубу, он меня угостил прикладом. Я развернулся и в кубрик. Но что сделал Кузнецов, я не понял. Пристал катер к мостикам, и мы пошли к зоне. На другой день на утренней поверке комендант лагеря через переводчика (им был еврей, но его спасло от смерти то, что в партбилете в графе национальность было написано «нагайбак» (хотя в переводе это означало «горский еврей»), объявил следующее: «Прошу вернуть аккумулятор, который вчера исчез с катера». Все рты поразевали, а наш переводчик до того был удивлен, что не раздумывая ответил: «Гер обер-лейтенант, его же не едят. Они ведь голодные». Видимо, комендант с этим согласился. Да, аккумуляторы не едят, но я-то понял, куда девался аккумулятор и зачем я был нужен Кузнецову. Значит, одна часть задачи уже решена. Остается достать сухую батарею.

Вдруг ни с того ни с сего Женька Курский «свихнулся». Он такие «фокусы» выкидывал, что разобраться в них было очень сложно. Несет ведро мусора, остановится, высыплет где-нибудь на дорожке, обойдет эту кучу мусора, постоит, сядет, посидит на ней. Соскочит, сбегает за лопатой, кучу развалит, побежит принесет метлу, подметет все в кучку, руками сложит в ведро, подойдет к воротам, конвоир откроет ворота, Женька дойдет до кучи с мусором за зоной и высыплет.

На работу Женьку перестали посылать, он скитался по зоне. Вскоре из него сделали уборщика в вахштубе. Он свободно выходил из зоны, входил в зону. «Дурак», так какой с него спрос. И где-то вскоре до вечерней поверки пришли гости, меня поставили на пост у двери, достали радиоприемник, что-то покопались – радио заговорило. Его накрыли двумя одеялами, а то ведь часовые прохаживались по тротуарам вдоль зоны всего в двух метрах. Сводка принята, все убрано. Постового сняли. Радиоприемнику под полом было плохо, сыро, он отпотевал. Не помню автора одной «радиосигнализации». А именно, коменданту предложили дать разрешение на изготовление в каждом бараке по ящику объемом в два-три ведра для песка на случай тушения «зажигалок». Разрешение было получено, изготовили по одному ящику для каждого барака. Так вот в нашем бараке ящик был с двойным дном и с открывающейся половиной задней стенки. Туда-то и переехал радиоприемник. Ящик стоял напротив буржуйки. Я перебрался на верхние нары. Теперь моим соседом стал Краснов Иван Петрович, член ВКП(б) с 1916 года, старший политрук, бывший зам. начальника Башкирского отделения Госбанка. Попал в плен в 1941 году в Белоруссии. Он был в лесу ранен осколком мины в ногу (повреждена пятка). Подобрала его колхозница, вылечила, связала с партизанами. Его

арестовали днем, выдал полицей, а вечером он должен был уйти в лес. Это был Человек с большой буквы... С другой стороны от меня был капитан Щуров – начальник погранзаставы с западной границы. Взят был в плен в первый день войны.

Мне удалось послушать Левитана только один раз, а именно когда он читал сводку Главкомандования: «Сегодня наши войска после тяжелого боя освободили город Севастополь...» Я думал, что у меня и сердце выскочит из груди.

17 августа 1944 года. Ночью поверка. Что случилось? По баракам пересчитали, затем общее построение, перекличка. Все конвоиры в сборе. И тут-то выяснилось, что нет двоих: моего соседа начальника погранзаставы и его дружка (или родственника) Лешки Алексева. Как они могли уйти? Ведь до берега минимум 800 м, а вода-то холодная. Вдруг один конвоир бросился к воротам и мосткам причала. Быстро он вернулся и доложил: «Бежали на лодке». На какой лодке? Оказывается, солдафоны от норвежца пригнали лодку и хотели порыбачить. Кто-то из бежавших ее заметил. Один был в ночной смене, а второй в первой на погрузке гравия. Тот, кто работал в первую смену, с кем-то сменялся и вышел во вторую. Все стало ясно. Я их часто видел вместе: где-нибудь за бараком что-то чертят. А Лешка Алексева был командиром взвода пешей разведки. Так что, как говорят, два сапога пара. На другой день утром прибыло до 70 полицейских с овчарками. Тут все обнюхали, потом увезли их на берег. Мы получили «урляп», то есть отпуск, нас на работу не гоняли. Так прошло почти две недели.

На утреннем построении комендант сказал: «Ваши беглецы пойманы и расстреляны!» Мы все заулыбались. Комендант был так удивлен, что спросил: «Что вы смеетесь?» А мы ответили: «Они ушли, и вы никого не поймали». Как и в других лагерях, трупы избитых до смерти беглецов немцы бросали к воротам. Ну а раз этого не было, значит, они ушли.

Конвоиры, которые охраняли в день побега, были наказаны. Стали более строгими. Радиоприемник начал глохнуть. Сел аккумулятор. Вопрос решился довольно оригинально. В забое, где стоял бурильный станок, сварка и другая техника, был снят новый аккумулятор, а на его место был поставлен еле живой – они оказались одной марки. И так, жизнь продолжается!

Обстановка на острове становилась более жесткой. Конвоиры стали чаще награждать прикладами.

Буднично встретили новый 1945 год. В феврале 1945 года нас осчастливили господа власовцы. Их было двое. Подполковник Чурашов и поручик Чувашкин. По полученным данным, это были урожденные казаки. Началась обработка нашего брата. В двух бараках, где велась обработка, наши успели поместить «подсадных уток». Так что мы получали самые свежие сведения. Вот получили первую тревожную весть: одного вербовщика заарканили. Он и раньше был на подозрении. К ночи мы узнали печальную весть: власовцам удалось завербовать 17 человек, точнее, не человек, а предателей. Ночью в зоне начались аресты. Было арестовано 17 человек (как говорят, баш на баш). Были арестованы почти все руководители подполья, в том числе и Валерий Опенько. Он был вынужден на рассвете передать записку в зону, в которой он написал, чтобы оставшиеся еще в зоне выставили телефонкен на тротуар.

Когда немцы увидели этот ящик, они только мотали головой. Каждую неделю делали шмон, отбирали перочинные ножики, иголки, а тут целая громадина – ящик. Вот так мы остались без связи с внешним миром.

«Собеседование» с власовцами я опишу по собственному опыту. Меня пригласил Чувашкин. Я стоял перед столом. Он нашел мой формуляр и сказал примерно так:

– Ну что, артиллерист, пойдем еще повоюем?

– А с кем я должен воевать?

– С коммунистами.

– У меня отец-коммунист, да и сестра тоже, что я с ними должен воевать?

– Сталинский воспитанник, подохнешь! – выкрикнул Чувашкин и нанес мне неожиданный удар по лицу, разбил губу. Я, конечно, упал на пол и чуть не докатился до дверей, а там вывалился на

крыльцо. А власовец взял со стола линейку и прочертил из угла в угол по красной диагонали и написал следующее: «Сталинский воспитанник, подлежит уничтожению». Этот формуляр был привезен на родину. Вот что значит власовцы.

Жить стало много труднее. Немцы укорачивают паек. Появилось много дистрофиков. Постепенно восстановили подпольную организацию. Никакой информации, что же делается на фронте. Я получил задание и ходил по баракам ночевать. Память у меня была хорошая, вот и пересказывал по несколько часов прочитанные книги, особенно «Как закалялась сталь» Н.А. Островского. Кто-то еще оставался «стукачом», по-своему передал зондер-фюреру, и тот меня поймал на тротуаре. Я был не готов к ответу, ну а если жить захочешь, то и ответ найдется. Я набрался спокойствия (где тут смекалка нашлась!) и спросил зондер-фюрера о книге (в расчете на то, что он этой книги не читал. Он был латыш). Я выиграл, а он проиграл. Он отступился, и я вздохнул.

А тут еще ЧП. 17 апреля 1945 года наша колонна из 20 человек по 2 человека в шеренгу шла по лесной тропинке, а там корневища и камни, а ноги-то уже были ходули. Запнулся и растянулся, разбил лицо, колено, а часовой (австриец – парикмахер из Вены) ударил штыком в левую ягодицу. Я терял сознание, но меня парни вернули в зону, а там наш эскулап положил в ривьер, и через две недели я стал бродить с палочкой. Правда, и с питанием мне помогли. Время идет, уже ясно чувствуется, что фрицы уже не те.

30 апреля команды пришли на обед в зону. И тут я на крыльце увидел Алексея Одайкина (он мордвин), был партийным секретарем Кинельского зерносовхоза Саратовской области. Хозяйство было сильное. Но что случилось, я вначале не понял – Одайкин буквально захлебывался от слез. Я его несколько раз переспросил, что же случилось. И сквозь слезы я расслышал: «Берлин взят, Гитлера нет в живых!» Все встало на свои места. Надо было принимать экстренные меры – во что бы то ни стало не допустить вспышки ненужного героизма. Бараки-то были минированы по две мины, ключ управления был в кабинете коменданта, и взрыв мог нас всех отправить на тот свет любой момент. Успокоил Одайкина, а из барака вызвал Василия Кузнецова, который, рискуя жизнью, доставил телефонен в зону. Вспышки не произошло. Огонь в начальной стадии был погашен.

После обеда комендант объявил построение всех с вещами. Шмон немцы произвели кое-как. Выходим из зоны и топаем к заливу, там мостки, баржа типа нашей вятской и катер. Быстро спустились в трюм, и тут только поняли, что попали в ловушку. Ненадолго оцепенение, а потом решение: разоружить конвой, захватить катер и идти вдоль берега не дальше 50 м, чтобы батарея острова была бессильна. Приглашаем в трюм старшего фельдфебеля Баумгартнера. Он без особых опасений спустился в трюм, где был сразу обезоружен. Затем пригласили второго фельдфебеля по кличке Черный, тоже был мгновенно обезоружен. И наконец, третьего фельдфебеля по кличке Мориц. Этот только в апреле съездил на родину в урляп (отпуск), но дом, в котором жили его семья и родственники за день до приезда Морица был полностью разрушен тяжелой бомбой. Все погибли, а он приехал обратно в Норвегию продолжать служить. Он правильно оценил обстановку и сам передал нашим парабеллум. Баумгартнеру парабеллум вернули, но без патронов. Солдат обезоружили без эксцессов. Трое наших переоделись в немецкую форму. Баумгартнеру приказали дать команду командиру катера, чтобы катер подошел к барже. Когда это было выполнено, командиру катера (бельгийцу) было дано распоряжение следовать в 50 м от береговой линии. Что и было выполнено. Переход в Намсос занял около суток. Итак, мы остались живы. Глубина фиорда, видимо, около 200 м, так если бы она нас утопила, то едва ли можно было бы найти наши останки.

Сколько же нас оставалось к тому времени на острове Ходдронен. Припоминаю: из Германии нас привезли в район Трондхайма 500 человек. Из них на остров Сторфозен (он был ключом обороны города Трондхайм) было вывезено 300 человек, 2 человека убежали с острова, 17 человек ушло к власовцам и 17 человек было арестовано. Таким образом, на острове Ходдронен осталось: $500 - 2 - 17 - 17 = 464$ человека. Арифметика довольно простая.

Глава 5. ВОЗВРАЩЕНИЕ.

Днем 5 мая пришвартовались в Намсосе. Это чистый рыбацкий поселок с небольшими домишками, построенными из досок. Все население рыбаки. Высаживаемся на берег, и начинают устанавливаться отношения. Фельдфебель Мориц устанавливал связи наших мастеров с местными рыбаками. Шла обменная торговля: с нашей стороны это в основном поделки из дерева (мундштуки, портсигары), а с норвежской стороны – это рыба всех видов. Нам очень понравилась колбаса из свежей рыбы. Норвежцы, как и мы, не имели хлеба.

Ночевали на Намсосе. На земле и ветках. К утру подкатил состав из товарных вагонов. Погрузились в вагоны, распрощались с Норвежской землей, поблагодарили ее и тронулись в путь. Перед нами была маленькая гористая, лесистая, каменистая земля. С каждым километром наша родина становилась все ближе и ближе. К полудню 6 мая мы прибыли на товарную станцию. На ней мы были в 1943 году, когда нас везли в Норвегию. Город тонул в зелени, цвела сирень и многое-многое другое. Было тепло. Но мы не получили и по кусочку хлеба и по капле воды. В вагонах был ад, от дистрофии люди могли двигаться только ползая. Стоим больше часу, и наконец открыли двери. Кто на пузе, кто на задних стали выбираться из вагонов, чтобы улыбнуться весеннему солнцу. Вот что значит жизнь!

Конвоиры сделали арре! (поверку), все сошлось, никто не испарился. И вдруг комендант лагеря (он нас догнал) обращается к нам с предложением: что хотят русские офицеры, пойдут в вагоны или будут отдыхать на улице? Ему ответный вопрос: давно ли немецкие офицеры стали интересоваться, о чем думают русские офицеры? Будем дышать свежим воздухом. Прошло с десятков минут, и с балконов четырехэтажных домов были выкинута норвежские национальные флаги.

Стоим в недоумении, скоро стало ясно: в городе в разных районах зазвучали автоматные очереди, затем взрывы мин и гранат. Стало ясно, что население Осло начало восстание. Нас бегом загнали в вагоны. А бой все разгорается в разных местах. Примерно через полчаса Баумгартнер прошел рядом с вагонами и пригласил за продуктами. По два человека из каждого вагона. Ушли по два человека. И вдруг один из наших пробежал снова вдоль вагонов и потребовал еще из каждого вагона по три человека. Это что, немцы с ума сошли? Раньше и двум человекам нечего было нести.

Но вот и наши посыльные: на каждую душу по целой буханке хлеба, банка сардин, банка шпрот, мармелад, грамм 200 сыра и еще что-то. Что это такое? Да это же немецкая легальная смерть! Люди голодные, дистрофики – они объедятся и перемрут. Немецкий вандализм.

Страшного не произошло, так как у нас в эшелоне был умный фельдшер, хорошая сигнализация и отменная дисциплина. Этому мы обязаны своим спасением. По азбуке Морзе было приказано под личную ответственность выдать каждому по 1/4 ломтя хлеба и 5 г сахара. Все, точка. Голодный норму проглотил и тянется к куче, где лежит богатство. Попробовали бы вы смотреть этим уже озверевшим людям в глаза. Это были нечеловеческие взгляды, а вся ночь была страшнее ада. Это я написал не по наитию, а это все мной пережито, но людей я знал и верил им.

7 мая. Вечером 6 мая наши вагоны куда-то повезли. Я лежал на полу и наблюдал в щель пола. Не спал ни минуты. Наконец-то светает, кое-что уже можно рассмотреть. Мы стояли на окраине какого-то маленького беленького двухэтажного городка. Просматривалась булыжная улица. Народу на улице не было. Город казался вымершим. Начали на улице появляться первые пешеходы. Вдруг я заметил всадника на коне, он был в армейской форме. Когда он стал подъезжать к вагонам, его остановили наши конвоиры. Скоро показался наш комендант. Они поприветствовали друг друга, и начался неприятный разговор. Приехавший расстегнул кобуру, то же сделал и наш комендант. Потом громкий разговор постепенно ослаб, кобуры были закрыты. Оба они ушли за хвост вагонов. Внезапно двери раскрылись. Команда выходить. Я вышел третьим из вагона и опешил от удивления: на наших солдафонах не было байонетов (штыков) и винтовок. Что за чертовщина? Рядом со мной оказался мл. лейтенант, костромич. Он был очень зорким, и сразу нашел себе объект. Метрах в 30 от нас стояло

несколько норвежских составов. Так вот у одного состава он заметил норвежца-железнодорожника, у которого из кармана кителя торчала газета. Это же клад!

Он повернулся ко мне, показал пальцем на норвежца-железнодорожника и сказал мне: «В случае чего меня прикроешь». Это значило достать пистолет и писать, уходя в сторону(уже известный прием). Я ему говорю: «Николай, а что-то случилось. У солдафонов нет байонетов на поясе и винтовок». Он чертыхнулся и сказал, что вот этого он и не заметил. Махнул рукой и, пройдя рядом с солдафонами, пошел до норвежца-железнодорожника. Солдатня молчала. О чем Николай говорил с норвежцем, я не знаю, ибо Николай не знал ни немецкого, ни норвежского языка. Но газета оказалась в его руках, он раскланялся, повернулся и пошел к вагонам. Солдатня молчала. И вот, когда расстояние между Николаем и мной сократилось примерно до шести метров, он развернул газету лицевой стороной на меня.

Шрифт заголовка передовицы был крупный, и я прочитал: «Ин вест штиль». Первое слово я без труда прочитал так: «На западе...» А вот что на западе? В голове полный сумбур, и все же загадку я одолел. Ведь штиль – это мир! Значит, на западе война кончилась. Кое-как набрал в легкие воздуха и с какой силой мог это выпалить: «Братцы, на западе война кончилась!» Я тут же упал на землю, целовал ее, плакал. Я не знаю, как эту картину ясно представить. Плакали все. Это ликование продолжалось около часу. Потом страсти стали стихать. Я и сейчас без слез не могу писать эти воспоминания...

Немцы выстроились в шеренгу по два, и всадник (он оказался венгром) выступил с заявлением, что в Европе немецкая армия капитулировала и разоружается. На востоке все еще идут бои, но это ненадолго. Вчера немецкие части в Норвегии сложили оружие. В Норвегии тоже мир. «Теперь вы будете переведены в обустроенный лагерь, где вас будут кормить по пайкам немецких солдат». Надо было построиться в колонну, кто может, и пройти через город километра три. Мы избрали двух руководителей – подполковника Козенко и капитана Дубового. Капитан дал команду строиться по четыре. Колонна выстроилась, капитан спросил:

– Есть запевалы?

– Есть!

– Марш в голову колонны. Смирно! С места с песней шагом марш!

Запевалы запели: «Утро красит нежным светом стены древнего Кремля, просыпается с рассветом вся Советская земля...»

В нашем обмундировании, в деревянных колодках топаем по булыжной мостовой. Норвежцы, услышав песню, повалили валом на улицу. Что у них осталось на победном столе, переместилось в наши карманы, даже бутылки, сигареты, торты, печенья и т.д. Городишко Фридрихштат маленький, метров 700 в длину. Вышли из города, свалились по канавам, и началась праздничная трапеза.

Затем началась вербовка норвежского транспорта, и нас мигом перебросили в рыбацкий поселок. Радости не было конца, ибо в поселок еще вчера привезли со Шторфозны 300 наших мучеников. Тут я встретил своего земляка-кировчанина ветеринара Мишу Сулова. У него рост был чуть не два метра, полный. Он схватил меня на радости так, что у меня кости трещали. Принес откуда-то булку хлеба, пару селедки чуть соленой, и мы еще устроили праздник. Жаль, что водки не было.

Начал назревать конфликт, так что немцы подогнали танковый батальон. Они выдвинули требование, чтобы мы переехали с берега на остров, там благоустроены казармы. Мотивировали они свои требования тем, что у норвежцев оружия много, и оно вечером окажется и у нас, а это уже точная пальба. С одной стороны, немцы правы. Наши пошли на уступки и дали согласие на перебазировку на остров Роуэ (что значит «зеленый»).

Перебираемся на пирс, а там уже стоит баржа, на которой были штабеля буханок хлеба, в бочках голландское масло. Расположились и отчалили от пирса. Прибыли к острову, стали под разгрузку и потянулись вдоль побережья острова. Впереди шли немцы. Наконец-то наше пристанище, и вот мы располагаемся в лагере. Поставили своих охранников на водонапорную башню, на ворота, на сторожевые вышки. Вечером немцы накормили солдатским ужином. Улеглись спать.

8 мая. Немцы объяснили, что на острове около 60 тысяч противопехотных мин. Ходить по острову очень опасно.

Вот так мы и прожили в зоне до утра 13 мая. Спали, пили, ели. Утром 13 мая тревога – немцев на острове нет ни одного, они ночью смылись с острова на подлодках, предварительно вырезав участок кабеля связи с Осло. Остальное было исправно. Нашлись свои связисты, и через час восстановили связь с берегом, дозвонились до Осло и там попали на комиссию по репатриации из трех человек. Когда наши сказали, кто мы такие и откуда, комиссия охнула. Они успели сообщить в Москву, что оба наши лагеря уничтожены немцами. Но раз мы живые, приказали 14 мая выехать в Осло двум представителям – подполковнику Козенко и капитану Дубовому. Наши запросили помощи из Осло, так как на острове ничего не было. На другой день подошел катер со стороны Осло, и наши посланцы уехали.

На острове начался большой шмон. Продукты, вина, что осталось на немецких складах, приходовалось и под замок. Вечером приехали наши посланцы, привезли последние сведения и газеты двухмесячной давности. Разговоров было до полуночи.

На другой день 15 мая каждому была вручена бутылка красного вина на день. Вот где народ стал оживать. Но что мы были за люди? Утром, когда просыпались, мы не видели белого света. Нешадно протирали глаза пальцами рук, пока не увидим в щелочку луч солнца. Подходишь к турнику, схватишься за штангу и висишь, как тряпка, пальцы устали, и ты уже на земле. На икрах ног пальцами сделаешь углубления, и до вечера они не исчезают. Вот нас и не везли сразу до дому, а здесь продукты были, чтобы нас подкормить и привести в человеческий вид. Я близко познакомился с мл. лейтенантом Шадриним Алексеем – командиром пулеметного взвода, он попал под Курском, а родом из Барнаульской степи. Мы с ним принесли мешок пресных галет в виде ирисок, так что питались целый день. Алексей решил порыбачить. Принес ящик аммонита 10 кг. Поколдовали. Сделали три пакета по 3,3 кг. Нашли, нарезали бревен для плота, сколотили плот. Алексей нашел шесть подлиннее и выехал в залив. Остановился, осмотрелся и выкинул один пакет. Взрыв, столб воды метров 15-20, а Алешу с плота сдуло.

Рыбкой не полакомились. Сидим на камнях и горюем, и вдруг видим норвежского рыбака. Он подъехал и начал разговор на интернациональном языке, то есть на пальцах. Мы поняли, что ему нужна бочка газа (горючее для подлодок), а его на острове штабеля. Пошли к ближайшему штабелю, заарканили одну бочку и подкатили к лодке. Трудновато, но ничего. С трудом закатали бочку в лодку. Рыбак нам подарил живой селедки три лотка. Вот это рыбалка так рыбалка. Жарим ее на жире печени. Так мы и дальше торговали. Да, свежая селедка - это деликатес.

Где-то на первой неделе жизни на острове к нам прибыло несколько катеров с гостями. В том числе была и почетная гостья – хозяйка этого острова. Первым делом она с делегацией направилась к небольшому уютному домику, где она родилась. В это время в маленькой комнате под лестницей поселился наш бывший пленный, донской казак Величко (по-моему, он ветеринарный фельдшер). Так вот, когда хозяйка переступила порог этой комнаты, она была поражена чистотой, аккуратностью, и самое главное, она увидела над окном маленькую чистую икону. Она удивилась, что та в полной цельности и исправности. Спросила, кто же здесь хозяйничал? Вот тут и вышел Величко, поклонился хозяйке, а она его расцеловала. Тут толкучка корреспондентов, вспышки съемочных огней. Так мы очень осторожно обошли основные места острова. А затем на площадке устроили пикничок, танцы, жгли костры.

На другой день мы были поражены заголовком в одной из норвежских газет: «Русские коммунисты верят в бога». Вот что мог сделать один Величко! В этой большой группе посетителей были и наши недруги. Мы заметили одного мужчину в странном одеянии. Устроили за ним слежку и вскоре решили выяснить с ним отношения. Мы не ошиблись – это был русский священник. Он уже и говорил с акцентом.

Это было самое многолюдное посещение острова. Пережили мы и свои трагедии: на острове похоронили своих двух товарищей. Они по своей оплошности зашли на минное поле и подорвались на минах.

Была еще одна забота – наша миссия в Осло потребовала от нас снять на острове с орудий всю оптику и вывезти на родину. На острове было 137 орудий. Это не конфетки, в карман не спрячешь. Создана была большая группа, которая вела и координировала эту работу. Первые три-четыре дня не

дали никакого результата. На четвертый день мелькнул луч солнышка. В штаб этой группы ввалился прямо-таки замухрышка и принес с собой футляр с домры и скрипку. На него все рты поразевали – надо оптику везти, а он что принес? Но вот когда он раскрыл футляр, то всем стало ясно. Да, в этом везти можно, только очень осторожно, продумывая каждый момент. На следующий день организовали мастерскую и стали снимать и носить оптику и музыкальные инструменты. Там закипела работа, причем даже от своих секретно. Практически вопрос был решен, надо было продумать все до мелочи по транспортировке, подсчитать все и распределить. Люди работали что было сил. Делали разные маскировки.

Кроме этого, мы по своей инициативе испортили почти все артиллерийские стволы, для чего ствол заполнялся камнями, кусками металла, засыпался песком. Стволу придавали самое высокое положение и производили выстрел без гранаты. После этого ствол годился только в утиль.

Вечерами горели костры, привлекая норвежскую молодежь. Пели, танцевали, вели беседы на разные темы. Но где-нибудь в сторонке от костра и наши молодые сидят мрачные. В чем де дело? А дело в том, что начали поправляться, а это значит, надо искать напарницу. А как ее искать: я не знаю норвежского языка, а она русского. Что, может получится или нет? Ведь мы голодали почти три года. Как на это отреагирует наш организм. Вопрос за вопросом. И вот однажды вечером у такого одинокого костра шум и веселье. Качают какого-то парня. А решилось все очень просто. Один из наших вчера утром на катере доехал до берега и пошел бродить по городу (я сам ходил гулять не раз по городку). Вскоре он заметил молодую норвежку, которая возилась с велосипедом. Он улыбнулся, присел и попытался найти неисправность. Ему это удалось, красавица его поблагодарила и пригласила прокатиться на велосипеде. Она его посадила на седло, а сама села на раму и рулила. Проехали городскую улицу, выехали за город. Проехали сколько-то. Она свернула налево, и через 20 метров – уютная площадка, скамеечка, чистота и порядок. Сели и начали пытаться говорить. С десяток слов они понимали. Договорились и о том, что завтра снова поедут на прогулку, что она его встретит у причала. На прощание она его поцеловала (!). Во как, знай наших! Бедный, он всю ночь не спал, а решал задачу – быть или не быть.

Сегодня он перекусил утром, взял чекушку ликера и на катер. Приехал, сошел с катера, а она его уже ждала. Снова он на седло, а она на раму, покатали уже по знакомой дороге до той же площадки. Прибыли. Сели на скамеечку. Она его обнимать и целовать. Он достал ликер, выпили по стопочке, ну и приступили к делу. Все шло вполне нормально. Устали. Тело у нее очень красивое и стройное. Еще выпили и снова за дело. На этот раз он меньше волновался и все было о'кей!

От немецких солдат мы часто слышали, что норвежки – «рыбья кровь». По этой красавице этого никак не скажешь.

Во время войны немцы арестовали часть студентов из города Осло и выслали в Германию, где они работали и были освобождены только частями Советской Армии. И где-то в начале мая они вернулись в Осло. Где-то в конце мая кто-то организовал футбольный матч между командой из бывших арестантов и местной командой. Стадион в городе небольшой, но опрятный.

Нас всех островитян перевезли на берег. Построили в колонну, и мы под звуки духового оркестра, играющего «Интернационал», пошли к стадиону. Колонна была празднично одета. Пришли к стадиону с песнями. Мы заполняли верх стадиона. Все присутствующие пели гимн Норвегии, кстати, он очень красивый. Затем начался футбольный матч. Игроки играли очень осторожно, и он закончился ничьей. После окончания матча норвежцы снова исполнили гимн своей страны.

И тут случилось просто непредвиденное. Где-то ближе к полю наш военнопленный Костя Чумак поднялся во весь свой высокий рост и запел полным голосом: «Из-за острова на стрежень, на простор речной волны...» Народ норвежский пел на своем языке, а мы пели на своем, а музыканты нас поддержали. Песня полностью повторялась девять раз. На этом праздник закончился, а вот кое-кто и в городе заночевал. Да, Костя Чумак был солистом Харьковской оперы.

С нашего острова было отобрано 200 человек для тренировок в Осло на стадионе к параду Победы, который намечался в июне. Я решил попытать свое счастье и выехал в Осло. Добрался хорошо, нашел своих, но не был зачислен, так как был еще очень слаб. Был на стадионе на тренировке

– четыре часа шагистики. Форму дали английскую, а наши отказались от беретов. Шагистика была под духовой оркестр, который исполнял «Интернационал».

Прошелся по городу, видел площадь, по которой пройдет парад. Видел замок короля. Впечатляет. Вечером, хотя и уставший, был доволен путешествием.

Время движется, скоро надо собираться на родину. Нашел ботинки. Подошли, сносно. Но ходить в них трудно, так как подошва не гнется. Подобрал простыню, полотенце, наволочку, одеяло и шинель солдата авиационной части. Кроме этого, положил в карман штук 150 простых конвертов и листов 100 писчей бумаги в линейку. Началось формирование эшелона из 2000 человек. Я был назначен старшим 14-го вагона. Наконец эшелон сформирован, его начинили продуктами питания. Все я, наверное, не припомню. Там были сигареты в металлических банках – «Честерфильд», сахар, масло, шпроты, сардины, печенье, галеты, мармелад. Нас всех этапируют на берег. Прощай, остров Роуз! Спасибо, ты сделал нас опять людьми.

Во Фрикдиктате нас посадили в вагоны и довели до г. Лелехаммер, где мы выгрузились. Строимся в колонну по четыре и топаем к платформе. В голове колонны идут наши музыканты. Впереди колонны идут канадские музыканты. Среди них было много внуков и правнуков выходцев с Украины. Я слышал, как они разговаривали по-хохляцки. Они играли в основном «Интернационал». Когда оставалось метров 300-400, один из канадцев подошел к нашей колонне и спросил так: «Что же вы, хлопцы, не грайте?». Да, этот вопрос заставил задрожать всех, кто зал у нас в музыкальных инструментах толк! Надо было дать ответ твердый, и чтобы никто не мог заподозрить ничего. И вот из нашей колонны выходит на асфальт донской казак, ветфельдшер Величко, сотворил святой крест во все стороны и говорит канадцу: «Мы дали обет святой деве Марии, Иисусу Христу, что будем грати на родной батьковщине!!!». Вот это был ответ, так ответ. Его об этом никто не просил. О– й как все облегченно вздохнули. Колонна подошла к перрону, а там за столиком сидят члены комиссии международной: русский, английский, французский, американский. Как это происходило? Очень просто: подходит наш репатриант, называет свою фамилию и имя.

– Добровольно едешь на родину?

– Да.

Следует «ап!». Ну и пошел к вагону. Вот и все.

Вот так мы погрузились в вагоны со всеми шмотками.

Было одно щекотливое дело. На берегу фиорда был лагерь Ригга, в котором находились частично семьями украинцы, сотрудничавшие с немцами и запятнавшие себя нашей кровью (это легионеры, старшины и другие подсобники). Немцам они стали не нужны. Но большинство из них были отменно вооружены. Миссия заявила, что их надо во что бы то ни стало отправить на родину. И вот у нас набралось человек 40 добровольцев. Оружие дали норвежские партизаны да выделили четыре автомашины и две группы по 20 человек. В субботу вечером (когда в лагере начиналась пьянка) тронулись к Ригге. Подъехали – и сразу же по группе с пулеметами на угловые вышки. Остальные зашли в лагерь и начали собирать оружие. Сопrotивление было, но слабое. Потом выстроили их в шеренгу по два, и наш командир заявил: «Кто добровольно возвращается на родину, тот будет жить в отдельных домах вне зоны». Он же назначил одного из них старшим, приказал ему отвести этих людей, составить список и доложить. Из зоны было изъято все оружие, а зона взята под наблюдение. Всего вернуться добровольно на родину набралось около 200 человек. А как переправить остальных? Вот тут долго ломали голову, но все же было принято решение. В каждом вагоне будут четверо вооруженных своих людей, к которым под опеку двое человек из Ригги. Если кто-либо из Ригги заявит, что не поедет добровольно, то он сзади в спину получит удар ножом. А спросят, за что, – ответ был прост и ясен: я его узнал, он у меня в Миллерове украл котелок баланды. Попробуй, опротестуй.

Насколько я знал, посадка в вагоны прошла удачно. После посадки в вагоны, их отправляли под нары. Итак, все благополучно – возем оптику и предателей. Прощай, горная страна Норвегия! Спасибо тебе, гостеприимный народ.

Поезд отмеряет километры. С каждым часом родина становится ближе и ближе. Вот довольно скромная Норвежско-Шведская граница. Швеция значительно богаче Норвегии. На каждой станции толпы людей. Угощают папиросами, печеньем, пивом, водкой. Отношение доброжелательное. Природа очень красивая. Дома, как игрушки, расставлены на местности.

Итак, мы приближаемся к порту Евле, который расположен на берегу Ботнического залива. Здесь находится пересыльный пункт интернированных.

В порту наготове стоял финский пароход. Грузимся на пароход. Отчаливаем, и пароход берет курс на финский порт Турку. Волнение в открытом море слабое, не укачивало.

Прибываем в Турку, нас окружила стая лодок-попрошак. Стоит только им получить подачку, они тут же, в знак благодарности, показывали нам кулак. Наконец-то причалили к пирсу и начали сходить на берег. А тут уже стоял состав вагонов «SUOMN». Командовали посадкой наши санитары. Несколько врачей бегло обошли вагоны, и состав тронулся в путь к дому, к границе. К вечеру мы подъезжали к погранполосе.

На рассвете мы подъехали к границе на малой скорости. С головного вагона раздалось ура. Запели «Интернационал». Увидел на посту пограничника в защитной форме и фуражке с зеленым кантом. Вскоре мы увидели первую стрелку и стрелочницу, совсем юную девушку в лаптях, драной фуфайке и какой-то части шали. И вот, начиная с первого вагона, посыпались ей гостинцы: и буханки хлеба, и банки консервов, и одеяла, и простыни, и наволочки и другие тряпки. А она стояла и плакала, держа стрелку. Итак, мы выжили, вступили на свою родную землю. Ну а что с нами будет на родной земле, этого не мог сказать никто. Но все думали упорно об этом. Состав потихоньку толкали и толкали. Вот наконец и вокзал Выборг, а дальше видна шведская башня. И вот наш состав остановился на набережной канала почти возле башни. По берегу канала стояли медицинские палатки. Вскоре по вагонам пошли люди в белых халатах. В наш вагон зашла довольно симпатичная молодая женщина, спросила, кто старший, – я ответил. Она попросила список людей вагона. Я ей подал. Мне бросилось в глаза, что она бегом читает список, и вдруг он в ее руках дрогнул, она изменилась в лице и дрожащим голосом спросила, где же у нас Поташевский. Мы туда и сюда – на верхних нарах нет, на нижних нет, исчезнуть он не мог. И нашла его под нарами, откуда вытащили за пятку. Вот так и встретились муж и жена. Ушли они в палатку и так и не приходили до отхода поезда. После ухода пары из вагона в наш вагон пожаловал высокий моряк – капитан какого-то ранга, комендант Выборгского гарнизона. Поздоровался, зато мы ответили двояко: и «здравствуйте» и «здравия желаем». Завязалась беседа. Мы его спросили, что нас ждет впереди. Он ответил, что точно не знает, но в армии нас не оставят, армию будут сокращать.

– Скорее всего поедете по домам восстанавливать разрушенное войной хозяйство. На охоту можно ходить и без бинокля, так вот, не везет ли кто бинокли или другую оптику?

– Ну, братцы, на охотника и зверь бежит. Идем, комендант, в нашу музроту, там всего найдем.

– Да нет, музыкой своей сыт – есть духовой оркестр, есть джаз, есть гитары.

А мы все его тянем, но ничего не говорим. Подошли к голове состава, и кто-то дал команду: «Выходи строиться с вещами». Вот тут он что-то по футлярам стал кумекать. Остановился перед футляром дальномера, осторожно открыл футляр и буквально отпрянул:

– Значит, вся музыка – это оптика.

– Да, только не даром ее так маскировали и везли с великой опаской.

Он перебежал площадь, а на стене висел телефон. Куда-то позвонил, чтобы ехали на автомашине. Признаться, после этого посещения я был в Выборге раз двадцать. Там работал мой брат на судостроительном заводе. Монтировал две плавучие платформы для бурения нефти для Вьетнама. Схоронил своего младшего брата уже шесть лет тому назад.

Вскоре приехали моряки на студебекере, сошли с кузова машины и даже не поздоровались с нами. Ох уж и материл их комендант. Вот они каждый инструмент и носили к машине и складывали, как матери своих младенцев. Комендант дал им указание, а сам с нами пошел в наш вагон и пробыл там до отправления. На прощание он только сказал: «Вы знаете, сколько это стоит? Миллионы. Это

же Цейс!» Распрощались с хорошим человеком и поехали в сторону Ленинграда. Ленинград проехали по объездной дороге ночью.

У нас в составе не было никакой охраны, и никто не разбежался. Свернули на Октябрьскую – и на Москву. Остановились на окружной к вечеру. У меня в вагоне был москвич, дважды пленный (в первую войну он тоже был у них), его квартира совсем рядом, и он решил заглянуть, а я попросил его по пути продать шинель немецкого зенитчика. Что он и выполнил, вручив мне 150 рублей.

Вновь поехали, ехали ночь и где-то в первой половине прибыли в Муром. Стояли порядочно. Затем переехали через Оку у Новашино и там выгрузились. Расселись кто на что. Тут подошла рота автоматчиков и подала команду: встать и строиться. А тут кто-то из наших сказал веско: «Всем ни с места! Пусть как они пришли, так и топают обратно». Поорали на нас, несколько раз постреляли в воздух. Затем поняли, что нас живыми не сломишь. Построились в колонну и пошли впереди нашей колонны. По бокам дороги – невысокий сосновый бор, почва песчаная, наносы Оки. Показались строения в зоне вышки и у ворот на углах. В воротах шел шмон. И тут произошел интересный случай: у левой вышки у ворот вертелся все часовой, а вот рядом со мной кто-то стоял, все зорко к нему приглядывался. Закрыв глаза, что-то видимо вспоминал. Потом встрепенулся и громко сказал: «Вот этот, с раненым левым ухом, охранял нас в Саласпильском лагере – зверь был, а как же он тут оказался?» И стал пробираться к вышке. С другой стороны его опередили, и того обезоружили.

Ну вот я и вновь в зоне. Там было несколько двухэтажных рубленых зданий, землянки, несколько рядов. По середине площади – простенькая деревянная трибунка. Дело к вечеру, какая-то необъяснимая тревога. Поговорили, но разговор как-то не шел. Уже темнеет, я пошел снова на воздух. Что мне делать: сообщать о себе семье или нет? И вдруг я увидел группу людей под кучкой сосен. Что такое? Я пошел туда, и увидел... первого повесившегося. Узнал, что он из нашего лагеря, ничем не запятнан, ему лет за 40. Что его заставило свести счеты с жизнью? Ведь он пережил ад, а что будет тут, мы еще не знаем. Продолжаю бродить, еще повесившиеся. Итак, к утру я насчитал девять трупов. Что делать, голова кругом идет. Иду в землянку к Краснову, а сам плачу. Что делать, что делать? Я уже себе и сосенку подобрал. Иван Петрович долго молчал, точнее, выжидал, пока у меня психоз пройдет. Рассветало, хороший солнечный день. Иван Петрович спросил, есть ли у меня деньги. Я сказал, есть – 450 рублей. «Так вот, иди и ищи на площади, кто пойдет в город, дай деньги и телеграммы. Больше об этом не думай, а то с копылков полетишь». Послушался, побродил по площади и встретил старшину, он оказался из Вятских Полян, и мы оба учились у Анны Ивановны. Зашел снова к Краснову, и он сказал, что они были в оперчек отделе и принимали исповедь за лагерь. Он сказал, что так всегда было и будет. Вечером пришел старшина и принес мне квитанции – отправил. Теперь сосредоточил все, чтобы ждать и ждать.

Где-то дней через семь, а это была суббота, наши самодеятельники вечером на подмостках крыльца дали концерт для военнослужащих и их семей. Я сидел в углу веранды над крыльцом. Вдруг кто-то положил мне руку на плечо и спросил:

– Ты Сергеев?

– Я...

– Тогда вот тебе открытка.

Когда я увидел почерк отца, чуть рассудок не потерял. Я узнал, что все мои живы. Отец в армии в Горьком, брат тоже в Горьком сдает экзамены в Ленинградский кораблестроительный, сестра в Брянске заканчивает Брянский институт лесоводства, а мать завхоз в г. Советске в лесхозе. Слава богу! Все живы. Но они-то не знают, кем стал я. Они считали, что я был партизаном. Ну да ладно, уж ничего не изменишь.

Однажды в полночь меня пригласили в смерш. В помещении было двое. Начался допрос. Капитан выложил на стол толстенькую папку бумаг, в том числе мой немецкий формуляр. Беседа

была спокойной, без вспышек. Я ответил ему на вопрос, где попал в плен. У него же альбом карт фронта, вот по нему я и показал место последнего боя, когда мы пошли на прорыв. Он посмотрел на меня и спросил: «Не путаешь?» Я ему ответил, что я артиллерист и в картах я не путаю. Он внес изменения по моим данным. Затем я подтвердил список 17 наших арестованных на острове Ходоев абвером. Он сказал, что по имеющимся данным остались в живых. Я подтвердил и второй список, в котором значилось 17 изменников, кто ушел к власовцам. На этом мое свидание со смершем окончено.

Дни тянутся медленно, не находишь себе приложения. Но вот несколько раз выводили нас на Оку разгружать баржи от капусты. Но вот и радость, я прошел поверку по 1 разряду (то есть без сучка и задоринки) с восстановлением воинского звания. Это придало мне бодрости и уверенности.

Вскоре нас – первой категории – перевели из зоны в усадьбу графини Уваровой. Ой, что было сделано с уникальным зданием! К паркетным полам прибиты деревянные стойки 150 мм гвоздями. Что это – варварство или нет? Вскоре командир взвода взял меня в писарчуки. Бумажек хватало. Он меня взял тогда за мой красивый почерк и дисциплинированность.

В это время я сдружился с Одайкиным Алексеем, секретарем Кинельского зерносовхоза. У него были надежные ботинки, и он ездил на уборку картошки и привозил ведро картошки себе. Вот мы вечером и варили, а те лагерные харчи были тонки. И вот он однажды принес картошки, и я пошел помыть ее на улице под умывальником. Вымыл, иду к входу в усадьбу и смотрю стоит группа наших человек 15 и две девушки. Присматриваюсь, и вдруг слышу: «Сергеев!» Я опешил, котелок с картошкой спрятал за колонну и подхожу к толпе. Одного плечом переместил, второго. Сомнения нет – сестра Полина и еще какая-то. Стою смотрю, а потом и говорю: «Ну что, Полина Ивановна, с приездом в гости...» Ну она в рев и ударилась. Поуспокаивал ее, передал подруге, а сам побежал в канцелярию. Комвзвода был на месте, и я ему доложил обстановку. Он без слов дал мне на сутки увольнительную. Я от него выскочил, и пошли три души искать, где переночевать. Не особенно долго искали, сердобольные старушки пустили. На кухне вскипятили самовар. У сестры было кое-что поесть и бутылка согревательного. Ну вот этим и занялись. Выпили за Победу, за встречу, за то, что остались живые. Послали нам на полу, и подруга сестры легла спать. А мы с сестрой проговорили всю ночь.

Самое страшное известие было то, что я потерял Веру. Когда я писал в 1942 году в мае письмо, то сестре написал о своих отношениях и сообщил ее адрес. Сестра сразу же вышла на связь, и они аккуратно переписывались. Но вот я исчез с горизонта до весны 1942 года. Весной 1942 года неожиданно мать получила письмо из хутора Митяевского. Какая-то женщина спрашивала мать, что ей известно обо мне. Мать ответила, что с первого мая от меня не было ничего. Тогда пришло второе письмо, в котором было написано, что ваш сын убит в бою под хутором Митяевским и похоронен в братской могиле. Писала учительница хутора Митяевского. Сестра сообщила это Вере и написала, что мертвого не вернуть. Они некоторое время еще переписывались...

Утром позавтракали остатками, поблагодарили хозяев и пошли на станцию. Билеты купили, посадили их со слезами, отправил.

Вернулся в часть.

Через некоторое время кто-то остановил меня в усадьбе Уваровой и спросил меня, не видел ли я капитана Щурова. Я переспросил: кого? Да, своего соседа по койке на острове. Оказывается, он находился в финчасти полка. Я заскочил к комвзвода, взял у него отпускную и бегом почти два километра. Заскочил в финчасть полка – точно капитан Щуров. Обнялись, оба в слезах.

– Что же не пригласил за компанию?

– Лодка была слишком мала. Доехали до ручья, на берег не ступали. Лодку загрузили камнями и оттолкнули, но близко. По ручью поднялись метров сто, а там навесная плита, вроде грота. Вот туда и забрались. Три дня там лежали, спали по очереди, а на плите нас охранял часовой из линии видимой связи. Через три дня эту линию отнесли километра на три-четыре. Вот тут-то мы и выскользнули от них. Первым делом надо было достать поесть. Удалось, у одного рыбака вялилась треска – вот и заняли. Вот так и шли: днем изучали местность, а вечером и ночью шли. Шли более 20 суток. Подошли к шведской границе – минирована. Вот и пришлось разминировать да обходить. Границу преодолели ползком. Увидели стражника, и к нему. Он спросил – русские? Да! Достал телефонную

трубку, включился в сеть, и вскоре за нами подошел наряд стражников и забрал нас на заставу. Первым делом – рюмочка коньяка, затем баня, затем еще рюмочка и спать. Подправили и перевезли в Евле, а затем и в Турку. А тут я заболел ишиасом и провалялся, а потом передали в органы МВД на дорожное строительство.

– Ну а как сложилась судьба Алексея?

– Он был направлен в штрафбат. После первого боя получил легкое ранение. Немного побыл в медсанбате, и на передовую. Пришел «на торги» в штаб, где распределяли резервистов и нос в нос встретил своего начальника разведки. Значит в бой. Так вот он в последнем письме, которое я получил, написал: «Итак, я все же в Берлине, дотопал. За шесть месяцев получил шесть орденов. Расписался на стенах рейхстага за всех знакомых»

Вот что я узнал о судьбе беглецов с острова.

У нас сменили комвзвода, и я это, грубо говоря, прохлопал. Он меня как писаря не представил. Я об этом не знал. Вечером после ужина (а ел я быстро, да и что там есть – щи из капусты) вышел и встал в колонну 4 или 5. Комвзвода достал записную книжку и сказал, что в команде 56 человек. Не хватает пятерых, ну и начал по порядку записывать в книжку. Записал первого, второго, третьего, четвертого, затем одного забраковал – стар, а пятым оказался я. Итак, я член команды 56. В Иркутск. На другой день нас обмундировали кое-как и готовят вагоны. Нас разместили в двух 18-тонных вагонах, буржуйка есть. Дали сухой паек, ну и топай в Сибирь. Настроение было совсем дрянное – я же хотел демобилизоваться и окончить институт.

Тихонько едем в своих вагонах. Знакомых у меня из этих людей нет никого.

Вот наконец-то и Красноуфимск. И как я себя проклял, что Вере не дал телеграмму. Наверное, она бы пришла, а стояли мы тут солидно. Снова в путь. Вот и Свердловск. Три года я жил в нем. Самые лучшие воспоминания. Здесь я 30 августа 1940 года познакомился с Верой. Здесь же и расстался 29 июня 1941 года.

Поезд все ближе и ближе к Иркутску. В 40° мороз прибыли. Кое-как добрались до управления МВД. И тут нас неожиданно окопачили – поворот на 180° до Тайшета.

Да, высмотрели Ангару с высоты моста. Выбираемся из города на вокзал, кое-как садимся в вагон и едем до Тайшета. Прибыли в Тайшет, заняли барак бывших заключенных. Кормили неважно в столовой. Вскоре я получил назначение – дежурный офицер оздоровительного отделения. Это недалеко от станции Невельская. От нее до оздоровительного отделения все кресты и кресты. Поработал с месяц, меня переводят на 178 км тоже дежурным офицером. Жили мы в крестьянском доме, спали на полу, но и этому были несказанно рады. У меня из сержантского состава был в подчинении старший сержант из Якутии. Он был экстра-охотник. Однажды в марте, когда мы мяса не видели, а свирепствовала цинга, Василий предложил мне, чтобы я разрешил ему сходить на охоту за лосем. Я ему разрешил взять карабин и обойму. Он в избе тут же снял со стены карабин, четыре патрона в патронник, в один ствол. Вышел из дома, а обе хозяйские собаки выскочили и понеслись в сторону долины. Через три часа я вернулся, на дворе стояли сани и лежала туша трехлетнего лося. Вот так Василий стал поставщиком мяса в коллективе. Этим мы сгладили цингу.

Где-то в начале лета меня перевели на 163 км в 36 лаготделение на эту же должность. В лагере был чуть не полный батальон, примерно 100 человек с хинчана. Строили насыпь. Разрабатывали карьер, строили мост-временку. Жилось более или менее нормально. Работалось хорошо, коллектив был здоровый. Встретил земляков – Валентина Трудоношина, мастера, его жену Зинаиду Трудоношину, бухгалтера.

В середине сентября стали формировать новый отряд строителей ВТ-500. Что это обозначало, никто не знал. В октябре начали формироваться и тут же прояснилось – будет строиться участок железнодорожной ветки длиной 330 км от станции Наушки до г. Сухэ-Батор. Сформировались, погрузились и тронулись на восток к Байкалу. Вот и его увидели во всей красе и полакомились омулем в День Октябрьской Революции.

Итак, подъехали к Наушкам. Кое-как растолкались по разным помещениям и квартирам. Я жил у председателя местного колхоза. По карточкам получали паек. Спустя месяц началась переправа через

границу. Миновали границу, проехали Сухэ-Батор и доехали до поселка Шамор. Это смесь всего, что есть в Сибири. Шамор насчитывал 1200 дворов. Жилье, как и жильцы, было разнообразное. Там было много китайцев, монголы, араты, уйгуры и другие. В поселке был один магазин. До нашего приезда магазин закрывался палкой-задвижкой. В первую ночь его наши подчистили. К вечеру на окнах магазина появились ставни и огромный винтовой замок. В поселке была школа (строили наши в период прокладки автодороги). Десятилетка была только в Сухэ-Баторе. Рядом со школой – клуб. Вот в нем и разместился штаб. Тесновато, но не на улице. Стали завозить зимнее обмундирование.

Прибывали и эки, постепенно стали работать. К весне уже было их порядочно, картотека насчитывала у нас по спецчасти 82 000 человек. Работы начались. В спецчасти были: начальник – майор Туреев, старший инспектор – я, Сергеев Александр Иванович, второй старший инспектор – Працьков и картотечница Аня. Работы было много, когда приходили этапы. Мне приходилось работать до 3-4 часов утра.

В 1948 году все министры издавали праздничные указы, а наш министр внутренних дел «раздобрился» и в канун праздника Октябрьской Революции издал указ об увольнении из органов МВД всех, кто был в плену. С декабря нас стали освобождать и отправлять по родным местам.

В январе, сдав все дела, я отбыл на родину в Кировскую область, г. Котельнич, где жили мои родные.

Где и сейчас живу.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава 1. Начало жизненного пути	5
Глава 2. Курсант.	8
Глава 3. Испытание войной.	30
Глава 4. По ту сторону огня.	70
Глава 5. Возвращение.	107

Литературно-художественное издание

Сергеев Александр Иванович

ЛИНИЯ ЖИЗНИ – ЛИНИЯ ВОЙНЫ

Автобиографическая повесть

**Компьютерная верстка Светланы Рябихиной
Корректурa Марины Шильниковой**

Подготовлено к печати Котельничской типографией.
Лицензия Комитета РФ по печати Плр № 040071 от 19 июля 1994 г.

Сдано в производство 20.04. 2007 г. Подписано в печать 27.04.2007 г.
Гарнитура «Miniatura». Бумага офсетная. Усл. печ. л. 8.
Тираж ... экз. Заказ № 968.

Цена договорная

Отпечатано в Котельничской типографии.
612600, г. Котельнич, ул. К. Маркса, 7.